A17 7 co/29

ЗВУКОВЫЯ и ФОРМАЛЬНЫЯ

ОСОБЕННОСТИ

НАРОДНЫХЪ ГОВОРОВЪ

Холмской Руси.

БИБЛИОТЕКА
А17 7/29 соб
07

Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ.

В. Шимановскаго.

593

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
Краковское Предмѣстье № 3.

1897.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 9 октября 1896 г.

428899
9 X 1937
W

„ОБЗОРЪ“

ПОСВЯЩАЕТСЯ

лицамъ, трудами которыхъ онъ составленъ.

Многія причины даютъ право Холмскимъ говорамъ на особенное вниманіе къ нимъ со стороны языковѣдовъ. Стремленіемъ оказать посильную пользу въ дѣлѣ изученія этого уголка Русской земли вызвано и изданіе предлагаемаго Обзора. Приношу глубокую благодарность лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе при исполненіи работы: Его Преосвященству, Люблинскому Епископу Гедеону, оо. протоіереямъ: И. И. Гошовскому и Н. И. Страшкевичу, начальникамъ учебныхъ заведеній, разрѣшившимъ ученикамъ собираніе свѣдѣній по составленной мною программѣ, А. И. Залѣсскому, весьма хорошо объяснившему ученикамъ пріемы записыванія образцовъ народныхъ говоровъ, и наконецъ всѣмъ лицамъ, доставившимъ свѣдѣнія.

Г. Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа, Д. Т. С. А. Л. Апухтина и В. Я. Ваккера прошу принять мою искреннюю благодарность за доставленіе мнѣ матеріальной возможности для изданія Обзора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Источники	1
II.	Фонетика.	
	Звуки *е—и—ы*	11
	Звуки *а—я*	18
	Звуки *о—у*	21
	Суженіе гласныхъ	23
	Замѣны древняго *ѣ*	30
	Звуки, замѣнившіе глухіе	35
	Приставка, вставка, выпаденіе и сокращеніе гласныхъ	39
	Переходъ гласныхъ въ согласные	45
III.	Согласные.	
	Общія замѣчанія	47
	Гортанные	51
	Губные	53
	Плавные *р* и *л*	55
	Зубные	58
	Шипящіе и свистящіе	60
	Смягченіе согласныхъ	63
	Удвоеніе согласныхъ	65
	Переходъ однихъ согласныхъ въ другіе	66
	Приставка, вставка и выпаденіе согласныхъ	69
IV.	Морфологія.	
	Мужскія основы на *о—ŭ* и среднія на *о*	74
	Женскія основы на *а—я*	82
	Основы на *ь*	85
	Основы на согласные	85
	Двойственное число	86

Стр.
Прилагательныя, мѣстоименія и числительныя . . . 87
Глаголъ 94
Будущее время 101
Прошедшее время 101
Причастія и дѣепричастія 102
Общіе выводы 103
Приложеніе. Образцы говоровъ:
С. Руда III
Дер. Скордіевъ VI
Дер. Гнишевъ VIII
Пос. Павлово XII
С. Депултычи XIV
Дер. Волковяны XVI
С. Степанковице XIX
С. Сагрынь XIX
С. Слипче XIX
С. Подгорцы XXI
Пос. Тарногродъ XXII
С. Бища XXV
С. Потуржинъ XXV
С. Шлятинъ XXVI
С. Тыпинъ XXVIII
С. Переспа XXIX
Нѣсколько метрическихъ записей XXXI

ИСТОЧНИКИ.

Г. Янчукъ[1]) говоритъ, что „по пѣснямъ не всегда можно составить вѣрное представленіе о мѣстномъ говорѣ. Не говоря уже о томъ, что пѣсни не исчерпываютъ всей полноты отличительныхъ чертъ говора, даже и въ томъ матеріалѣ, который онѣ даютъ, очень много формъ и самыхъ словъ чисто пѣсенныхъ, неупотребительныхъ въ современной обыденной рѣчи“.

Неоспоримо, какъ и вообще нельзя сомнѣваться въ томъ, что при составленіи сужденія о живомъ народномъ говорѣ на основаніи одного рода или вида источниковъ односторонность и неполнота свѣдѣній являются необходимымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣла. Языкъ нашихъ древнихъ евангелій, апостоловъ, поученій и т. п. весьма мало даетъ данныхъ для сужденій о живомъ народномъ говорѣ по этой же причинѣ. Но съ другой стороны, безспорно также и то, что нельзя пренебрегать и пѣсеннымъ матеріаломъ—уже по тому одному, что пѣсни — произведенія того же народа, и употребляющіяся въ нихъ слова и формы—все же элементы его рѣчи жи-

---

[1]) Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Москов. Унив. VII. 71.

вой, а не мертвой. Слѣдуетъ, конечно, также имѣть въ виду, что не всѣ пѣсни въ данномъ отношеніи занимаютъ одинаковое положеніе: есть пѣсни, языкъ которыхъ ни въ чемъ не отличается отъ языка разговорнаго: пѣсни шуточныя, игровыя, любовныя; языкъ нѣкоторыхъ пѣсенъ представляетъ замѣчательныя по своей старинѣ формы.

При составленіи настоящаго обзора авторъ пользовался не только данными живой разговорной рѣчи, но и тѣмъ матеріаломъ, который можно почерпнуть изъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ и даже произведеній искусственныхъ, составленныхъ или непосредственно для цѣлей автора, или же составляющихъ плодъ поэтическаго вдохновенія неизвѣстныхъ авторовъ Холмской Руси. Источники при составленіи работы были двоякаго рода: рукописные и печатные. Свѣдѣнія перваго рода получены путемъ разсылки и раздачи небольшой программы для собиранія свѣдѣній о языкѣ русскаго населенія Холмской Руси. Сообщенныя собирателями свѣдѣнія и легли въ основу настоящаго труда. Представляемъ перечень лицъ и мѣстностей, откуда получены свѣдѣнія.

Люблинская губернія:

С. Бонча Красноставскаго у. Населеніе смѣшанное, поляки и русскіе, между которыми есть нѣсколько (4—5) семействъ „калакутовъ“, — упорствующихъ, — бывшихъ уніатовъ. Свѣдѣнія о говорѣ доставили Л. Ѳ. Стрѣльбицкій и И. С. Мархева, при чемъ послѣдній замѣчаетъ, что у нихъ въ селеніи „ужасная смѣсь языковъ: польскаго, малорусскаго и даже русскаго, такъ что въ итогѣ получается такъ называемый „хохлатскій языкъ“.

---

[1]) Приводимыя въ Трудахъ этнограф. стат. эксп. Чубинскаго (т. VII, ч. III, стр. 362, 364—374) „Статистическія данныя о малорусскомъ населеніи“ въ настоящее время уже не могутъ считаться точными.

Бѣлгорайскій уѣздъ.

С. Замхъ. Жители какъ этого селенія, такъ и окрестныхъ — русскіе, православные; по-польски не говорятъ. Свѣдѣнія доставилъ Влад. Степ. Вацъ.

Пос. Тарногродъ населенъ поляками и русскими, которые всѣ умѣютъ говорить по-польски. Весьма обстоятельныя свѣдѣнія и образцы народнаго говора доставилъ Ник. Ал. Черлюнчакевичъ.

С. Бища. Въ немъ католиковъ около 25%; какъ въ этомъ, такъ и ближайшихъ селеніяхъ православные между собой говорятъ по-русски, но польскую рѣчь почти всѣ знаютъ и съ католиками говорятъ по-польски. Свѣдѣнія получены отъ свящ. Ал. Григ. Николина.

С. Горный-Потокъ. Католиковъ около 75%, но рѣчь слышится русская. Свѣд. дост. Ос. Макс. Томкевичъ.

Г. Бѣлгорай. Матеріала для характеристики говора немного, такъ какъ почти всюду слышится польская рѣчь. Однако изъ доставленныхъ Вас. Гр. Козловымъ свѣдѣній видно, что русская народная рѣчь не исчезла.

С. Долгобычевъ. Католиковъ около 25%. Крестьяне по-польски не говорятъ. Свѣд. дост. Ник. Ал. Фридрихъ.

С. Переспа; населено на-половину православными и католиками. Въ такомъ же процентномъ отношеніи православные къ католикамъ находятся и въ селеніяхъ: пос. Тышовцы, дер. Провале, сс. Зубовище, Дубъ, д. Котлище. Крестьяне трехъ ближайшихъ селеній: Гонятычи, Вакіева и Чермнаго, говорятъ малороссійскимъ языкомъ *твердымъ*, а крестьяне дер. Рутки, основанной лишь въ 1893 г., исключительно православные, всѣ безъ изъятія говорятъ по-польски. Прекрасныя свѣдѣнія о языкѣ этихъ мѣстностей доставлены при отношеніи о. настоятеля православнаго прихода за № 30.

С. Тыпинъ. Православныхъ около 75%; крестьяне говорятъ и по-польски. Хорошія свѣдѣнія дост. Триф. Ив. Кондрацкій.

С. Тырноватка. Въ самомъ селѣ католиковъ около 5%, а въ приходѣ ихъ около $^2/_3$. Крестьяне охотно гово-

рятъ по-польски, такъ что „пѣсни, сказки, пословицы, поговорки и прибаутки — почти всѣ польскія“. Свѣдѣнія доставлены Іос. Вас. Харламповичемъ.

С. Телятинъ. Католиковъ менѣе 1%. Населеніе его и окрестныхъ деревень—русинаши; православные „умѣютъ, но не говорятъ безъ нужды по-польски“. Свѣд. дост. Вас. Ив. Мысына.

С. Шлятинъ. Въ немъ католиковъ почти половина; крестьяне не говорятъ по-польски. Хорошія свѣдѣнія доставлены о. настоятелемъ правосл. прихода Іоан. Іоанн. Ярошевичемъ „со словъ крестьянина, 60-лѣтняго старика Мартына Гарасыма”.

С. Потуржинъ, какъ и окрестныя селенія, населено православными, по-польски не говорящими. Свѣд. дост. М. М. Занько.

С. Зимно. Въ немъ католиковъ около 10%. Крестьяне по-польски не говорятъ. Свѣд. дост. О. Т. Горскій.

Холмскій уѣздъ.

С. Буссовна; населено исключительно православными. между собой говорящими по-русски. Свѣд. дост. Ив. Андр. Дѣдуникъ.

С. Михайловинъ. Свѣдѣнія доставилъ Вас. Евст. Войтюкъ.

С. Волковяны, какъ и окрестныя, населено исключительно православными, говорящими только по-русски. Хорошія свѣдѣнія получены отъ Дм. Андр. Рочняка.

Дер. Гнишевъ. Католиковъ въ ней около 50%; крестьяне между собой говорятъ по-русски. Свѣд. дост. Конст. Нарк. Горскій.

С. Руда. Образцы говора доставлены М. Тусевичемъ.

Пос. Павловъ. Въ немъ есть и костелъ, который посѣщается и православными. Свѣд. дост. г. Чайковскій.

С. Безекъ (Бозекъ). 50 дворовъ, изъ которыхъ одинъ католики. Крестьяне умѣютъ говорить по-польски. Свѣд. дост. Дм. Ѳом. Козловскій.

Дер. Скордіевъ. Католиковъ около 10%. Свѣдѣнія и образцы говора дост. Вас. Евст. Войтюкъ.

С. Депултычи. Православныхъ 1800 чел., католиковъ 6; по-польски крестьяне не говорятъ. Свѣд. дост. Юл. Юл. Попель.

Грубешовскій уѣздъ.

Пос. Ухане; католиковъ около 87%; окрестныя деревни также представляютъ смѣшанное населеніе; въ сосѣдней дер. Дрогичанахъ, несмотря на преобладающее число католиковъ, говорятъ только по-русски. Свѣд. дост. Дм. Евг. Лѣсковацкій.

С. Тератинъ. Населеніе православное, по-польски не говорящее („за малыми исключеніями"). Въ окрестностяхъ живутъ „моравскіе колонисты". Свѣд. дост. Вас. Ал. Мартышъ.

С. Слипче. Въ немъ католиковъ нѣтъ. Крестьяне по-польски не говорятъ, но польскую рѣчь понимаютъ. Свѣд. дост. М. Як. Лотоцкій.

Пос. Грабовецъ. Католиковъ около 20%. Большинство крестьянъ говоритъ по-польски. Свѣд. дост. Діон. Марк. Могильницкій.

С. Монятычи. Католиковъ $^1/_6$. Въ окрестностяхъ живутъ австрійскіе колонисты-католики, говорящіе по-польски. Свѣд. дост. свящ. Феликсъ Осиповичъ Михайловскій.

Г. Дубенка и дер. Скригичинъ, Рогатка и Селище (Седлище). Православныхъ около 45%. По-польски говоритъ большинство. Свѣд. дост. К. Любарскій.

С. Копыловъ. Поляковъ около 3%. Говорятъ только по-русски. Свѣд. дост. Іос. Влад. Ковалевскій.

С. Степанковице. Католиковъ 5%. Крестьяне „весьма мало" говорятъ по-польски. Свѣд. дост. Вас. Леон. Ваксенбургъ.

С. Верешинъ. 1% католиковъ. Говорятъ только по-русски. Свѣд. дост. Андр. Діон. Михалевичъ.

С. Сагрынь. Католиковъ около 10%. Всѣ крестьяне какъ этого села, такъ и окружающихъ говорятъ толь-

ко по-русски. Исключеніе составляютъ служащіе въ имѣніяхъ помѣщиковъ. Свѣд. дост. Іос. Ив. Шикула.

С. Ярославецъ. Католиковъ около 10%. Говорятъ по-русски („большею частью"). Свѣд. дост. Всев. Евг. Лѣсковацкій.

С. Подгорцы (Пудгорци) и Гоздовъ. Католиковъ 1%. Крестьяне по-польски не говорятъ. Свѣд. дост. св. Іос. Опуфр. Бачинскій и Вас. Ив. Величко.

Свѣдѣнія, касающіяся говора деревень: Дорогуска, Почекайки, Жултанки и Струпина, собраны мною.

Нѣкоторыя мѣстности Люблинской губ. не могли дать матеріала для характеристики народныхъ говоровъ по особымъ мѣстнымъ условіямъ, такъ напр. населеніе Терешпольскаго православнаго прихода говоритъ по-польски (отзывъ свящ. о. Север. Могильницкаго); то же можно сказать и о населеніи Любартовскаго прихода (отзывъ прот. Ник. Петр. Софронова), Щебрешинскаго, въ которомъ „народной пѣсни не слышно даже на польскомъ языкѣ: когда возвращаются съ поля, то поютъ религіозныя пѣсни, какія поются въ костелѣ на утренѣ или на вечернѣ" (отзывъ свящ. Т. И. Трача). Въ такомъ же неблагопріятномъ положеніи находится дѣло и въ Комаровскомъ православномъ приходѣ, состоящемъ изъ 13 селеній съ населеніеиъ польскимъ, среди котораго живетъ 1190 чел. православныхъ (10%), „не употребляющихъ даже молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ, за исключеніемъ 180 лицъ, бывшихъ учениковъ мѣстнаго училища" (отзывъ свящ. О. М. Гумецкаго).

Сѣдлецкая губ.

С. Гусь Радинскаго у. Католиковъ въ немъ около 3%. Въ окрестныхъ селеніяхъ—„упорствующіе, которые, случается, говорятъ по-польски". Свѣд. дост. Ѳ. И. Бренкевичъ.

Бѣльскій уѣздъ.

С. Заболоте. Въ немъ католиковъ только 2 семейства—непостоянныхъ жителей. По-польски крестьяне не говорятъ. Свѣд. дост. Вл. Ив. Паламарчукъ.

Пос. Россошъ. Православныхъ 1340 чел., католиковъ 368 Между православными довольно много „калакутовъ“, однако говорятъ они по-русски. Свѣд. дост. Алекс. Сем. Субботинъ.

С. Ганна. Около 1% католиковъ и около 3% „калакутовъ“; по-польски „вовсе не говорятъ”. Весьма хорошія свѣдѣнія доставилъ Степ. Андр. Левчукъ.

Влодавскій уѣздъ.

С. Полюбичи. Населеніе сплошное русское; поляковъ, кромѣ помѣщика и его прислуги, нѣтъ. Попольски между собой крестьяне не говорятъ. Свѣд. дост. свящ. Гр. Юл. Коблянскій.

Пос. Вишницы. Католиковъ 10%. Говорятъ по-русски. Свѣд. дост. свящ. о. Ник. Мазановскій.

С. Жещинка. Населеніе сплошное русское; польскую рѣчь понимаютъ. Свѣд. дост. свящ. о. Пав. Лонскій.

С. Любень. Всѣ православные. Свѣд. дост. г. Бачинскій и А. И. Прокофьевъ.

Пос. Городище. Населеніе сплошное русское; по польски плохо говорятъ служащіе „по дворахъ” (у помѣщиковъ поляковъ). Свѣд. дост. свящ. П. И. Скальскій.

Изъ деревень: Сухавы, Замолодычи и Орховки весьма хорошія свѣдѣнія доставилъ г. Бачинскій.

Изъ перечня мѣстностей видно, что основное населеніе—русское, къ которому примѣшивается въ большей или меньшей степени польское. Въ разныхъ мѣстахъ живутъ евреи, нѣмцы, чехи и другіе инородцы, не вліяющіе на видоизмѣненіе звукового состава словъ.

Кромѣ перечисленныхъ источниковъ, авторъ пользовался рукописнымъ „Сборникомъ народныхъ пѣсенъ Любл. и Сѣдл. губ.”, подареннымъ въ библіотеку Императорскаго Варшавскаго Университета Холмскимъ протоіереемъ Н. И. Страшкевичемъ. „Сборникъ” состоитъ изъ 6 тетрадей: въ первой—48 стр., во второй и третьей—119, въ четвертой—84, въ пятой—40, въ шестой—32 стр. (всего 223 стр.); отдѣльно на 18 стр. на

почтовой бумагѣ пѣсни, собранныя г. Лукой Ксенжикомъ въ Турковицахъ Грубешовскаго уѣзда, отчасти въ Жерникахъ Томашевскаго уѣзда Люблинской губ. Къ весьма большому сожалѣнію, при записываніи и переписываніи этихъ пѣсенъ не имѣлись въ виду потребности филолога, который при пользованіи этимъ сборникомъ долженъ быть весьма остороженъ. Только пѣсни, собранныя и записанныя г. Лукой Ксенжикомъ, могутъ служить хорошимъ источникомъ для цѣлей филологическихъ. О томъ, какъ записаны эти пѣсни, можно судить по изданію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ст. „Очерки быта крестьянъ Холмской и Подлясской Руси по народнымъ пѣснямъ" (Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, VII, 338—432).

Кромѣ рукописнаго матеріала, въ моемъ распоряженіи былъ и печатный. Здѣсь первое мѣсто, какъ по обширности матеріала, такъ и по личному основательному знакомству съ особенностями говора, принадлежитъ записямъ г. Янчука въ ст. „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Констант. у. Сѣдлец. губ." (въ Трудахъ этногр. отд. Москов. Общ. любит. естествозн., VII, 74—114). За ними слѣдуютъ „Образцы народныхъ говоровъ малорусскаго нарѣчія. Сѣдлецкія разнорѣчія уѣздовъ Бѣльскаго, Константиновскаго и Радинскаго", помѣщенные въ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія" П. Житецкаго (стр. 297—310). Здѣсь помѣщены только пѣсни.

Записи образцовъ народныхъ говоровъ Холмской Руси можно найти и въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Зап. Русскій край" Чубинскаго, главнымъ образомъ тт. II, III, IV, V и VII, вып. 3, стр. 552—556. Записи здѣсь довольно точныя, особенно хорошо записаны сказки (т. II).

Нѣсколько народныхъ пѣсенъ помѣщено въ ст. К. Яроцкаго „Бытовыя черты Русинки Холмскаго края по пѣснямъ" (Живая старина, 1892 г., вып. IV, стр. 125—134). Мѣстность точно не обозначена, но, судя по со-

держанію и формѣ пѣсенъ, можно сказать, что онѣ записаны очень близко отъ Холма.

Гораздо менѣе удовлетворительны и пригодны для филолога записи народныхъ произведеній болѣе ранняго времени. Такого рода записи находимъ въ ст. К. В. Войцицкаго „Ruś Podlaska", пом. въ кн. Zarysy domowe, т. III, стр. 265—353.

Подъ сильнымъ вліяніемъ упомянутой статьи Войцицкаго написана статья Ад. Каменскаго „О Подляской Руси" въ „Опытахъ въ русской словесности воспитанниковъ Варшавскаго учеб. округа", стр. 35—51. Здѣсь пѣсни тѣ же, что и у Войцицкаго, но запись ихъ еще менѣе удовлетворительна. Мѣстность, откуда взяты пѣсни, ни у Войцицкаго ни у Каменскаго точно не обозначена.

Съ такимъ же характеромъ записи читаемъ нѣсколько пѣсенъ и въ ст. Л. Албертова „Люблинская Русь" въ тѣхъ же Опытахъ, стр. 27—34.

Не вполнѣ точны записи и въ ст. M. I. Obrzędy weselne na Rusi (o dwie mile od Buga), помѣщенной въ Księga świata ч. II, стр. 113—120 [1]).

Болѣе или менѣе обобщающаго характера свѣдѣнія о нашихъ говорахъ находимъ:

Въ ст. К. П. Михальчука „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Руси въ связи съ нарѣчіями Галичины" въ Трудахъ Чубинскаго, VII, III вып., стр. 453—512.

Въ упомянутомъ уже трудѣ П. Житецкаго „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія" находимъ свѣдѣнія и выводы относительно Сѣдлецкихъ говоровъ.

Въ ст. „Замѣтки о русскихъ говорахъ Сѣдлецкой губ., доставл. свящ. Сим. Желеховскимъ" (Р. Ф. В. 1884, II. 255—261) помѣщены свѣдѣнія весьма общаго характера.

---

[1]) Послѣднія три книги мнѣ были указаны и даны для пользованія С. В. Вольскимъ.

Эти же свѣдѣнія, съ присоединеніемъ къ нимъ замѣтокъ о говорахъ Люблинской губ., изложены въ ст. прот. Н. И. Страшкевича „Устная народная словесность въ Холмской и Подляской Руси" (Памятники Русской стар. въ зап. губ. VIII. 453—503. О языкѣ идетъ рѣчь на стр. 494—502).

Самой содержательной статьей безъ сомнѣнія слѣдуетъ признать ст. г. Янчука „Нѣкоторыя особенности Корницкаго говора" (Труды VII. 60—72). Если бы говоръ каждаго прихода былъ описанъ такъ, какъ Корницкій, точная классификація русскихъ нарѣчій и говоровъ на основаніи существеннѣйшихъ особенностей каждаго изъ нихъ имѣла бы вполнѣ прочныя основанія.

Наконецъ, въ „Очеркѣ русской діалектологіи" пр. Соболевскаго сообщаются свѣдѣнія и о говорахъ Люблинской и Сѣдлецкой губ. (Живая старина 1892, IV. 31. 34. 35. 36. 37. 46). Такъ какъ Очеркъ составленъ на основаніи печатныхъ источниковъ, то о Сѣдлецкихъ говорахъ сообщается больше свѣдѣній, чѣмъ о Люблинскихъ, о которыхъ говорится лишь въ нѣсколькихъ строчкахъ.

Историческаго матеріала, который могъ бы дать возможность отмѣтить начало тѣхъ или другихъ звуковыхъ и формальныхъ образованій и прослѣдить постепенное развитіе ихъ въ томъ или другомъ говорѣ, въ моемъ распоряженіи было весьма немного. Хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что русская рѣчь въ теперешнихъ Люблинской и Сѣдлецкой губ. слышалась и въ старину, и что предѣлы ея распространенія въ древнее время были гораздо шире, чѣмъ теперь, хотя въ латинскихъ актахъ есть записи въ родѣ слѣдующихъ: inscribit uxori suae per literam, ruthenicali idiomate scriptam или . . . . . perspicuum esse, ruthenicarum literarum gnarum et bene peritum ac in suam religionem singularem gerentem devotionem (Акты Холмскіе, XXXIV, 356), тѣмъ не менѣе, по историческимъ обстоятельствамъ, до нашего времени не сохранились остатки древнихъ рус-

скихъ актовъ этой мѣстности, такъ какъ русскіе акты при записи ихъ въ книги переводились на польскій или латинскій яз. (ib. XXXIV). По этой причинѣ историческія данныя большею частью заимствованы изъ трудовъ Соболевскаго, Потебни, Житецкаго и др.; при чемъ оказалось, что многія особенности языка памятниковъ „Галицко-волынской" области свойственны нашимъ говорамъ.

II. ФОНЕТИКА.

А) Звуки гласные *е*, *и—ы*.

I. Въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ существуетъ разница между *и* и *ы*, первичный звукъ *е* иногда произносится мягко и умягчаетъ предшествующій согласный: вэсьэльэ, людьэй, сонцьэ (Радинскіе говоры Р. Ф. В. 1894, II. 257), въ другихъ, напр. въ Переспѣ вмѣсто *е* получается „нѣчто среднее между *э* и *е*".

Въ говорахъ же, утратившихъ различіе между *ы* и *и*, древній звукъ *е* во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходится стоять послѣ согласныхъ, утратилъ качества звука мягкаго и приблизился къ звукамъ категоріи *ы* и отвердѣвшаго *и* и въ большей или меньшей степени въ живой разговорной рѣчи смѣшивается съ ними. Явленія, характеризующія взаимныя отношенія указанныхъ звуковъ, могутъ быть представлены слѣдующими случаями взаимной ихъ мѣны:

1. а) Звукъ *э* стоитъ на мѣстѣ древняго *и*: трэмаймося, трэматыся, прэйды, пэла, пропэла, гулэцю, долэноньку, лэсты, пэсаты, Скордіевъ, зранэвъ, лэсты, трэма, гулэчэну Руда. Удареніе надъ *и* не мѣшаетъ постановкѣ вмѣсто него звука *э*; относящіяся сюда случаи весьма многочисленны: полюбэламъ, прыйдэ, запросэла, засьвитэ, засьвитэла, лэшъ, колэжъ, чупрэну, бэты, ходэты Скордіевъ, крынэця, вудэця, калэна, дивчэна, мэ-

вый, мэва, чэсту, напэсано Руда, купэвъ, жэда, исэ, бэвъ, путупэлысе, свэны (= свиньи), пужывэтысэ, самэ, вкэнуты, заклэкавъ, пудывэлысе Волковяны [1]).

Въ историческомъ ходѣ развитія этого звукового явленія можно указать на формы, уже довольно рано представляющія *е* вмѣсто *и*: жедове, мерось, прѣменеть, принече (XIII в. Соболевскій, Очерки 100). Такіе случаи извѣстны и памятникамъ слѣдующихъ вѣковъ, напр. въ Лаврскомъ ев. XIV в. встрѣчаемъ формы: тивереядьскаго, галелѣя, вгалелѣю, семеону, патрекия, срв. также истены (XV в.). Особенно многочисленные случаи постановки *е* вмѣсто *и* находимъ въ южно-русскомъ спискѣ поученій Ефрема Сирина 1492 г., гдѣ читаемъ: честъ 172 д, елени (вм. елины—эллины), 182 б, беєну 124 б; исключенія не представляютъ въ данномъ случаѣ и именная флексія *іе*, *ія*, переходящая въ *ее*, *ея* напр. каменеємь 320 б, тернеємь 124 б (при терния 159 г), братея 314 а, каменеємь 320 б, паденеє 60 г, озлобленѣя 199 д, недостоянеє 159 б и т. д. [2]). Извѣстны такого рода случаи и въ XVI в.: нарецаемемь, сънедеши, ведети, истеннѣйшихъ [3]). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что уже въ XIII в. переходъ *е* въ *и* не былъ обусловленъ удареніемъ. Что этотъ переходъ былъ вызванъ и под-

---

[1]) Правописаніе принято, употребляемое въ рус. лит. языкѣ, что дѣлали и собиратели свѣдѣній.

[2]) Уже по одной этой, сильно развитой звуковой чертѣ мы рѣшаемся утверждать, что упоминаемый списокъ Поученій Ефрема Сирина написанъ именно въ этомъ уголкѣ Холмской земли или въ ближайшей части Волынской. Данныя языка также неоспоримо убѣждаютъ насъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ XV в., а не XIII, какъ думалъ Срезневскій (Славяно-русская палеографія 210—213) и вслѣдъ за нимъ г. Житецкій (Очеркъ литер. исторіи 49). Тѣ черты польско-чешскаго вліянія, которыя мы находимъ въ языкѣ этого памятника, совершенно необъяснимы въ русскомъ памятникѣ XIII в.

[3]) Крыжановскій. Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ 68. 123. 213.

держанъ отвердѣніемъ *и*, можно видѣть отчасти и изъ того, что онъ неизвѣстенъ говорамъ, различающимъ основные *и* и *ы*; поэтому весьма естественно, что болѣе или менѣе частые случаи появленія его относятся лишь къ XIII в.: раньше этого времени *е* не отвердѣлъ еще до такой степени, чтобы смѣшиваться съ *и*.

Мѣна *и* на *е*, какъ явленіе фонетическое, извѣстна и нѣкоторымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ [1]); есть она и въ польскомъ: sierota, ścierać, ubierać и под.; но какъ по характеру являющагося здѣсь *е*, такъ и по причинамъ, породившимъ это явленіе, она не имѣетъ ничего общаго съ разсмотрѣннымъ нами переходомъ.

б) Случаи обратнаго перехода—постановки *и* вмѣсто *е*, представляютъ менѣе развившееся звуковое явленіе: жинэ (= жены, гони), жибэ (= польск. żeby), пупирикидавъ, пырискочила и пирискочила, Питрушки, Питрушку Волковяны. Это звуковое явленіе не развилось до сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, и этому, очевидно, помѣшало отвердѣніе *е*. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы мы не находили указаній на него въ памятникахъ болѣе ранняго времени; такія указанія, кажется намъ, слѣдуетъ видѣть въ формахъ: глаголимое, негыблимаго (если только тутъ мы не имѣемъ дѣла съ образованіями по аналогіи), ѥщи [2]), надъ учителимъ, нибс-нааго, скрьжить, хировими, елионъ, сторицію [3]). Отъ этого явленія слѣдуетъ отличать случаи появленія *и* вмѣсто *е*, которому предшествуетъ *j*. Такого рода случаи въ нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ нами говоровъ составляютъ обычное явленіе.

---

[1]) Колосовъ. Обзоръ звук. и форм. особенностей 116—119.

[2]) Соболевскій. Очерки изъ исторіи рус. языка 84—85.

[3]) Крыжановскій. Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ 68. 102. 122. Нѣтъ поэтому основанія въ гал.-вол. ещи (Соболевскій, Очерки 85), извѣстномъ и у пинчуковъ (Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ 57) отрицать происхожденіе *и* изъ *е*.

2. а) Такъ какъ звукъ *е* сильно отвердѣлъ (*е* = *э*), то весьма многочисленны случаи постановки вмѣсто основного *е* звука *ы*. Нѣкоторые изъ собирателей свѣдѣній заявляютъ, что „трудно даже различить въ живомъ говорѣ *э* отъ *ы*“ (Павлово), въ селѣ Телятинѣ „*е* въ большинствѣ случаевъ выговаривается твердо, даже чаще *е* выговаривается какъ *ы*“; иные заявляютъ (с. Ганна Сѣдл. г.), что „если *э* безъ ударенія, то иногда онъ переходитъ въ *ы*“. Но на основаніи собранныхъ нами свѣдѣній мы можемъ категорически утверждать, что на взаимный переходъ звуковъ *ы* и *е* удареніе не имѣетъ никакого вліянія, и близость ихъ съ достовѣрностью устанавливается на основаніи наблюденій надъ явленіями живой народной рѣчи и обусловленнымъ этими явленіями способомъ письменной передачи подобныхъ словъ. Примѣры замѣны *е* посредствомъ *ы*: чырвоный, трывожыты, хрыстыты, па хрыбтовы Ганна, тырпиты, чырывыки Сагрынь, трывожыты, внутрыный, хрыстыны Ярославецъ, ны вамъ, ны ду мэсли жону взевъ, затырмыновано Руда, ны давъ, ны малы, ны будышъ Волковяны, ны лынывый, ны плачъ Полоски и т. д. Къ какому времени отнести начало этого звукового перехода, мы положительно затрудняемся сказать: достовѣрныхъ указаній на него въ памятникахъ намъ не удалось отмѣтить, хотя трудно считать его и новымъ, потому что причина, вызвавшая его, восходитъ къ довольно раннему времени.

б) Вмѣсто основного—ударяемаго и безударнаго—*ы* также весьма часто въ нѣкоторыхъ говорахъ можетъ стоять *э*: здэбавсе, бэдло (пол. bydło), вэйшла, тэ (= ты), Волковяны. На этомъ основаніи является рядъ формъ прилагательныхъ, представляющихъ вмѣсто *ый* флексію *эй*: чужэй, старэй, новэй Руда, рабэй, дурнэй Волков. и т. д. [1]),

3. Съ указаннымъ явленіемъ отвердѣнія основного *е*

---

[1]) Такія формы, какъ извѣстно, существуютъ въ бѣлорус. (Карскій, Обзоръ 34) нарѣчіи и въ говорѣ пинчуковъ (Довнаръ-

не стоитъ въ связи переходъ этого звука въ *о* въ нѣкоторыхъ словахъ, причемъ вмѣсто *о* можетъ стоять и *у*: попылъ, сукира, лубуда, туби, суби Волк., Буссовна, Михайловинъ и др. *О* въ этомъ положеніи, извѣстное мѣстами и въ другихъ русскихъ говорахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ, восходитъ къ очень раннему времени, когда объ отвердѣніи *е* въ южнорус. не могло быть и рѣчи.

II. Въ случаяхъ, когда звуку *е* приходится стоять послѣ гласнаго, или же въ случаяхъ, когда онъ является вторичнымъ, развившимся изъ звука *я*, онъ сохраняетъ свойства звука мягкаго и умягчаетъ предшествующій согласный. Въ такихъ положеніяхъ *е* въ нѣкоторыхъ изъ изслѣдуемыхъ говоровъ способенъ къ переходу въ мягкіе звуки. Наиболѣе распространены переходы етованнаго *е* въ слѣдующіе мягкіе звуки:

1. *Е* весьма часто переходитъ въ мягкій *и*: гниваице, пытаице, гниваисьсе, иго, иму (= jиго, jиму) Волков., Тарногродъ, оглядаицьсе, убыймаитьсе, маишъ, иго, иму Руда, зили, камини, корини, учини Телятинъ, Сагрынь, камини Дубенка, курини Потуржинъ, замувліеі, пузвуленімъ, выглідаі, тоі вм. тоіе, слухаі Переспа. Переходу въ мягкое *и* подлежитъ также *е*, образовавшееся изъ основнаго *я* или *а*: жиль Безекъ, сидутъ ib. глине, глинь ib., взівъ узівъ, сіде, лигай Полоски. Съ приведенными формами срв. суитьнаго, суитѣ въ Поученіяхъ Ефрема Сирина (Соболевскій, Очерки 84).

2. *е* переходитъ также въ *ё* (= jo) внѣ всякой зависимости отъ качества послѣдующаго слога и ударенія: твуёго, свуёго, муёго, Руда, Шлятинъ, ёго, въ нёго, Скордіевъ, зелёный, зелёнымъ, слёзке Руда, каменёвы, ёго, до пёго, на нёго, ёму, своёму, по рублёвы Гнишевъ, матёнка, матёнки, Ёвда, Ёвдошка, ёго, по нёму Слипче, полёваты. полёване, малёваный, Зимно, Скордіевъ. *Ё* вмѣ-

---

Запольскій, Пѣсни пинчуковъ 131), хотя здѣсь — изрѣдка и произошли онѣ черезъ посредство формъ на *ой* при условіи ихъ ударяемости.

сто *е* находимъ въ рядѣ флексій именныхъ, именно: а) прилагательныя мягкаго склоненія въ им. пад. ср. р. и род. и дат. пад. ед. ч. муж. и ср. р. имѣютъ ёго, ёму: сынёго, сынёму, дальнёго, дальнёму, риднёго, риднёму, третёго, третёму, срв. также черешнёвыхъ Руда; б) имена существительныя ср. р. на *е* весьма часто обращаютъ это *е* въ *ё*; тоже находимъ и въ существительныхъ муж. р. въ дат. твор. и им. пп. ед. ч. и въ дат. и предл. мн. ч.: сонцёмъ, оконцёмъ, Ясюлё, Дунаёмъ, госьцинцёмъ Корница, ковалёви, сэрэднёе, ковалёмъ Холм. у. и т. д. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ формъ извѣстны и въ другихъ областяхъ русской рѣчи [1]) и находятъ себѣ естественное объясненіе въ дѣйствіи аналогіи; такое объясненіе примѣнимо ко всѣмъ именнымъ флексіямъ, развившимъ *ё* вм. *е* очевидно подъ вліяніемъ твердыхъ основъ. По всей вѣроятности, этой причиной объясняется и происхожденіе *ё* въ другихъ случаяхъ. Въ такомъ случаѣ становится понятнымъ, почему въ мягкихъ флексіяхъ этотъ переходъ представляетъ звуковое явленіе, вполнѣ развившееся; законченности этого звукового процесса въ другихъ случаяхъ помѣшало отсутствіе явныхъ образцовъ аналогіи.

Начальное инославянское *е*, несмотря на свою етацію, въ нѣкоторыхъ говорахъ является въ видѣ *о* общерусскаго: олинь, осынь, озыро Волков., ольшына, ужына, осынь Буссовна, олэнь, госэнь, вольха, озеро Михайл. Въ другихъ говорахъ оно при закрытости слога переходитъ въ другой звукъ: вильха, иденъ или идёнъ Гнишевъ, *и*лень Слипче, идэнъ, улинь, высинь, выльшэна, возыро, вужэны Сагрынь. Заслуживаетъ вниманія, что только въ словѣ *одинъ* мы неизмѣнно находимъ *е* или *и*: едэнъ, едёнъ, идёнъ. Остальныя слова этой категоріи гораздо чаще являются съ начальнымъ *о* или замѣняющимъ его *у*. Слово ѥще, какъ и въ другихъ южнорус.

---

[1]) О подобныхъ явленіяхъ въ великорус. говорахъ см. у Колосова въ Обзорѣ стр. 73—74, въ бѣлорусскихъ у Карскаго въ Обзорѣ звуковъ и формъ бѣлорусс. рѣчи 44.

говорахъ, можетъ и терять начальный гласный: ще (ща Переспа). Принимая во вниманіе явленія общерусской фонетики, а также приведенныя здѣсь данныя нашихъ говоровъ, мы должны основными, болѣе древними считать формы съ начальнымъ *о*, прямыми наслѣдниками которыхъ явились формы, представляющія въ началѣ *у* вм. *о;* появленіе здѣсь *и*—явленіе позднѣйшее; еще новѣе формы, представляющія вм. *и* послѣ звука согласнаго *ы* (выльха, выльшэна и т. д.).

Какъ ясно изъ приведенныхъ примѣровъ, древній звукъ *и* въ нѣкоторыхъ говорахъ перешелъ въ звукъ твердый, довольно вѣрно на письмѣ передаваемый посредствомъ *ы*; въ нѣкоторыхъ говорахъ онъ вполнѣ равняется этому послѣднему, въ другихъ настолько близокъ къ *ы* въ произношеніи, что передача древняго *и* посредствомъ *ы* гораздо правильнѣе выражаетъ слышимый здѣсь звукъ, чѣмъ передача его посредствомъ *и*. Примѣры взаимной мѣны звуковъ *ы* и *и* или, точнѣе выражаясь, примѣры совпаденія древнихъ *ы* и *и* въ одномъ звукѣ многочисленны, и приводить ихъ нѣтъ никакой необходимости въ виду общераспространенности этого явленія. Заслуживаетъ указанія лишь то, что во-1-хъ, постановка *ы* вмѣсто *и* въ предѣлахъ галицко-волынской области отмѣчена уже въ памятникахъ XII в. (формы: погубывый, просыти, совѣтьныкъ Добрилова ев. 1164 г. Соболевскій, Очерки 99); во-2-хъ, послѣ гортанныхъ *г, к, х* въ нѣкоторыхъ говорахъ вмѣсто древняго *ы* слышится мягкій звукъ *и*, такъ что говорятъ: руки, ноги, сухи—Зимно, Гусь, Россошъ, Копыловъ, Буссовна, Михайловинъ; въ-3-хъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ, какъ и въ великорусскомъ, различіе между звуками *ы* и *и* не утрачено, такъ напр., въ Радинскихъ говорахъ „между *ы* и *и* есть большая разница“ (Р. Ф. В. 1884, II, 256), также „Корницкій говоръ вообще не знаетъ средняго *и*; только послѣ шипящихъ, какъ въ великорусскомъ, а также послѣ *р*, *и* произносятся тверже, чѣмъ мягкое *и*, но мягче, чѣмъ *ы*“ (Труды, VII, 67).

428899

Звуки *а—я*.

Звуки *а* и *я* звучатъ въ разсматриваемыхъ нами говорахъ совершенно такъ же, какъ звучатъ они и въ языкѣ литературномъ и какъ они звучали, надо полагать, и въ языкѣ древнерусскомъ. Въ нашихъ говорахъ замѣчается наклонность къ суженію этихъ гласныхъ, вслѣдствіе чего основное *я*, а также *я*, образовавшееся изъ древняго малаго юса, равно какъ *а*, образовавшееся изъ *ѣ* въ сочетаніяхъ гѣ, кѣ, хѣ = жа, ча, ша, ща, подлежитъ переходу въ мягкое *е*, а при посредствѣ этого звука и въ мягкое *и*. Надо полагать, что первоначально существовалъ лишь переходъ звуковъ *я—а* въ *е*; затѣмъ это *е* въ слогахъ закрытыхъ, по общему правилу, перешло въ *и*, и только послѣ этого стало возможнымъ, благодаря вліянію аналогіи, появленіе *и* вмѣсто *я—а* и въ слогахъ открытыхъ: петдэсеть, двайцеть, дванайцеть, мше (въ родѣ мшье—род. п. ед. отъ польск. msza), рубле Сухава, поросета, курчета Любень, наставлела, саганьце, взела, долеты (изъ долияти), затыкаесе, сажеты, сажей, ключе, Замолодычи, наредъ, убредъ—Замхъ, залыцевси, обицевси, глену, пидглену, гореть, стоеть, сыдеть (= горятъ, стоятъ) Потурж., взевъ, петуму, убрава се Руда, идеть, подъижджеты, обычей, крычеты, глень, петныцю, плющеть, лущеть 3 л. мн. ч., чесъ Тыпинъ. Въ этихъ случаяхъ вмѣсто *е* возможна постановка и *и*, при чемъ иногда въ одной и той же мѣстности постановка *е* и *и* на мѣстѣ болѣе древняго *я* въ одинаковой степени распространена и не обусловливается ударяемостью или безударностью слога: любить = любятъ, ти = тя, покумалысь мы си, запригайтэ, напыймыси, ссило си, нэ сьмиламъ си запытаты, мисиць, спытаючы си, звидаючы си Тыпинъ, нэ можэ си надывыты Шлятинъ (хотя въ этомъ селѣ обычнѣе *се*, а не *си:* смыютьсе, бьютсе, пышныты се); дупалювавъ сі, выльлівъ, мірітъ (= мѣрятъ), сі здыби, сі хвали, вытігни, выглідаі, схувайсі, дивисі, стиг-

нувъ Переспа. Это явленіе весьма распространено въ говорахъ Люблинской губ., а также во Влодавскомъ и Бѣльскомъ уѣзд. Сѣдлецкой губ. Вслѣдствіе приведенной наклонности къ перегласованію *я* (а послѣ шипящихъ и *а*) въ *е* въ Холмскихъ говорахъ не наблюдается весьма распространеннаго въ Украинскихъ говорахъ перехода *я* въ *е* въ им. сущ. ср. р. на *іе;* послѣднія въ нашихъ говорахъ или сохраняютъ древнее *е* (если не перемѣняютъ его въ *ё*), или измѣняютъ его въ *и*, поэтому и получаются формы: за пузвулінімъ, каміні, куріні Переспа, на Подили = Подолье Шлятинъ, Зимно и т. д. [1]).

Приведенную черту гласныхъ *я* и *е* Холмскіе говоры раздѣляютъ съ говорами сосѣдней Волыни, гдѣ также слышатся формы: обредъ, догуревъ, догожевъ—Ковель, обредъ, подъижжеты, наражеты, крычеты, урожей, обычей Каменно-Коширскъ Ков. у., ципъетко, дылемы Быстраки Влад. Вол. у., петныцю Смидинъ.

Въ бѣлорусскихъ говорахъ это явленіе очень распространено (Карскій, Обзоръ 46); встрѣчается оно и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, напр. въ Каргопольскомъ говорѣ Олон. губ. и др. (Живая Старина 1892, вып. III, стр. 157) и др.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, переходъ *я* въ *е* представляетъ звуковое явленіе, весьма распространенное въ живой рѣчи и вполнѣ законченное. На основаніи этой его распространенности и законченности, а также и того обстоятельства, что на почвѣ Холмскихъ говоровъ начался уже вторичный процессъ перехода этого *е* въ *и*, должно полагать, что оно восходитъ къ довольно раннему времени, точно опредѣлить которое для каждой данной мѣстности нѣтъ

---

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что *я* вм. *е* въ существительныхъ этой категоріи и въ памятникахъ Кіево-Черниговской области XVI—XVII вв. не господствуетъ исключительно (срв. мои Очерки 22), какъ не является оно господствующимъ звукомъ и теперь въ различныхъ южно-русскихъ говорахъ.

возможности по недостатку достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Повидимому, не будетъ ошибки въ предположеніи, что этотъ звуковой переходъ, какъ діалектическая особенность, былъ извѣстенъ уже въ XII в., какъ можно судить по формѣ развращеютъ Добр. ев. (Соболевскій, Очерки 7); но вообще говоря, памятники гал.-волынской области представляютъ весьма немногочисленные случаи этого перехода (см. Очерки Соболевскаго 34, 45, 47) и только южнорусскій списокъ Поученій Ефрема Сирина 1492 г. (или XIII в.) имѣетъ нѣсколько болѣе примѣровъ (тѣ же Очерки 58) [1].

Въ памятникахъ сосѣдней Кіево-Черниговской области въ XVI—XVII вв. это явленіе имѣло характеръ спорадическаго явленія и, по всей вѣроятности, заноснаго, какъ можно заключать по тому, что оно встрѣчается въ памятникахъ съ бѣлорусскими особенностями, и чѣмъ сильнѣе въ памятникѣ бѣлорусское вліяніе, тѣмъ болѣе случаевъ перехода *я* въ *е*. Въ бѣлорусскомъ въ указанное время оно является уже вполнѣ законченнымъ звуковымъ переходомъ, начало котораго относятъ къ XIV в., хотя и не совсѣмъ точно.

Обратный переходъ *я* въ *е* не представдяетъ общераспространеннаго явленія и ограничивается весьма незначительнымъ количествомъ словъ: вжа, ща Переспа, вжя Волковяны, пшаныця Полоски, чабуткі Кошолы. Причина этого заключается, очевидно, въ общемъ характерѣ вокализма нашихъ говоровъ, характеризуемыхъ преобладаніемъ въ нихъ гласныхъ слабаго тона. Кромѣ немногочисленности случаевъ, въ которыхъ оно встрѣчается, приводимое явленіе обращаетъ на себя вниманіе и своей неустойчивостью: приведенныя слова имѣютъ не толь-

---

[1]) Въ Холмскомъ церковно-археологическомъ музеѣ есть рукописи, въ которыхъ разсматриваемое звуковое явленіе распространено въ такой же степени, какъ и въ настоящее время. Но ни одна изъ рукописей не помѣчена годомъ, и ни въ одной нѣтъ указанія ни на лицо, писавшее ее, ни на мѣстность, гдѣ она писана.

ко *а* послѣ шипящихъ, но могутъ имѣть и общерусское *е:* ще, вже, пшеныця. Однако, несмотря на такой характеръ, переходъ основного *е* въ *а—я* не можетъ быть причисленъ къ числу явленій новыхъ: уже въ галицкомъ евангеліи XIII в. мы читаемъ ѥща (Соболевскій, Очерки 84); памятники той же гал.-вол. области представляютъ формы: врѣмяна, знамянии, имяни, сѣмяни изъ даляча, ячанъ (Очерки Соб. ib.). Насколько можно судить по даннымъ гал.-вол. памятниковъ, можно сказать, что разсматриваемое явленіе и въ болѣе древнее время не обнимало многочисленныхъ случаевъ.

Отъ указанныхъ случаевъ постановки *а* и *я* вмѣсто основного *е* отличаются другіе, также немногочисленные случаи, въ которыхъ эта постановка обусловливается закономъ употребленія гласныхъ: Гарасымъ—Шлятинъ, встрѣчающееся въ такой формѣ уже начиная съ XV в. Harasim A. X.[1]) 5. 6, Harassim, Harassimus ib. 6. 7, Harasym ib. 7, Ga(ra)sim ib. 8—Акты 1473—1476 г.), ядвабный, капалющъ разн. мѣст. Въ *багатъ,* гараздъ, манастыръ (хотя употребительнѣе кляштуръ) *а* явилось изъ *о* также путемъ уподобленія звуковъ (Дорогускъ, Руда и мп. др.).

Звуки *о—у.*

Безударный *о* во многихъ говорахъ въ слогахъ открытыхъ переходитъ въ *у;* въ нѣкоторыхъ говорахъ такой переходъ составляетъ правило почти во всѣхъ случаяхъ неударяемости *о,* въ другихъ онъ является распространеннымъ въ значительно меньшей степени. Къ числу говоровъ, въ которыхъ указанный переходъ очень распространенъ, относятся говоры деревень: Переспы,

---

[1]) А. Х. = Акты, издаваемые виленскою археографическою комиссіею. Т. XIX. Акты, относящіеся къ исторіи бывшей Холмской епархіи. Вльна 1892.

гдѣ говорятъ: на дурожці, гурішкові, крувавый, убжырству (= обжорство), туварышству, лубуда, вужына, сукіра, тубі, субі, пуредукъ, ябку, чулувікові; Потуржина: кунупэль, пусіяты, куму (= кому), вугнивъ, бурод̀ъ, яблуку (= яблоко), сукера, хурошый; Замха: бурод̀ъ, буриздъ, куровъ, дурогъ, пумагавъ, дугаравъ, угуждавъ, Дуруѳей, вуламы, купямы; Телятина: вилъ—вула, килъ—кула, буридъ, куровъ, дорогъ и мн. др. Въ другихъ деревняхъ формы съ сохраненіемъ основного *о* и переходомъ его въ *у* встрѣчаются рядомъ, и предпочтеніе не отдается ни одной изъ нихъ; такъ, въ селѣ Руда рядомъ съ формами: вуда, вудэ, бугатый, ду'дна, путапаты, спрусэты, твуёго, мувуда, пунапэсувано встрѣчаются также: хороша, мовода, коня, дороженька, мои, ны могу, подывлюся, хорошэ и т. д. То же самое видимъ и въ говорѣ посада Тарногрода: дулына, пулякови, дужжу, бурщу, мулуда, кузачэньку, гулувойка, куропци, здуровы,—и рядомъ съ ними: молоду, ночейку, моя кумо, свою руботу, ду коморы, товарышюкъ и т. д. Такой характеръ разсматриваемаго перехода отразился и на глагольной примѣтѣ ов-а, ев-а, которая то сохраняется въ своемъ основномъ видѣ, то подвергается переходу въ ув-а; такъ напр., она остается безъ измѣненія въ говорѣ Копылова, Бончи, Телятина и др., хотя въ говорѣ большинства селеній или совсѣмъ не употребляется, а замѣняется посредствомъ ув-а, юв-а (Телятинъ, Шлятинъ, Монятычи, Переспа), или же употребляется рядомъ съ ов-а, ев-а, какъ напр., въ Рудѣ, Скордіевѣ, Подгорцахъ.

Случаи обратнаго перехода *у* въ *о* неизвѣстны говорамъ, знающимъ частый переходъ безударнаго *о* въ *у;* они встрѣчаются лишь въ говорахъ, не знающихъ этого перехода, и обнимаютъ весьма незначительное число словъ, при чемъ удареніе въ данномъ случаѣ, повидимому, не имѣетъ никакого значенія; весьма немногочисленные примѣры этого перехода извѣстны Корницкому говору: гóкну (при укр. гукнý отъ гукнýть), поблично-сьцю Труды VII, 78, гокала ib. 80, росу косу (при

русую косу (ib. 8) срв. нэ зачепы да росы кэсы, роса кэса да до пояса (Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ 1). Въ послѣднемъ словѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ явленіемъ не фонетическаго характера.

Такого же характера *о*, склонное подъ вліяніемъ безударности къ переходу въ *у*, мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, напр., въ Городецкомъ говорѣ Рогачевскаго у.: гуворацъ, свуёй, или Озеранскомъ: гулува, пурусла, чулувича, здурова (Живая Старина 1892, III, 19). Встрѣчается оно и въ великорусскихъ говорахъ (Колосовъ, Обзоръ 100—101). На почвѣ нашихъ говоровъ оно восходитъ къ сравнительно раннему времени: уже въ памятникахъ XII—XIII вв. попадаются единичные случаи этого перехода: скузѣ, дулу, мунастырь, гулубеви, будру (Соболевскій, Очерки 95) [1]).

Суженіе гласныхъ.

Звуки *е* и *о*, находясь въ слогахъ закрытыхъ, подлежатъ по общему правилу переходу въ другіе звуки. Замѣстителями ихъ въ данномъ положеніи являются звуки:

1. *и:* вилъ, килъ, личъ, хмиль, мужыкивъ, узливъ, боридъ, каминье, коринье, весилье, вивтаръ, осинь, вильха, попилъ, кистэю (= костью), видъ, винъ—Подгорцы, Гоздовъ, Волков., Тератинъ; ягидка, пидъ, на видходи Тыпинъ, трозилья, вэсилья—Пищацъ, зиле, камине, ко-

---

[1]) Изъ другихъ славянскихъ языковъ можно указать только на болгарскіе восточные говоры, знающіе массовой переходъ открытаго безударнаго *о* въ *у*: Бугдане, óколу, гулѣм, мурé, рáбута и т. п., отчасти и словинскіе: ynu, gospudy, czestu (Флоринскій, Лекціи по слав. языкознанію I, 84—82, 416). Это явленіе, какъ показываютъ данныя языковъ: русскаго и болгарскаго, слѣдуетъ отличать отъ перегласовки *о* долгаго, стоящаго въ слогахъ закрытыхъ, извѣстной языкамъ: словинскому, чешскому, польскому и южнорусскимъ говорамъ.

рине, весиле,—Вишница, Жещинка, Городище. Появляющееся здѣсь *и* обыкновенно бываетъ мягко и звучитъ одинаково съ *и*, замѣнившимъ древній *ѣ*. Однако мягкость его сохраняется не во всѣхъ говорахъ и не послѣ всѣхъ согласныхъ въ одинаковой степени; во 1-хъ, слѣдуетъ отмѣтить не мягкій, а средній *и* послѣ звука *л*, напр., въ Переспѣ, Верешинѣ, Гнишевѣ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ данномъ положеніи является даже твердый *ы*: узлывъ, волывъ—Тератинъ, Тыпинъ, Монятычи, Заболотье, Депултычи, Замхъ, Горный-Потокъ. Во 2-хъ, въ говорахъ нѣкоторыхъ селеній слышится твердый ввукъ и послѣ другихъ согласныхъ, напр., въ Сагрыни, Буссовнѣ, Волковянахъ, Павловѣ. Въ 3-хъ, въ иныхъ селеніяхъ (Бонча, Безекъ) здѣсь слышится звукъ „средній между *ы* и *и*, однако ближе стоящій къ *ы*, чѣмъ къ *и*", т. е. въ данномъ положеніи является звукъ, нисколько не отличающійся отъ звука, въ которомъ совпали древніе *и* и *ы*.

2. Вмѣсто основныхъ *о* и *е* является *у*, напр., вулъ, до конькувъ, въ тумъ—Бѣлгорай; вулъ, кулъ, хлопувъ, вузлувъ, бурудъ, буруздъ Депултычи; ключувъ, сеструнька Павлово и т. д.

3. Гораздо рѣже мѣсто *у* здѣсь занимаетъ звукъ *ю*: двюръ, сбюръ, мюй, вывюлъ Павлово. Въ случаяхъ, когда передъ *у* стоитъ *и*, по общему правилу сокращающійся въ такомъ положеніи въ *й*, *у* должно переходить въ *ю*, напр., юдъ = й удъ (одъ), юбмувонька = й убмувонька—Руда.

Въ говорахъ Люблинской губ., преобладающей замѣной основныхъ *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ является замѣна черезъ *и*; но вмѣстѣ и рядомъ съ ней существуетъ также, хотя и гораздо рѣже, и приведенная замѣна посредствомъ *у* и *ю*. Нѣкоторые говоры этой замѣны совсѣмъ не знаютъ.

Въ Сѣдлецкихъ говорахъ, кромѣ приведенныхъ способовъ замѣны основныхъ *о* и *е*, существуютъ весьма многіе другіе:

1. Основные *о* и *е* могутъ быть замѣняемы посредствомъ *уо* или *юо* съ удареніемъ на второй части дифтонга: вуóлъ—вола, куóлъ—кола, узлуóвъ, свуóй, унюóсъ, буóльшъ Россошъ, Копылы.

2. Такая же замѣна, рядомъ съ замѣной посредствомъ *у*, извѣстна и Корницкому и Хотыцкому говору: пуойдемъ, муой рядомъ съ *пудъ*, пувночи. Преобладающей частью въ Корницкомъ дифтонгѣ является *у*, имѣющій на себѣ удареніе.

3. Дифтонгъ является въ видѣ *уа* съ преобладающей первой частью: вуалъ, куалъ. узлуавъ, коруавъ, доруагъ—с. Гусь.

4. Въ соотвѣтствіе мѣнѣ *у* и *ю* вмѣсто основныхъ *о* и *е* встрѣчаемъ дифтонгъ *юо* съ преобладаніемъ первой части: ю̄ой, завю̄олъ—Хотычи Конст. у.

5. Затѣмъ въ Сѣдлецкой губ. встрѣчаемъ рядъ дифтонговъ, въ основѣ которыхъ лежатъ звуки *у—ю* и *ы—и—э* съ преобладаніемъ первой части: рюідный—Желевше, Пищацъ, вуынъ, нуысъ, жуынка—Полоски, Кленовица, тыілко, стыілъ—Кульчинъ, рӯэкъ—Пашенки.

Относительно способа произношенія дифтонговъ напомнимъ совершенно вѣрное замѣчаніе г. Михальчука (Труды Чубинскаго (VII, III, 484): въ сущности въ живой рѣчи слышится одинъ основной звукъ *у* или *ю*, *ы* или *и* съ различными оттѣнками, которые и обозначаются вторымъ гласнымъ при основномъ.

Изъ разсмотрѣнія различныхъ случаевъ постановки другихъ звуковъ вмѣсто основныхъ *о* и *е* въ слогахъ закрытыхъ оказывается, что все разнообразіе дифтонговъ сводится къ звукамъ *у—ю* и *ы—и*, которые преобладаютъ въ составной части дифтонга; преобладаніе бываетъ настолько сильно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ вторая составная часть дифтонга едва слышна въ произношеніи и не обозначается составителями и записывателями народныхъ произведеній; второй составной частью дифтонга является *о—а* или то же *ы—и*; вторая часть дифтонга преобладаетъ гораздо рѣже, чѣмъ первая; рядомъ съ

дифтонгами въ очень многихъ говорахъ являются и простые звуки *у* или *ю* или даже *ё*; такъ, въ Корницкомъ говорѣ рядомъ стоятъ скрузь и скруозь (различіе въ значеніи той и другой формы, конечно, не имѣетъ отношенія къ способу образованія самой формы), хлопцюовъ или хлопцювъ, домувъ или домуовъ, купцюовъ или купцювъ (Труды VII, 68—70); появленіе дифтонга или простого гласнаго иногда обусловливается присутствіемъ ударенія или его отсутствіемъ, какъ видимъ въ томъ же Корницкомъ говорѣ. Особенно замѣчательно появленіе *ё* вмѣсто *ю*, вслѣдствіе чего встрѣчаются формы: госьцюмъ и госьцёмъ, гусюмъ и гусёмъ (Труды VII, 68). Подобное явленіе наблюдается и въ слогахъ открытыхъ (малюваты и малёваты, полюване и полёване; см. выше). Число формъ и отдѣльныхъ словъ, въ которыхъ въ закрытыхъ слогахъ находимъ чередованіе *ю* и *ё*, весьма невелико, но за то встрѣчаются слова, въ которыхъ тотъ или другой способъ замѣны основныхъ *о* и *е* единственно возможенъ въ живой рѣчи, такъ напр., въ Корницкомъ говорѣ только *ё* находимъ въ словахъ: лёнъ, осёлъ, козёлъ, оролъ; съ другой стороны, въ томъ же говорѣ мѣна *уо* или *юо* съ *ё* въ род. п. мн. ч. сущ. муж. и ср. р. не встрѣчается: говорятъ только огнюовъ, колюосъ, синюй, синюмъ, но не огнёвъ, синёй, синёмъ. Въ этомъ положеніи *ё* играетъ такую же роль въ отношеніи къ первичнымъ *о* и *е* и дифтонгамъ, замѣстившимъ ихъ, какъ и *у—ю*, что совершенно наглядно доказываютъ существующія рядомъ формы: тютки́ при тюотка, на лёду при люодъ (титёну при тютюонъ, можетъ быть, образовалось не безъ нѣкотораго вліянія польск. tytoń—tytoniu, ср. укр. тютюнъ, тютюну).

Какъ дифтонговые замѣстители основныхъ *о* и *е* не являются единственными способами замѣны этихъ звуковъ въ томъ или другомъ говорѣ, такъ и звукъ *у* и *ю* не вытѣснили окончательно въ данномъ положеніи звука *и*, такъ въ с. Заболотьѣ рядомъ съ формами: вілъ—вуола, мужыківъ, узлывъ, бурідъ находимъ: кулóкъ — кулка,

пудъ, людюмъ, конюмъ; въ с. Любени рядомъ съ *вулъ*, *кулокъ* говорятъ только: зиле, камине, корине; въ с. Ганнѣ рядомъ съ вілъ—вула, кілъ—кула встрѣчаемъ только—Мыкулаювськый. Иногда одно и то же слово знаетъ тотъ и другой способъ замѣны основныхъ *о* и *е*, такъ обыкновенное въ оффиціальной терминологіи названіе селенія Угрускъ [1]) въ народной рѣчи произносится Угривськъ.

Такого же рода явленіе—появленіе *и* и *у* *ю* вмѣсто основныхъ *о* и *е* извѣстно и въ сосѣдней части Волынской губ.; при чемъ отыменныя прилагательныя имѣютъ *у—ю*, а существительныя—*и*: вилъ, килъ, но Петрувськый, Мыкулаювськый.

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія и то, что вторая составная часть дифтонга въ нѣкоторыхъ говорахъ въ произношеніи весьма разнообразится, являясь то въ видѣ *у*ы, то въ видѣ *у*и или *уэ*, что находитъ себѣ объясненіе какъ въ свойствѣ первыхъ составныхъ частей дифтонговъ, такъ и въ томъ, что вторыя части дифтонга являются звуками родственными, склонными къ взаимному переходу; такой выговоръ дифтонга находимъ, напр., въ с. Любени.

Для уясненія процесса замѣны основныхъ *о* и *е* другими звуками и отношенія этихъ послѣднихъ къ своимъ первообразамъ надобно не упускать изъ виду во 1-хъ, того обстоятельства, что мѣна безударныхъ *о* и *у* въ нѣ-

---

[1]) Древнее Угровьскъ, Угровескъ—Барсовъ, Очерки русской исторической географіи [2], 120, въ латин. написаніи Ohrowsk, Hurowsk, также и Whwrowsk A. X. 72. 19. Твердый *с* и пропускъ *е* говоритъ о польскомъ вліяніи въ названіи этого селенія. Намъ извѣстны такія же образованія въ этой мѣстности: тарноске, на кіёськой гори, срв. также майстро*ства*—всѣ подъ польскимъ вліяніемъ. Соотвѣтственно *Угривськъ* мы ожидали бы и *Дорогив*ськъ вмѣсто древняго *Дороговьскъ (срв. Дорогова или Дорогва, Барсовъ ib. 125—129). Но наши справки у мѣстныхъ жителей не привели къ желанной цѣли: смыслъ древняго названія, очевидно, забытъ, и въ настоящее время названіе этой деревни крестьянами объясняется иначе. Съ точки зрѣнія историко-филологической такое объясненіе не выдерживаетъ никакой критики.

которыхъ говорахъ въ слогахъ открытыхъ имѣетъ характеръ явленія вполнѣ установившагося и составляющаго правило, исключенія изъ котораго весьма рѣдки и всѣ могутъ быть объясняемы вліяніемъ аналогіи, во 2-хъ, такое же явленіе наблюдается и относительно безударнаго ётованнаго *е* и *и*; въ 3-хъ, на основаніи разсмотрѣнныхъ раньше звуковыхъ переходовъ можно составить пропорціи: э:о = е:ё и о:у = ё: ю, т. е. формы: кулъ—кола, нісъ—нёсъ—нюсъ могли образоваться такимъ же путемъ, какъ и формы: мулоко, пупрусывъ, се—си изъ ся, пытаі, тоі вм. тоѥ, срв. также окончанія дат. п. мн. ч. им. сущ. ёмъ, имъ и юмъ въ Жещинкѣ, Замхѣ и др. Въ 4-хъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ безударное *о* въ слогахъ открытыхъ можетъ замѣняться посредствомъ дифтонга *оу:* вуола, куоровъ, дуорогъ, поурядокъ, куоринне—с. Заболотье; мнуого, вуосемъ—Любень (срв. мозырскія: коруовочка, руожечки, нуожечки Живая Старина 1892, III, 27); дифтонги здѣсь, очевидно, такого же образованія, какъ и дифтонгъ *ьгэ* въ словѣ на хрыэбтовы (Заболотье, срв. пинское дыерка Довнаръ-Зап. Пѣсни пинч. XIV). Ударяемое же *о* и *е* въ слогахъ закрытыхъ замѣняется здѣсь черезъ *и* или *у*: вілъ, пічъ, річъ, бурідъ, бурузёнъ (= борозенъ).

Замѣчательно однако же, что говоры, мѣняющіе безударное *о* на *у* въ слогахъ открытыхъ, въ случаяхъ ударяемости и закрытости слога, имѣютъ *и*; такъ, въ с. Ганнѣ говорятъ: вілъ—вула, кілъ—кула, бурідъ, дурігъ, такъ же произносятся эти слова и въ пос. Тарпогродѣ и сс. Шлятинѣ, Переснѣ, Потуржинѣ, Степанковицахъ, Замхѣ и др.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, мы думаемъ, возможно утверждать, что переходъ *о* въ *у* и *е* въ *и*, *ё* и въ *ю* (волъ—вулъ, несъ—нісъ, нёсъ, нюсъ) могъ совершиться безъ посредства какихъ бы то ни было другихъ звуковъ, и что въ слогахъ, измѣнившихъ *о* въ *и* [1]),

---

[1]) Изъ с. Полоски Сѣдл. губ. мы можемъ привести выраженіе: піра вставаты (Труды Чубинскаго, II, 79), представляющее мѣну безударнаго открытаго *о* въ *і*.

такая замѣна могла произойти лишь подъ вліяніемъ аналогіи слоговъ закрытыхъ съ *е*, при чемъ, конечно, должно думать, что не всякое основное *е* въ южнорусскихъ говорахъ перешло въ разрядъ звуковъ твердыхъ и что въ ту пору, когда начался разсматриваемый переходъ, звукъ *е* былъ звукомъ мягкимъ. Очевидно также, что постановка *и* на мѣстѣ древняго *е* должна была появиться раньше, чѣмъ постановка того же звука на мѣстѣ основного *о*. Такой взглядъ оправдывается извѣстными намъ историческими данными; прежде всего появляется въ громадномъ количествѣ случаевъ „новое" *ѣ* въ галицко-волынскихъ памятникахъ,— звукъ во всякомъ случаѣ мягкій и способный переходить въ *ё*; появляются формы не только *мятѣжъ*, *горѣсть*, *знамѣнье*, но и мытаромъ (рядомъ съ жьрцѣмъ), ѥдоущомъ, июдѣюмъ, отрочищюмъ, въ своюмъ и т. д. Приведенныя формы существовали въ языкѣ одновременно на томъ же основаніи, на которомъ онѣ существуютъ и теперь; сказать, которая изъ нихъ появилась раньше и послужила переходной ступенью для образованія другой, едва ли возможно. Рядомъ съ появленіемъ „новаго" *ѣ* на мѣстѣ древняго *е* образуются и формы: субутный, унукумъ, добровульно (Соболевскій, Очерки 96), при мѣнѣ *о* на *у* и въ слогахъ открытыхъ—ударяемыхъ и безударныхъ (ib. 95). Въ мягкомъ склоненіи этому *у*, конечно, должно было отвѣчать *ю*; а при появленіи въ письменности знака для *ё* (i͡o въ Кіевскихъ памятникахъ, которое, по всей вѣроятности, заимствовано изъ польскаго) начали встрѣчаться формы: обычаi͡ов', напоi͡ов' (срв. мои Очерки по исторіи рус. нарѣчіи 70), которыхъ нѣтъ никакого основанія считать бѣлоруссизмами; ихъ слѣдуетъ считать вполнѣ органически развившимися южнорусскими формами, безъ всякаго посторонняго вліянія (срв. тепер. Корницкія—госьцёмъ и госьцюмъ, купцёмъ и купцюмъ). Уже гораздо позже, чѣмъ появились на мѣстѣ древнихъ *о* и *е* звуки *у* и *ю*, на мѣстѣ древняго *о* начинаетъ появляться *и* и становится возможнымъ образованіе формъ: тилко, килка, убири, обидрала и т. п.

О времени, когда началось отвердѣніе *и*, смѣнившаго древніе *о* и *е*, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго; встрѣчающіеся въ Кіевскихъ и Черниговскихъ памятникахъ примѣры постановки *ы* на мѣстѣ *о* и *е* въ XVI и XVII вв. не даютъ точнаго матеріала для положительнаго рѣшенія даннаго вопроса.

Что касается дифтонговъ, то всѣ они, надо полагать, позднѣйшаго происхожденія; въ памятникахъ намъ не удалось отмѣтить сколько-нибудь достовѣрныхъ случаевъ постановки дифтонговъ въ данномъ положеніи; мы не рѣшаемся считать дифтонговыми встрѣчающіяся въ памятникахъ замѣны основныхъ *о* и *е* черезъ звуки *у* и *ю*, такъ какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ отмѣчены такія написанія, и въ настоящее время слышатся не дифтонги, а простые, односоставные звуки *ю* и *у*. Что касается написаній въ родѣ воовьця, воовьчихъ, воо̄ца, воо̄ци (которыя = во овьця, во овьчихъ и т. д.), то, по нашему мнѣнію, они пріобрѣтутъ доказательную силу лишь въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что они появились не въ силу того же обстоятельства, по которому явились написанія: боогу, идооша, коолижьто, держашетьь, идуущимъ и т. п. (Соболевскій, Очерки, 97).

Какая бы часть дифтонга ни преобладала—первая ли, или вторая,—она не заключаетъ въ себѣ звука, отличнаго отъ звука, являющагося при замѣнѣ древнихъ *о* и *е* посредствомъ односоставныхъ звуковъ, вторая же составная часть дифтонга есть лишь окраска звука основного и представляетъ такое же вторичное образованіе, какимъ являются различныя видоизмѣненія въ выговорѣ и другихъ основныхъ звуковъ.

Замѣны древняго *ѣ*.

Способы замѣны *ѣ* въ различныхъ говорахъ неодинаковы. 1. Въ весьма многихъ говорахъ въ роли замѣстителя древняго *ѣ* является мягкое *и*: хлибъ, хливъ, бэсида, ричъ, лэтиты, тэрпиты—пос. Вишница; хлиба, хли-

ва, лэтилъ—Городище; мягкое *и* слышится также въ Заболотьѣ, Ганнѣ и вообще во всѣхъ говорахъ Люблинской губерніи, при чемъ въ нихъ *и* является или единственной замѣной *ѣ* или преобладающей, встрѣчающейся рядомъ съ

2. *ы*. Область, гдѣ находимъ въ этомъ положеніи *ы*, довольно обширна, при чемъ *ы* появляется не только въ безударныхъ слогахъ, но и ударяемыхъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на мѣстѣ древняго *ѣ* слышится звукъ, передача котораго черезъ *ы* можетъ быть названа только приблизительно вѣрной, но не вполнѣ точной; сказанное относится прежде всего къ древнему сочетанію *лѣ*, представляющему на мѣстѣ *ѣ* звукъ средній между *ы* и *и*, но болѣе близкій къ первому; таковы слова: влызъ Тыпинъ, хлыбъ, хлывъ—Тератинъ, Бонча и др. Послѣ другихъ согласныхъ весьма явственно слышится *ы*: тэрпы́ты—Верешинъ, по зелёнумъ лисы, по зелёнуй дубровы Павлово, выночка, вынокъ, по свиты ib.; въ мышковы (= въ мѣшкѣ), мыдвыдя (при мыдвидь) Заболотье, на пысочковы Ганна, насыйте—Жещинка; въ мышковы, на пысковы (= на пескѣ), выночокъ, дывочокъ, дывонькамъ Любень, дытокъ (при дытэна), зацвыла (= зацвѣла), удвыда́ты, удвыда́въ, вынокъ, звынчоный, пысочокъ, свытлэця (= свѣтлица)—Руда. Случаи замѣны неударяемаго *ѣ* чересъ *ы* отмѣчены нами и въ говорѣ деревень: Желевше, Полоски, Пищацъ, Вулькѣ Носовской и весьма мн. др. *ы* въ качествѣ замѣстителя древняго *ѣ* въ слогахъ ударяемыхъ и безударныхъ можетъ въ одномъ и томъ же говорѣ чередоваться съ *и* (мягкимъ), такъ напр., въ Павловѣ говорятъ на небі и на небы, на сьвиты и на сьвити, въ Любени формы: дывчына и дивчына, выночокъ и виночокъ существуютъ рядомъ.

3. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, представляющихъ замѣну *ѣ* черезъ *и*, это послѣднее можетъ чередоваться и съ *е* въ однихъ и тѣхъ-же словахъ—внѣ всякой зависимости отъ ударенія на томъ или другомъ слогѣ, такъ, въ Жещинкѣ говорятъ: хлибъ и хлебъ, хливъ и хлевъ;

такъ же произносятся и существительныя на *ѣнье*, въ которыхъ слышится звукъ *и* или смягченное *е;* чередованіе *е* и *и* представляетъ и Любенскій говоръ съ тѣмъ однако же различіемъ, что въ немъ нѣкоторыя слова сохраняютъ всегда въ выговорѣ *и* (которое послѣ губныхъ произносится какъ ъји), въ другихъ же словахъ является только *е*.

Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ всѣ три способа замѣны основного *ѣ*—черезъ *и*, *ы* и *е*—существуютъ одновременно.

4. Наконецъ, въ роли замѣстителей *ѣ* являются два дифтонга—*іа* или *іе*. Въ дифтонгѣ *іа*, который слышится въ с. Гусь, преобладающей является первая часть дифтонга, а въ дифтонгѣ *іе* можетъ преобладать или первая его часть (какъ въ говорахъ Хотыцкомъ, Корницкомъ, Радинскихъ) или вторая (какъ въ Кошольскомъ говорѣ). Дифтонги въ зависимости отъ ударяемости слога или его безударности могутъ чередоваться и съ простыми мягкими гласными, какъ напр., въ Кошольскомъ говорѣ,—явленіе, аналогичное свойству звуковъ, явившихся на смѣну основныхъ *о* и *е* въ слогахъ закрытыхъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ основѣ всѣхъ звуковыхъ сочетаній, явившихся на мѣстѣ древняго *ѣ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ лежитъ звукъ *и*, которому принадлежитъ первенствующее мѣсто и въ томъ случаѣ, если замѣстителемъ *ѣ* является звукъ двусоставный; во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ дифтонговъ не обходится безъ *и*; второе мѣсто по количеству случаевъ принадлежитъ *е*. Первое мѣсто занимаетъ *и* также и потому, что онъ въ этомъ положеніи отмѣченъ памятниками писанными въ предѣлахъ древней галицко-волынской области, хотя онъ и не является одинокимъ, такъ какъ вмѣсто *ѣ* находимъ уже въ древнѣйшихъ изъ этихъ памятниковъ и постановку *е* (Соболевскій, Очерки 5. 10. 15 и др.). Указанія же на *ы* и дифтонги въ памятникахъ не находимъ. Поэтому надобно полагать, что *ы* появилось значительно позже, чѣмъ *и*, и своимъ происхожденіемъ обязано от-

части вліянію аналогіи (напр., дытокъ, дытына могло появиться подъ вліяніемъ дыть, формы: на свиты, на небы могли образоваться подъ вліяніемъ органическихъ на серцы, на моры), отчасти свойству предшествующаго согласнаго (напр. хлыбъ, хлывъ), отчасти общему характеру вокализма, давшему возможность образоваться среднему *и* (= *ы*) и на мѣстѣ основныхъ *о* и *е*.

Что касается дифтонговъ, то они гораздо моложе *и* и *е*. Хотя мы не имѣемъ данныхъ для утвержденія, что общерусское мягкое *и* даетъ въ какихъ-либо говорахъ дифтонгъ[1]), тѣмъ не менѣе извѣстны случаи вторичнаго образованія дифтонговъ на мѣстѣ простыхъ согласныхъ; такіе случаи, напр., мы находимъ въ Корницкомъ говорѣ, гдѣ *а* въ произношеніи даетъ *іа* съ преобладаніемъ первой части (Труды VII, 66). Вновь образованные дифтонги находятся въ такомъ же отношеніи къ своимъ первообразамъ, въ какомъ состоятъ между собой простые твердые гласные соотвѣтствующихъ разрядовъ. Нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что звуки, замѣнившіе древній *ѣ*, разнообразятся въ произношеніи въ зависимости отъ ударяемости или безударности слога, какъ это бываетъ и со звуками, замѣнившими древніе *о* и *е* въ слогахъ закрытыхъ; пѣсенныя формы иногда также отличаются отъ формъ, употребляемыхъ въ разговорной рѣчи; наконецъ, книжныя слова со звукомъ *ѣ*, заимство-

---

[1]) Г. Янчукъ (Труды VII, 67) приводитъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ мягкое *и* *подъ удареніемъ* иногда переходитъ въ двугласную *іе*; но приводимые примѣры находятъ себѣ объясненіе иное: ліети несомнѣнно образовалось изъ лияти—лляти съ перегласованіемъ *я* въ *е* (срв. міссецю) и устраненіемъ второго *л*; щіепаны образовано не отъ щипати, а отъ щіепити; шіерши, очевидно, родственно съ польск. szeroki (хотя *е* въ этомъ прилагательномъ извѣстно и весьма многимъ другимъ говорамъ, напр., такъ говорятъ въ Дорогускѣ, Влодавѣ и мн. др.). Что касается *іе* въ огніе, вороблiе и т. п., то оно восходитъ не къ *и*, а къ *ѣ* (срв. Соболевскій, Изслѣдованія въ области русской грамматики 1—40).

ванныя изъ языка литературнаго и другихъ славянскихъ языковъ, представляютъ замѣну *ѣ*, не сходную съ замѣной, обыкновенной для живой рѣчи (срв. Труды VII, 67). Приведенныя данныя даютъ основаніе для заключенія, что дифтонги могли развиться подъ вліяніемъ удареній, требующихъ болѣе протяжнаго произношенія звуковъ гласныхъ, а также пѣсенныхъ напѣвовъ; звукъ при протяженіи (или окраска его) его могъ получаться не только одинъ и тотъ же (*ии*), но и ближайшій родственный ему (*ие*),—явленіе, аналогичное наблюдаемому относительно ударяемости зват. падежа существительныхъ, имѣющихъ въ этомъ падежѣ удареніе то на первомъ, то—при повтореніи слова—на послѣднемъ слогѣ [1]). Такъ какъ замѣной *ѣ* въ одномъ и томъ же говорѣ можетъ быть *и* и *е*, то тотъ или другой звукъ и можетъ преобладать въ дифтонгѣ или давать окраску дифтонгу.

Звуки, замѣнившіе древніе глухіе.

Относительно проясненія древнихъ глухихъ въ нашихъ говорахъ въ общемъ господствуетъ тотъ же законъ, что и въ общерусскомъ языкѣ: глухой *ъ* по общему правилу перешелъ въ *о*, а *ь* въ *е*. Особенности Холмскихъ говоровъ сравнительно съ языкомъ литературнымъ въ этомъ отношеніи выражаются въ слѣдующемъ:

1. Прояснившіеся въ имен. пад. глухіе остаются и въ косвенныхъ падежахъ въ словахъ, въ которыхъ въ русскомъ литературномъ языкѣ ихъ нѣтъ: левъ—лева, лёнъ—лёну, лобъ—лоба (дер. Скордіевъ и весьма мн. др. мѣста).

2. Въ словѣ жэньци (Скордіевъ и др.) видимъ проясненіе глухого, въ литературномъ языкѣ исчезнувшаго; то же представляютъ: жэрэ (= жретъ), задэрла—Дорогускъ.

---

[1]) Потебня. Изъ записокъ по русской грамматикѣ [2] стр. 11—12.

3. Въ словѣ *хтила*, *хтилы* и вообще во всѣхъ формахъ этого глагола видимъ потерю глухого, существующаго въ языкѣ литературномъ; этому могли способствовать польск. формы этого глагола: chciał, chciała и т. д., хотя утверждать, что онѣ образовались подъ вліяніемъ польскаго, мы не имѣемъ данныхъ [1]).

4. Въ словѣ дэньчыка (пѣсенное: до дэньчыка, кумцю, до дэньця—Тыпинъ) въ соотвѣтствіе древней формѣ бездьная—Соболевскій, Очерки 9) встрѣчаемъ проясненіе глухого мягкаго, а не твердаго, какъ можно было бы ожидать, судя по формѣ этого корня въ другихъ нарѣчіяхъ русскаго языка.

5. Слова: дрыжиты, чырвоный, трывожыты, яблыко, обжирство, хрыстъ—Вишница; крывавый и крыв'яный, хрыстыты при хрэщэне—Заболотье, на хрыбтовы Ганна, хрыбэтъ, трывога—Жещинка, дрыгитка, крывавый, брывамы (бривмы—Тератинъ) Тарногродъ—и вообще слова, имѣющія въ корнѣ нѣмой + плавный *р* или *л* + древній глухой *ъ* или *ь*, представляютъ проясненіе глухого не въ видѣ обычнаго *о* или *е*, а въ видѣ *ы* или *и*, которые могутъ быть замѣнены и черезъ *э*. Въ иныхъ говорахъ указанные гласные послѣ плавныхъ слышатся весьма явственно, при чемъ мѣна *ы* и *э* или даже *и* (гораздо рѣже) обусловлена какъ свойствомъ слышимыхъ здѣсь гласныхъ, такъ и свойствомъ согласныхъ (*р*—всегда твердый звукъ, *л*—въ большей части говоровъ—средній); въ иныхъ говорахъ, какъ напр., въ Жещинкѣ, гласные произносятся „нѣсколько скрыто", но такъ однако, что слогъ составляютъ они, а не плавные звуки.

6. Въ этихъ же сочетаніяхъ гласные могутъ быть совсѣмъ выброшены—вмѣстѣ со звуками плавными, или же только они одни: крвавыи—Любень, Подгордцы, држаты, крвавый, трвожыты, ябко—Бѣлгорай, янко, кстыты—Тарногродъ, ябко—Подгорцы, Тыпинъ, Шлятинъ, ябку им. п. Переспа, ябко, кстыты, кстыны, крвисты—Бища.

---

[1]) Срв. Брандтъ, Грамматическія замѣтки, II, 26.

Относительно словъ съ приведенной огласовкой слѣдуетъ замѣтить, что во-1-хъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ они имѣютъ послѣ плавныхъ, согласно съ другими русскими говорами, гласный *о* или, въ случаѣ неударяемости его—*у*—во всѣхъ словахъ такого рода или же только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ: кровъ, бровамы, чорнобрэвый при кривавый—Слипче; кровъ, кровавый, бро́вамы, дровамы—Тырноватка, дрощъ (= дрожъ), кровъ, кровавый, бро́вамы—Ярославецъ; дрожъ, кровъ, крувавый, бровамы—Замхъ. Во-2-хъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ *о* въ этихъ словахъ чередуется съ *ы—и:* дрищъ при дрожаты Бонча; дрыжеты, дрыжъ, при кровъ, кровавый, бровамы —Михайловинъ; дрыжеты при дрожъ, кровъ, крувавый—Волковяны; кровъ, бровамы при дрижеты, дрыгитка, закрывавленый — Ярославецъ. Въ 3-хъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ формы безъ гласнаго и плавнаго встрѣчаются рядомъ съ формами, имѣющими плавный и прояснившійся глухой: држеты при дрыжеты—Ярославецъ, хстыны при крэстыны—Тырноватка. Въ 4-хъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ совершенно не употребляются, но замѣняются другими—происхожденія русскаго или польскаго; таковы—обжарство въ сел. Заболотьѣ, Россошѣ, знобыця (=дрожъ) въ Любени, обжіарство и обжіартухъ въ с. Гусѣ, дрымтиты въ Тарногродѣ; здѣсь же, а также въ Бищѣ и Степанковицахъ—трыманець вм. крестникъ, турбоваты (= тревожить)—Тыпипъ, нынаисный вм. обжора—Шлятинъ, крыжыкъ, на крыжы предпочтительнѣе употребляется, чѣмъ хрэстъ, въ Шлятинѣ; мітрожыты (вм. тревожить) с. Переспа, мэнтрожыты—Депултычи, зачипаты вм. тревожить—Грабовецъ, тристыси вм. дрожать—Потуржинъ, трыстыси—Долгобычевъ, трастысь—Тырноватка; въ Бончѣ таинство крещенія называется крыжомъ; слово *внутренній* не употребляется почти ни въ одномъ изъ говоровъ, а замѣняется словомъ сэрэдній, въ сэрэдыни или же польскимъ вевнентржны, какъ въ Россошѣ и др. мѣстахъ. Въ 5-хъ,

наконецъ, отмѣтимъ форму—на хрыэбтовы (Заболотье), представляющую звукъ, близкій къ дифтонгу.

7. Мягкій глухой послѣ губныхъ, шипящихъ и *р* въ изглашеніи и срединѣ словъ, а послѣ *л* только въ срединѣ исчезъ, не оставивъ послѣ себя слѣда въ видѣ мягкости согласнаго: любовъ, голубъ, прыбавъ, звиръ, тхиръ и т. п., но бильшъ и билшъ.

8. *Н*, имѣвшій послѣ себя въ старину мягкій глухой, въ настоящее время произносится въ такомъ положеніи то твердо, то мягко, меньша и найменша—Полоски.

9. *С*, имѣвшій впереди себя мягкій глухой, произносится всегда мягко и умягчаетъ предшествующій согласный, если только онъ способенъ къ умягченію: попаньській, полюдьський—Полоски, Петрувський, Мыкулаювський—Переспа и т. д. Мягкость остается и въ томъ случаѣ, если *с* въ соединеніи съ предшествующимъ звукомъ образуетъ согласный дифтонгъ; сказанное относится, впрочемъ, только къ именамъ прилагательнымъ, а въ существительныхъ звукъ слышится твердый: дивоцькый, козацькый, нимэцькый, но дивоцтво, козацтво.

Въ такомъ состояніи это звуковое явленіе мы наблюдаемъ уже въ памятникахъ Кіево-Черниговской области въ XVI—XVII вв. (срв. Очерки по исторіи рус. нар. 39—43).

10. Въ словахъ, заимствованныхъ изъ нарѣчія польскаго, замѣнившій древній глухой *ъ* звукъ *е*, обыкновенно перемѣняется въ *о*: польск. ten переходитъ въ тонъ (Павлово и весьма мн. др.), deptać = доптать.

11. Прояснившіеся глухіе обыкновенно не подлежатъ суженію, но *е* изъ *ъ* можетъ переходить въ *ё*: лёнъ, людёхъ и т. п.

12. Слова со вторымъ полногласіемъ въ живой рѣчи не употребительны.

13. Время исчезновенія глухихъ, конечно, съ точностью не можетъ быть опредѣлено. Проф. Соболевскій ставитъ это явленіе въ связь съ началомъ суженія глас-

ныхъ и относитъ его приблизительно къ концу XI столѣтія (Очерки изъ истор. рус. яз. 71). Но глухіе утеряны во всѣхъ говорахъ русскаго языка, не исключая и тѣхъ, которые никогда не знали суженія гласныхъ. Уже древнѣйшіе памятники русской письменности представляютъ довольно многочисленные случаи прояснепія глухихъ и взаимной ихъ мѣны; извѣстны также случаи, когда конечный согласный одного слова и начальный другого, хотя и раздѣлены глухимъ гласнымъ, но, будучи однородными, сливаются въ одинъ звукъ вслѣдствіе нелюбви древняго языка къ произношенію удвоенныхъ согласныхъ (изъ полатъ тѣхъ = исъ полатѣхъ, Сборникъ Святослава 1076 г.).

Такого рода явленіе возможно лишь при условіи потери глухими звуками своей гласности. На основаніи приведенныхъ соображеній мы считаемъ возможнымъ утверждать, что потеря глухихъ не стоитъ въ связи съ переходомъ основныхъ *о* и *е* въ другіе звуки и въ нашихъ говорахъ произошла въ тоже время, что и въ другихъ русскихъ говорахъ, т. е. въ XI в.

14. Вокализованныхъ *л* и *р* въ соединеніи ихъ съ древними глухими и нѣмыми наши говоры не знаютъ, и надо полагать, и не знали ихъ; въ случаяхъ пропуска древняго глухого въ указанныхъ сочетаніяхъ, плавные произносятся такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ положеніяхъ; случаи опущенія плавныхъ въ этомъ положеніи указываютъ, что такія сочетанія издавна имѣли здѣсь *согласные р* и *л*, что и затрудняло произношеніе сложной согласной группы; это затрудненіе было устранено опущеніемъ *р* и *л*, предварительно перешедшаго въ *в*.

15. Хотя древніе глухіе въ нашихъ говорахъ утеряны, но вообще нельзя сказать, что бы въ живой рѣчи не существовало глухихъ звуковъ. Гласные какъ ударяемыя, такъ и безударные, вообще говоря, произносятся въ нашихъ говорахъ чисто и опредѣленно; но сказанное относится лишь къ гласнымъ первичнымъ. Звуки, появившіеся въ слогахъ закрытыхъ на мѣстѣ основныхъ *о* и

е въ нѣкоторыхъ говорахъ произносятся весьма неопредѣленно; такъ въ Жещинкѣ, въ словахъ вол, кол и под. „слышится звукъ протяжный, средній между *у* и *о* и потому онъ можетъ быть переданъ посредствомъ *уо*“; такого же характера слышится звукъ въ подобныхъ сочетаніяхъ и въ сс.: Гуси, Любени и мн. др. Звукъ, замѣнившій древній *ѣ*, также въ нѣкоторыхъ говорахъ, произносится неопредѣленно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ весьма значительномъ числѣ случаевъ письменные дифтонги въ живой разговорной рѣчи представляютъ лишь звуки неопредѣленнаго характера.

Приставка, вставка, выпаденіе и сокращеніе гласныхъ.

Въ качествѣ приставочныхъ звуковъ являются звуки *и* и *у*. Характеръ приставного звукъ *и* имѣетъ: 1. Въ формахъ прош. вр. глагола иты: ишовъ—Тарногродъ, Руда, ишла, ишлы Руда и вообще этотъ глаголъ въ весьма многихъ говорахъ, какъ въ великорусскомъ (Колосовъ, Обзоръ 126) и бѣлорусскомъ (Недошевъ, Историч. Обзоръ 25), слѣдуя формѣ неопр. наклоненія, начинается и въ формахъ прош. времени съ *и*, что было извѣстно уже и въ старину (срв. мои Очерки 32). 2. И приставляется также и къ предлогамъ *съ* (переходящему иногда въ *з*), *къ* и *въ*: мувуду говубку исъ собою взевъ, пье говубъ воду изъ говубкою—Руда, пойіедь изъ нами—Корница, иззилъ, иззила Павлово, Скордіевъ и мн. др., изніавъ виночокъ, изніавъ шіапоньку, перепрошу батенька икъ собѣ—Корница, иду соби ивъ сьвитъ, ивъ лёховы, робывъ винъ ивъ кузьни; ивъ курчми, ивъ роботи, ивъ лиси и т. д.—Орховка. 3. *И* приставляется и къ формѣ Львовъ: Ильвовъ—Шлятинъ.

У приставляется: 1. Къ различнымъ формамъ мѣстоимепія весь: увесь, увсёго, увсихъ и т. д.—Любень, Черничинъ, Руда и мн. др. 2. Къ предлогу *въ*: пошла *увъ* кутокъ—Дорогускъ, увъ полю, увъ лисы Любень, здѣсь же увзивъ и взивъ вм. взялъ,—вообще, приставочное *у* находимъ только въ словахъ, начинающихся съ согласнаго *в*.

Приведенныя слова съ приставочными согласными употребительны какъ въ пѣсенной, такъ и живой разговорной рѣчи.

Что касается ихъ происхожденія, то это не болѣе, какъ отдѣльныя слова, впослѣдствіи примкнувшія къ словамъ, слѣдовавшимъ за ними. Въ народныхъ пѣсняхъ, по требованію размѣра и напѣва, мы очень часто встрѣчаемъ соединеніе союзомъ *и* такихъ словъ, которыя въ разговорной рѣчи могутъ обходиться и безъ него; употребленіе союза *и* играетъ здѣсь такую же роль, какъ и растягиваніе въ напѣвѣ какого-либо гласнаго—съ однообразной окраской его или же незначительнымъ видоизмѣненіемъ его основного характера; въ такой роли употребляются и другіе союзы и междометія, какъ напр., ай, ой, которыя несомнѣнно образовались изъ союзовъ *а и*, *о—и* (видоизмѣненіе *а – и*) срв. а и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ; для примѣра приведемъ нѣсколько пѣсенныхъ выраженій, представляющихъ излишнее, повидимому, употребленіе союзовъ: А зъ Опалына чорна хмара, а до Гнышова ны выдаты—Гнишевъ, А мій мэвый дытэну ковэшэ, а на мэнэ лыхэмъ духомъ дэшэ, а свыкруха вычэраты варыть, а на мэнэ моводую сварыть, а свэкорко та й дубэну парыть, а на мэнэ моводую сварыть —Руда, А я вмію, ны вмію, ще й до того ны смію, Ой убмовылы мэнэ, ще й мэвого й удъ мэнэ ib. Указанное употребленіе союзовъ въ пѣсняхъ равносильно употребленію въ нихъ повтореній всѣхъ вообще словъ и цѣлыхъ выраженій. Этотъ пріемъ извѣстенъ всѣмъ вообще русскимъ пѣснямъ: великобѣло-и мало-русскимъ. Подобный пріемъ свойственъ не одной только пѣснѣ, но и разговорной рѣчи; такъ г. Крыжановскій (Рукописныя евангелія кіев. книгохранилищъ 136) говоритъ, что „и въ настоящее время нерѣдко приходится слышать подобное произношеніе („вставку *и*“) у совершенно безграмотныхъ нищихъ”. Мы можемъ сказать, что этотъ пріемъ любимъ не только „совершенно безграмотными нищими“, но и вообще безыскусственной народной рѣчью, начиная отъ Гомера и оканчивая на-

шимъ временемъ. Для насъ интересно отмѣтить лишь то обстоятельство, что употребленіе союза *и* въ такой роли было извѣстно и церковнымъ памятникамъ болѣе ранняго времени, какъ показываютъ выраженія: и жребя и сним, сокры и сребро гна своего, се азъ и свами .... до искончания вѣка, и возпі и гласомъ и т. д. (XV в. Крыжан. Рукоп. ев. 136). Употребляющееся въ такой роли *и* примкнуло къ стоящему передъ нимъ или слѣдовавшему за нимъ слову и составило съ нимъ одно цѣлое; въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое соединеніе его съ другимъ словомъ составляло фонетическую необходимость, напр. и одъ должно было дать йодъ = йудъ = юдъ, та и (= великорус. да и), ще и (= влр. еще и) должны были измѣниться въ тай, щей.

Подобнаго же происхожденія и приставочное *у*: составляя первоначально предлогъ при мѣстоименіи *весь* въ косвенныхъ его падежахъ, оно впослѣдствіи зашло и въ именительный падежъ, а существованіе формъ: увэсь, увсёго могло дать возможность развиться формамъ: увъ, увзивъ, увзила и т. п.

II. Вставочными въ живой разговорной рѣчи являются главнымъ образомъ звуки *о* и *е*, которые или остаются безъ измѣненія или переходятъ въ звуки, способные замѣнять *о* и *е* въ другихъ ихъ положеніяхъ: журавэль, кунупэль, вітёръ или вітэръ—Руда, Потуржинъ, Скордіевъ и др., выйшовъ, зыйшовъ, или зышолъ—Руда, зу Львова—Потуржинъ; ву тымъ—Тарногродъ и т. д.

Всѣ вставочные и приставочные звуки имѣютъ одно назначеніе—облегчать произношеніе согласныхъ созвучій поэтому появленіе ихъ или отсутствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ обусловливается мѣстомъ, которое занимаютъ извѣстныя согласныя созвучія въ живой связной рѣчи. Вставочные звуки находятъ себѣ объясненіе въ аналогіи словъ съ органически прояснившимися глухими. Но въ пѣсняхъ, по требованію напѣва, могутъ появляться вставочные гласные и безъ этого условія, напр. малажоньскій (польск.

małżeński)—Руда, пудъ полотомъ—Дорогускъ (полотомъ изъ плотомъ отъ сл. плотъ = плетень).

III. Изъ гласныхъ созвучій, способныхъ къ сокращенію, мы можемъ указать только на созвучіе *ае*, сократившееся въ *а* въ формахъ: выбир*а*тъ, пыт*а*тся, пувид*а*тъ, гад*а*тъ, мацятся, весьма употребительныхъ въ Тарногродѣ, да глагольную форму *нэма*, извѣстную всѣмъ говорамъ и употребляющуюся теперь въ такомъ же значеніи, въ какомъ въ болѣе раннее время употреблялось не машъ (срв. мои Очерки по исторіи рус. нар. 37). Очень возможно, что эта глагольная форма представляетъ заимствованіе изъ польскаго; это положеніе можетъ найти подтвержденіе въ томъ, что другія глагольныя формы не знаютъ подобнаго сокращенія въ нашихъ говорахъ, хотя въ другихъ южнорусскихъ говорахъ онѣ и употребительны (Труды Чубинскаго, VII, III. 480).

Стяженіе *ае* въ *а*, распространенное въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (Колосовъ, Обзоръ 122) и отмѣченное въ московскихъ памятникахъ XV в. (сказывашь—Ячичъ, Критическія зам. по исторіи рус. яз. 62), представляется намъ единственнымъ случаемъ стяженія гласныхъ, хотя и тутъ можно сказать, что мы имѣемъ дѣло съ простымъ, механическимъ опущеніемъ гласнаго *е* или же съ образованіемъ формъ по аналогіи (сказыв*ашь*—по образцу да*шь*).

Что же касается другихъ формъ, въ которыхъ обыкновенно говорится о сокращеніи гласныхъ, то онѣ, по нашему мнѣнію, находятъ себѣ иное объясненіе, оправдываемое исторіей языка. Формы эти слѣдующія: мого, твого, свого, мому, твому, свому, а также формы женск. рода: твэи—твэй (Черничинъ), свэи, мэи ib., чужэи, добрэи, русэи (Павлово), а также формы твор. пад. ед. ч. ж. р. *мэю* родыною (Павлово), надъ тэю крыныцэю (Свирщовъ), формы жен. р. ед. ч.: твои, свои вм. моеи, своеи—Слипче, форма тви вм. твои (Городло), твёму—Радинъ; свымъ вм. своимъ—Гнишевъ. Во всѣхъ приведенныхъ формахъ мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ образованіями

морфологическаго, а не фонетическаго характера: добрэи, русэи, мэи, свэи, тэю, мэю и т. п. образовались подъ вліяніемъ формъ мягкаго склоненія, что всего очевиднѣе доказываютъ формы: твёму, тви; мого, мому, свого, свому и т. п. явились по образцу того, тому, доброго, доброму. Допустить сокращеніе звуковъ *ое* въ *о* въ формахъ мого—мои (род. ед. ж. р.), твого—твои, свого—свои мѣшаютъ слѣдующія соображенія: во-1-хъ, мы не имѣемъ права утверждать, что мого образовалось изъ моего, а не изъ моёго: въ то время, когда появились формы *мого*, *мои* и т. п., прилагательныя мягкаго склоненія имѣли въ род. п. ед. ч. муж. р. не только *его*, но и *ёго* (остатнїого, третого—мои Очерки по ист. рус. нар. 37. 74), а сообразно съ этимъ и формы мого, твого могли произноситься моёго, твоёго, какъ произносятся они теперь въ весьма многихъ южнорусскихъ говорахъ; слѣдовательно, прежде всего является вопросъ, изъ какихъ звуковъ получилось *о:* изъ *ое* или изъ *оё?* Во-2-хъ, допустивъ здѣсь сокращеніе звуковъ, мы должны были бы признать, что *ое* подлежитъ сокращенію въ *о* и *е* при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, безъ всякаго вліянія ударенія на характеръ получившагося послѣ сокращенія звука: *моёи* даетъ или мэ́и, какъ въ Павловѣ и др., или *мои*, какъ въ Слипче, *моёго* же даетъ только *могб.* Существующія и теперь великорусскія формы: мово, тв*ова* (какъ добр*ова*), мому присвымъ, сва, тва, вм. своя, твоя и под., равно какъ и бѣлорусскія: мого, сваго, тваго (Карскій, Обзоръ, 132) убѣждаютъ въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ морфологическими образованіями общерусскаго характера, какъ и думалъ объ этомъ уже Колосовъ (Обзоръ, 123. 237). Формы же: мэи, свэи, твёму и под. представляютъ еще болѣе позднія образованія, вызванныя вліяніемъ формъ мягкаго склоненія, какъ будетъ ясно изъ обзора формъ склоненій.

IV. Выпадать могутъ гласные, стоящіе въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ.

Въ началѣ словъ выпадаетъ *и:* а) въ разныхъ формахъ глагола грати: грала—Павлово, грае—Слипче и во-

обще этотъ глаголъ, употребляется ли онъ съ предлогами или безъ нихъ, обходится во всѣхъ нашихъ говорахъ безъ корневого гласнаго; б) въ предлогѣ *изъ*: зъ-за стола —Тыпинъ, зъ хаты—Слипче и т. п.; в) въ существительномъ Гнатунё отъ Игнатій—Руда и т. д. Выпадать могутъ и другіе гласные, стоящіе въ началѣ словъ, въ томъ случаѣ, если передъ ними стоятъ также гласные, напр. тыльько ддайте, ойца й матку двыдаты—Руда (срв. подольскія: маты. . . не слухала, ддала за рудого—Труды Чубинскаго V. 561 или: ні дмолиться, ні дговориться ib. 700); выпадаетъ также звукъ, замѣнившій древній **ѥ**: ще—Скордіевъ, Любень и т. д., ща—Переспа; такое же отпаденіе представляютъ формы: го, му вм. ёго, ёму, встрѣчающіяся во всѣхъ говорахъ.

Примѣры выпаденія гласныхъ въ срединѣ представляютъ слова: мни—Скордіевъ, Павлово и т. д., почкай—Павлово, сурвои, сурву (польск. syrowy), котрый—Гнишевъ, пэрстнэмъ ib., дэр'во—Дорогускъ.

Въ концѣ словъ, въ зависимости отъ требованій благозвучія, могутъ выпадать различные звуки; вотъ нѣсколько примѣровъ: жъ изъ же—Скордіевъ, Руда и др., аль—Павлово, волила бъ—Слипче, вже бъ—Подгорцы, пукъ = покы—Любень; сюда же принадлежитъ сь изъ ся—се—си, встрѣчающееся въ различныхъ говорахъ, и нѣкоторыя падежныя формы, оканчивающіяся теперь на *й* вмѣсто древняго *и*, *ю* и т. д., напр. водой, мэй вм. мэи и т. д.

Пріемъ выбрасыванія гласныхъ—очень древній; его знаютъ древніе языки и древнѣйшіе русско-славянскіе памятники [1]). Въ области распространенія нашихъ говоровъ мы также можемъ привести нѣкоторыя изъ приведенныхъ формъ, встрѣчающіяся съ отпаденіемъ гласнаго уже въ латинскихъ актахъ: Hynathko A. X. 3, Hynathkonis ib., Vankone ib. 4, Waszko ib. 25. Судя по имѣю-

---

[1]) Срв. Сборникъ Свят. 1076 г. даште изъ да аште 149 б, иже тъ вьсего срдца вм. иже отъ вьсего сердца 249 а.

щимся въ нашемъ распоряженіи историческимъ даннымъ, мы можемъ полагать, что отпаденіе гласныхъ, обусловленное стеченіемъ ихъ, происходило непосредственно и не нуждалось въ какомъ-либо подготовительномъ пріемѣ. Такъ-какъ причина выпаденія гласныхъ та же, что и вставки ихъ, т. е. требованіе благозвучія, удобство въ произношеніи, то естественно, что гласные выпадаютъ или остаются въ словахъ въ зависимости отъ мѣста, которое данное слово занимаетъ въ связной рѣчи. Но существующее въ языкѣ стремленіе сохранять слова въ однообразной формѣ вызвало то, что нѣкоторыя слова, будучи употребляемы много разъ въ формахъ съ опущеніемъ гласнаго, перестали нуждаться въ немъ разъ навсегда; къ числу такихъ словъ принадлежитъ глаголъ *грати* съ предлогами и безъ нихъ, мѣстоим. котрый дэкутрый, нар. ще.

Переходъ гласныхъ въ согласные.

Тѣ же требованія благозвучія, въ связи съ характеромъ гласныхъ звуковъ, были причиной ослабленія силы гласныхъ, вслѣдствіе чего гласные приближаются къ согласнымъ, или совсѣмъ переходятъ въ нихъ. Къ такому переходу способны лишь два гласные—*у* и *и*, при условіи нахожденія ихъ передъ или послѣ другихъ гласныхъ. *У* при стеченіи съ другими гласными въ значительной степени теряетъ свою гласность, сокращаясь въ ў или даже совершенно переходя въ *в*, вслѣдствіе чего разница между предлогами *въ* и *у* въ нашихъ говорахъ не существуетъ, такъ—что мы встрѣчаемъ фразы: въ мэнэ хата, въ мэнэ курова вулухата—Тарногродъ, а были въ насъ мускали—Переспа; такъ і въ насъ ib.; въ мэнэ е нагая—Подгорцы; тамъ у полю крынэця; тамъ у полю вода, идимъ ю вышнёвый садокъ—Руда; въ нашого сусіда зацьвіла бэрэза—Тыпинъ; весьма обычны также формы: вжэ, вчэся, вмрэ, вмрэшъ—Скордіевъ, Чер-

ничинъ и т. д. Стоящій послѣ гласныхъ *ю*, лишенный ётаціи, также можетъ переходить въ *у—в*: *мав* вм. маю черезъ мау, весьма употребительное въ Тарногродѣ, а также формы жен. р. ед. ч. существительныхъ: горовъ (изъ гороў), долынов—Тарногродъ, днинов—Городло [1]). Этотъ перехоъ *у* въ *в* отмѣченъ въ древнѣйшихъ памятникахъ галицко-волынской области (Соболевскій, Очерки 8. 10. 15). Скудныя указанія на существованіе его находимъ и въ латино-польскихъ грамотахъ; напр., такой переходъ представляетъ собственное имя Угровскъ (Угрускъ) въ формѣ Whrowszko, Whwrowszko при Uhrowsko A. X. 13.

Въ такомъ же положеніи *и* переходитъ въ *й* (етъ), играетъ ли онъ роль союза или составной части слова: сподиватыся снигу й груды—Тыпинъ, напэсано й намалёвано—Руда, на тымъ сї й сталу—Переспа; буде й такъ—Слипче, йшло—Переспа, госты йдутъ—Руда, пуйду, пїйду ib., йде, не йде, йдучи—Скордіевъ и мн. др. Этому процессу сокращенія силы гласнаго звука, стоя-

---

[1]) Г. Житецкій (Очеркъ лит. ист. 129), по нашему мнѣнію, напрасно предпочитаетъ другой способъ объясненія такихъ формъ: во 1-хъ, нерасположеніе нѣкоторыхъ говоровъ къ етаціи не подлежитъ сомнѣнію; во-2-хъ, связь формъ домой, долой съ древн. домовь, доловь, при отсутствіи другихъ случаевъ перехода *в* (а можетъ быть и *въ?*) въ *й*, не на столько очевидна, что бы можно было на ней основывать какіе-либо прочные выводы; гораздо проще и вѣроятнѣе другое толкованіе происхожденія формъ *долой* и *домой* срв. ст. Карскаго „Русскія нарѣчія *долой, домой*“ въ Извѣстіяхъ ист. фил. института кн. Безбородко т. XV; въ-3-хъ, мѣстности, гдѣ существуютъ формы днинов и т. п.; не знаютъ въ настоящее время нарѣчій *домой, долой*, а одной формы *доловь*, находящейся въ южнорусскихъ актахъ XIV в., слишкомъ недостаточно для утвержденія, что такія формы были распространены въ Южной Руси въ древнее время; наконецъ, при допущеніи здѣсь дѣйствія аналогіи приходится допустить странное явленіе: только два нарѣчія повліяли на образованіе падежной формы въ цѣломъ разрядѣ существительныхъ, а сами не сохранили своей первичной формы.

щаго послѣ гласнаго, обязаны своимъ происхожденіемъ формы жен. р. ед. ч. прилагательныхъ, мѣстоименій и существительныхъ: добруй, русуй, зелёнуй, вашуй—Павлово, ярой—Жещинка, ней—Тарногродъ, ей ib., вообще всѣ тѣ формы, которыя имѣютъ послѣ гласнаго *й* вмѣсто древняго *и*, напр. пойматы, здойняты—Скордіевъ, гостый, копый—Павлово и т. д. Союзъ *и*, принадлежа къ числу наиболѣе любимыхъ и употребительныхъ въ народныхъ пѣсняхъ, отчасти и въ живой разговорной рѣчи, сокращаясь въ *й*, теряетъ свое самостоятельное звуковое значеніе и можетъ примыкать къ словамъ, слѣдующимъ за нимъ, въ качествѣ предгласнаго ета; такимъ путемъ образовались формы: юже, яжъ, юдъ, ю = въ (напр. ю вышневый садъ—Руда), юлонька. Въ случаяхъ, когда слово, предшествующее *и*, оканчивается на гласный, а слѣдующее за нимъ начинается согласнымъ, *й* составляетъ одно звуковое цѣлое съ предшествующимъ словомъ; тай = та и (великорус. да и), сый (= сы и изъ *си и*); такъ же всего естественнѣе можно объяснить происхожденіе формъ пов. накл. вэйдый—Скордіевъ, спый = спи, зновэнькай—Гнишевъ, по-польскій, Чуб. II. 77 и т. д.

III. СОГЛАСНЫЕ.

Общія замѣчанія.

I. Согласные удерживаютъ свой первоначальный характеръ, несмотря на характеръ слѣдующихъ за ними согласныхъ; звучные остаются какъ въ концѣ словъ, такъ и въ срединѣ, стоя передъ отзвучными. Слова: лоб, рід, ридкый, гулубка произносятся такъ же, какъ и пишутся. Нельзя однако же сказать, что бы это общее правило во всемъ его объемѣ можно было примѣнить

ко всѣмъ говорамъ и ко всѣмъ отдѣльнымъ словамъ. Законъ приспособленія одного согласнаго къ выговору другого дѣйствуетъ и въ нашихъ говорахъ, но далеко не такъ послѣдовательно, какъ и въ другихъ русскихъ говорахъ. Слѣдующія данныя могутъ дать понятіе о дѣйствіи его въ предѣлахъ распространенія нашихъ говоровъ:

1. Существуютъ говоры, въ которыхъ въ этомъ отношеніи господствуютъ почти такія же звуковыя явленія, какъ и въ общерусскомъ литературномъ языкѣ; таковъ, напр., весьма замѣчательный по этой чертѣ Тарногродскій говоръ; въ немъ качество согласнаго звука обусловливается мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ рѣчи или въ словѣ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: куропци, вытъ пунэдилка, яшъ вм. яжъ, хотьмо вм. ходьмо, пыткруилы, парипка, расъ, зарасъ, ритку, влисъ, листы, уптяты, пулисъ, фтэды, прэнтко.

2. Въ говорахъ, въ которыхъ въ общемъ строго соблюдается правило неизмѣненія характера согласнаго въ зависимости отъ его положенія, существуютъ единичные случаи перехода согласныхъ звучныхъ въ отзвучные: голупка, оптірае Воинъ, нисько при низенько—Корница, на дорушци—Депултычи, пошэтъ (польск. poszed)—Дорогускъ, ниско ib., дутку ib., прэнтко (польск. prędko) ib. Весьма немногочисленные примѣры подобнаго рода находимъ въ памятникахъ Кіево-Черниговской области въ XVI—XVII вв.

3. Дѣйствіе закона приспособленія одного согласнаго въ выговорѣ къ другому сказалось также въ томъ, что предлогъ *съ* то храняетъ свою древнюю форму, то переходитъ въ *з;* такъ, съ одной стороны: съ повною, съ коцюбою, сховатысь, а съ другой: зъ высокуй, зъ доброго, згубивэмъ—Тарногродъ; съ одной стороны: розскочывъ, а съ другой: роскопаты, роскыдаты, Турковицы и т. п. Всего устойчивѣе форма предлога *отъ*; но и она не сохраняется неизмѣнно въ видѣ *од*. Это об-

стоятельство не утверждаетъ въ мнѣніи, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ образованіемъ по аналогіи [1]).

4: Въ весьма многихъ говорахъ существуютъ единичные случаи перехода шипящихъ въ свистящіе вслѣдствіе того же закона уподобленія звуковъ; такъ образовались формы: кланяесься—Кульчинъ, на рицци—Городище, на пиццы—Заболотье, на рицци—Тыпинъ, Шлятинъ, Слипче, Полюбичи, Замхъ, Дубенка и др., по дорозци—Шлятинъ, на дурозци—Бонча, на выровуцци—Волковяны, Верешинъ, на рицци—Депултычи, на дорозци—Зимно. Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ данномъ сочетаніи получается сложный звуковой комплексъ, въ первой составной части котораго слышится звукъ, близкій къ *т:* на ритцы—Павлово и Долгобычевъ. Но такъ какъ этотъ законъ дѣйствуетъ слабо, то приведенные случаи перехода шипящихъ въ свистящіе имѣютъ характеръ явленія спорадическаго, не только не обязательнаго для всѣхъ говоровъ вообще, но и не всегда соблюдаемаго въ одномъ какомъ-либо отдѣльномъ говорѣ; сохраненіе шипящихъ передъ свистящими встрѣчается не только въ различныхъ словахъ приведенной категоріи, но часто въ одномъ и томъ же словѣ шипящій то сохраняется, то переходитъ въ свистящій; такъ, въ Корницѣ говорятъ скрыноцьци, скрыноцци и скрыночци (Труды VII. 109); въ Тыпинѣ при формѣ рицци встрѣчаемъ на дорожци; рядомъ также существуютъ формы: рицци—дорижци—Слипче, ричци—дурозци—Бонча, рицы—дурожци—Депултычи, рицци—дорожци—Полюбичи и т. д. Есть также говоры, въ которыхъ шипящіе остаются безъ измѣненія всегда, какъ напр. въ Зимнѣ.

5. Какъ шипящіе передъ свистящими переходятъ въ эти послѣдніе, такъ попадаются рѣдкіе случаи обратнаго явленія—подъ вліяніемъ той же причины, закона

---

[1]) Мнѣніе это высказано Бодуэномъ де Куртене (Глоттологическія замѣтки, 38).

уподобленія согласныхъ: на рыччи, на дорожчи, на веровоччи—Бѣлгорай (мѣны шипящихъ и свистящихъ въ этомъ говорѣ не встрѣчается), подьижджейтэ—Жултанка, рожжурыть—Полюбичи, прейижджіай, выйжджіавъ—Корница и т. д. Древнія сочетанія *чьств, шьств, жьств, щьств*, послѣ исчезновенія глухихъ, утратили свои шипящіе подъ вліяніемъ слѣдующихъ за ними свистящихъ; образовались формы: дивоцькои—Монятычи, дивоства—Полюбичи, козацькэ ib., товарыство—Шлятинъ, Ярославецъ, туварэство—Волковяны. Приведенныя образованія могли явиться только подъ условіемъ дѣйствія свистящихъ на шипящіе (нѣкоторыя данныя, характеризующія указанный процессъ, собраны въ моихъ Очеркахъ по истор. рус. парѣчій, 50). Упрощеніе согласныхъ созвучій этой категоріи принадлежитъ къ числу явленій, весьма рано отмѣченныхъ памятниками: уже въ Добриловомъ ев. находимъ форму бѣство вм. бжьство [1]) (Соболевскій, Очерки, 7). Въ настоящее время подобнаго рода слова весьма рѣдко употребляются въ нашихъ говорахъ.

6. Мягкость согласнаго, стоящаго передъ мягкимъ гласнымъ, передается согласному предшествующему: сьвитыть, жиньци—Скордіевъ, сьциняпа сьципа—Тарногродъ, йїесьци, плесьци, посьцель, капусьциця, капусьциско, тесьця—Корница и т. д. Къ такому умягченію больше всего способны *с, ц* и *н*.

7. Дѣйствіемъ этого же закона вызваны нѣкоторые другіе случаи перехода однихъ согласныхъ въ другіе; но всѣ они имѣютъ характеръ явленій спорадическихъ, не закончившихъ своего развитія.

II. Въ способѣ соединенія согласныхъ съ гласными надо отмѣтить ту особенность, что согласные, кромѣ губныхъ и *р*, непосредственно соединяются съ мяг-

---

[1]) Извѣстно, что въ такой формѣ встрѣчается это слово уже въ Остромировомъ ев. (Изслѣдованія по русскому языку I, 50).

кимъ гласнымъ въ случаяхъ, когда въ великорусскомъ между гласнымъ и согласнымъ стоитъ *ъ:* попадя, попади, свыня, свыни—Тарногродъ, дякъ—дяка, кутя—кути Скордіевъ. Существительныя, оканчивающіяся въ литературномъ языкѣ на *ія—ья*, *іе—ье*, въ нашихъ говорахъ обыкновенно обходятся безъ *ъ:* братя, браця = братья, зиле, зили = зелье. Губные же и *р*, наоборотъ, избѣгаютъ непосредственнаго сочетанія съ мягкими гласными и, если имъ приходится занимать такое положеніе, то они или подвергаются неорганическому смягченію посредствомъ *л*, напр., розмовлять, сплять, роблять—Холмск., или принимаютъ вставку *н:* мняты, мни, мня—Вишница, или же, не прибѣгая къ помощи вставныхъ согласныхъ, произносятся вполнѣ самостоятельно, не примѣняясь къ характеру мягкаго гласнаго: пъятныця, пъять, завъязавъ, прывъязавъ—Дорогускъ и мн. др. Въ такихъ случаяхъ губные, особенно *в*, могутъ быть совсѣмъ выбрасываемы, напр., одъязавъ—Дорогускъ, виттячко—Холмск., мидяныи (Павлово и др. срв. росой медвяною Жуков.). Въ Тарногродскомъ говорѣ вслѣдствіе неспособности губныхъ сочетаться съ мягкими гласными эти послѣдніе могутъ замѣняться соотвѣтствующими твердыми: ма вм. мя (= меня), свата = свята и т. п.

Гортанные.

Гортанный *г* въ словахъ мѣстнаго происхожденія—звукъ длительный. Съ такимъ характеромъ онъ является въ памятникахъ, писанныхъ по-латыни, уже начиная съ XIV—XV вв.: Hodovicza, halicicus (Соболевскій, Очерки 106). Вообще, латинскіе памятники, писанные въ этой мѣстности, представляютъ многочисленные примѣры постановки *h:* Ohrowsko A. X. 1, Hurowsko, Holchowyecz ib. 2, Hynathko, Hriczkone ib. 3, Rohoza, Harasim, Horzyszow ib. 5, Bohdan, Hurko ib. 6. 7, Hanka ib. 8, Podhorodna ib. 21, 37, Horoch ib. 38 и т. д. Правда, въ этихъ же памятникахъ встрѣчаются написанія и черезъ

лат. *g*, напр., Mogilnicza A. X. 1, Gorzkowsky, Gregorium, Gorzkow ib. 3, Gnyewosio ib. 5. 7. Написанія черезъ *g* встрѣчаются въ латинскихъ актахъ даже въ XVI в. и не только въ словахъ собственныхъ, но даже нарицательныхъ: silvis, boreis, gays (= гай) A. X. 32. Мы позволяемъ себѣ думать, что въ живой малорусской рѣчи того времени существовалъ лишь *г* = лат. *h*, а *g* употреблялся въ письменности подъ вліяніемъ польскаго выговора и написанія такихъ словъ; возможно конечно, что писцы были поляки. Для доказательства того, что *г* звучалъ какъ лат. *h*, можно привести слѣдующія соображенія: во-1-хъ, *g* употребляется въ памятникахъ почти неизмѣнно въ написаніи однихъ и тѣхъ же словъ (польскихъ фамилій, а также мѣстностей, по всей вѣроятности, населеннымъ поляками или носившихъ польскія названія), при томъ употребляется не исключительно, а рядомъ съ нимъ въ написаніи тѣхъ же названій встрѣчается и *h*, такъ, напр., въ Актахъ Холмскихъ при написаніи Mogyelnycza A. X. 6. 7, Mogylnycza ib. 10 и др. встрѣчаемъ и написаніе Mohilnicza ib. 13. Во-2-хъ, звукъ *г* въ XV в. является въ той же роли, какую онъ играетъ и теперь, именно: а) играетъ роль приставочнаго звука передъ гласными: Annam, alias Hanka A. X. 13, Hanka, Hankam ib. 10, Holchowyecz при Olchowyecz ib. 20, Habraam при Abraam ib. 40; Huhrowyeczki при Uhrowyeczky ib. 39; б) подлежитъ переходу въ *х*: Bochdan A. X. 35. 16 (три раза) и в) можетъ выпадать, какъ напр., Araszym A. X. 17 (при Haraszym ib.), Arassym ib. 20, Ryczko (venerabilis Harasim, qui prius Ryczko vocabatur, wladica chelmensis A. X. 5 срв. venerabilis Hryczko, alias Harassim, wladica Chelmensis ib. 6), Joannes, Joanne ib. 38. 39 и др. при обыкновенномъ написаніи черезъ *h*: Johannis A. X. 24, Johannem ib. 21 и т. д. Если звукъ *г* имѣлъ въ XV в. ту же судьбу, что и теперь, то очевидно только потому, что онъ произносился въ то время такъ же, какъ произносится и теперь, т. е. звучалъ какъ лат. *h*. Въ настоящее время въ словахъ русскаго

происхожденія *г* въ произношеніи весьма приближается къ звуку *х* и очень часто записывателями народныхъ произведеній обозначается черезъ *х:* аха, охо, (= укр. ага, ого), хразь—Вишпица, Бохъ, хулыця—Городище, Хануля, Хануло, Хрыцю—Жещинка; такого же характера слышится звукъ и въ Тыпинѣ. Такой характеръ звука *г*, во всей вѣроятности, послужилъ причиной того, что польскіе записыватели малорусскихъ пѣсенъ и звукъ *х* передаютъ черезъ лат. *h:* wyhodyty (= выходыты), hustońku (= хустоньку), hlipajuczy (= хлыпаючы, плача), (Wójcicki, Zarysy domowe, III. 279. 280 и т. д.) [1]),

Въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, звукъ *г* произносится какъ *g*. Число такихъ словъ въ различныхъ говорахъ не одинаково; въ нѣкоторыхъ оно простирается до 150 (Корницкій говоръ). Мгновенный *г* = лат. *g* въ нашихъ говорахъ слышится только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда *г* появляется на мѣстѣ *д*, напр., гля = для, гломышъ = одломышъ—Полоски, гбаю вм. дбаю—Павлово, огїагнёны, сигїатъ—Корница, или *к:* гъ вамъ, гъ ему—Корница и мн. др.

Губные.

Губные принадлежатъ къ числу звуковъ весьма твердыхъ и устойчивыхъ въ произношеніи; они не только произносятся твердо во всѣхъ случаяхъ, когда въ языкѣ староцерковномъ послѣ нихъ стоялъ *ь*, но и неспособны къ мягкому произношенію въ сочетаніи съ мягкими гласными или согласными. Отъ старины сохранились лишь весьма немногочисленные случаи непосредственнаго сочетанія губныхъ съ первично-мягкими гласными, между

---

[1]) Говоримъ „по всей вѣроятности" потому, что постановка *h* вмѣсто *х* могла быть вызвана какими-либо, намъ неизвѣстными соображеніями. Мы можемъ только сказать, что вмѣсто *х* въ нашихъ говорахъ не является *г*.

тѣмъ какъ уже въ XVI—XVII вв. встрѣчаются въ южнорусскихъ памятникахъ написанія, свидѣтельствующія, что указываемое свойство губныхъ было присуще имъ и въ то время (написанія: пянства, вѣханіе, пьенкною—мои Очерки по ист. рус. нар. 46). Губной *ф* какъ первоначальный, такъ и образовавшійся на древнеславянской почвѣ изъ *ѳ*, употребляется въ живой рѣчи довольно рѣдко—въ словахъ заимствованныхъ, рѣдко употребляемыхъ и, такъ сказать, не вошедшихъ въ организмъ живой разговорной рѣчи. Обыкновенно онъ замѣняется другими звуками, именно: а) звукомъ *п:* Стэпанъ—Вишница, Пылыпъ, Пылыпувка—Любень, Тырноватка, с. Степанковипе; б) звукомъ *х:* Трохимъ—Заболотье; картохля—Дорогускъ, Хумэкъ—Волковяны срв. Choma A. X. 351, Chomicz ib. 365; в) звуками *хв*: хвартушокъ—Депултычи, хвурточка, хвура—Вишница, хвальшъ—Городище, хвамилія, Хвылохвэй—Ганна; хвигура, хвыра—Слипче, хвэвраль—Бонча, шехва—Безекъ.

Съ такимъ характеромъ *ф* является уже въ сравнительно древнее время, когда онъ также замѣнялся другими звуками, напр. *х:* нехталимля, Хролъ, Ходоръ (Соболевскій, Очерки 112). Въ латинскихъ грамотахъ XV—XVII вв. также находимъ замѣну *ф* посредствомъ *п* и *хв*, напр., Ostapko A. X. 72, chwyecyal ib., Stepankowicze ib. 15, Procopii ib. 108; тѣ же грамоты представляютъ написаніе —Falczewski A. X. 195, свидѣтельствующее о замѣнѣ *хв* посредствомъ *ф*, какъ это и теперь видимъ въ названіи фамиліи Нафальскій (весьма распространена въ Струпинѣ). Послѣдній примѣръ между прочимъ показываетъ, что *ф*, будучи не славянскимъ по своему происхожденію звукомъ, можетъ образоваться на славянской почвѣ. То же представляетъ и форма *фтэды* (вм. втэды—Тарногродъ). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что особенность нашихъ говоровъ составляетъ сохраненіе *ф*, подъ вліяніемъ польскаго, отчасти нѣмецкаго сосѣдства, въ весьма многихъ словахъ, въ которыхъ въ другихъ южнорусскихъ говорахъ *ф* замѣнено други-

ми звуками, напр., здѣсь говорятъ: Стэфанъ—Тарногродъ, фамилія (во многихъ мѣстахъ), Онофрій, Филипъ, Филаретъ и т. п.

Плавные *р* и *л*.

Звукъ *р* во всѣхъ говорахъ звучитъ твердо и способствуетъ отвердѣнію слѣдующаго за нимъ мягкаго гласнаго [1]). Исключеній изъ этого правила, случаевъ, когда *р* произносится мягко передъ первично-мягкимъ гласнымъ, намъ не приходилось наблюдать, а потому и относящіеся сюда примѣры весьма многочисленны; формы: рабый, нарадыты, радъ (= рядъ и радъ), обрадъ, зарадъ, вэровка, цара, зора, говору, на мору, гора (= горя), одурать, гороваты—составляютъ повсемѣстную принадлежность здѣшнихъ говоровъ, принадлежность, до такой степени неотъемлемую и сильно укоренившуюся, что требуется много лѣтъ для устраненія ея изъ говора мѣст-

---

[1]) Извѣстно, что и въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности попадается не мало случаевъ сочетанія *р* съ твердымъ гласнымъ вмѣсто мягкаго, напр., въ Остромировомъ ев. *оу* вмѣсто *ю* послѣ *р* является господствующимъ, равно является преобладающимъ ѫ вмѣсто ѭ (Изслѣдованія по рус. языку I, 30); въ XIII словахъ Григоря Богослова находимъ: морѫ, творѫ, граха и мн. др. (Будиловичъ, Изслѣдованіе яз. XIII словъ, 24). Такія же написанія встрѣчаются въ обоихъ Сборникахъ Св. и многихъ другихъ памятникахъ. Но прійти къ точному выводу въ этомъ случаѣ мѣшаютъ многія соображенія: во-1-хъ, приводимые случаи могутъ составлять достояніе инославянской фонетики—болгарской, на томъ основаніи, что и въ современномъ болгарскомъ языкѣ твердый выговоръ *р* беретъ перевѣсъ надъ мягкимъ (Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію 1, 89); во-2-хъ, они могутъ быть разсматриваемы лишь какъ явленія правописанія, и наконецъ въ-3-хъ, намъ совершенно неизвѣстны личности древнерусскихъ переводчиковъ и переписчиковъ: весьма вѣроятно, что памятники новгородскіе и другихъ областей переписывались кіевскими, волынскими и др. уроженцами и наоборотъ.

ныхъ уроженцевъ. Надо полагать, что этимъ свойствомъ *р* отличался уже довольно давно, такъ какъ названія жилыхъ урочищъ въ XV в., судя по латинскимъ актамъ, являются въ такой же формѣ, въ какой они существуютъ и въ настоящее время, напр., Teratin (1428 г.) А. X. 1. Древнѣйшій изъ галицко-волынскихъ памятниковъ (Добрилово ев. 1164 г.) представляетъ написанія: сътворv, узрv, морv, твору—рядомъ съ гл҃у (Соболевскій, Очерки 7). Одинъ изъ памятниковъ этой же группы представляетъ написаніе рядити (ib. 15; здѣсь же: гл҃аи, славлааше, ѣдать). На основаніи приведенныхъ данныхъ можно полагать, что отвердѣніе *р* началось приблизительно въ XII в.

Потерявъ способность непосредственно сочетаться съ мягкими гласными, какъ и губные, *р* пошелъ однако дальше въ этомъ направленіи и ассимилировалъ себѣ слѣдующіе за нимъ гласные, между тѣмъ какъ относительно губныхъ извѣстны только единичные случаи такого сочетанія (свата, ма и т. п. въ Тарногродѣ) ихъ съ гласными. Можно полагать, что для *р* уже окончился тотъ процессъ, который въ настоящее время дѣйствуетъ по отношенію къ губнымъ, а потому естественно предположить, что отвердѣніе *р* началось значительно раньше, чѣмъ отвердѣніе губныхъ. Это предположеніе находитъ свое подкрѣпленіе въ приведенныхъ выше данныхъ древнерусской письменности вообще и галицко-волынскихъ памятниковъ въ частности.

Въ случаяхъ, когда *р* приходится стоять передъ мягкими гласными, т. е. при произношеніи великорусскихъ слоговъ *ря—рю—ре*, *ри* и т. п., наблюдается повсемѣстно то же явленіе, которое весьма обычно при губныхъ,—*р* соединяется съ гласными при посредствѣ *ъ*, произносится совершенно самостоятельно и независимо отъ мягкаго гласнаго: говоръю, горъю, царъя и т. д. Причину, почему отвердѣніе *р* закончилось раньше и быстрѣе, чѣмъ отвердѣніе губныхъ, слѣдуетъ искать въ совокупности тѣхъ условій, при которыхъ приходилось разви-

ваться данному говору. Относительно свойства *р* въ способѣ соединенія его съ мягкими гласными здѣшніе говоры сходятся съ сосѣдними малорусскими (волынскими и гродненскими) и бѣлорусскими, въ которыхъ отвердѣніе *р* относятъ къ первой половинѣ XIV вѣка (Недешевъ, Истор. обзоръ 31, срв. Соболевскій, Очерки, 154). Разница между ними заключается въ томъ, что бѣлорусскій *р* всегда твердъ въ одинаковой степени, а въ нашихъ говорахъ есть случаи, когда *р* произносится если не совершенно мягко, то во всякомъ случаѣ не такъ твердо, какъ въ первично-мягкихъ слогахъ *ре—ри*, *рю—ря*. Къ такимъ случаямъ относится сочетаніе *р* съ вторично-мягкими *е* и *и*, т. е. съ тѣми *е* и *и*, которые уже на почвѣ каждаго даннаго говора развились изъ основныхъ *я—а* и *ѣ*; мягче выговаривается *р* и въ томъ случаѣ, если онъ стоитъ передъ дифтонгомъ, первая составная часть котораго заключаетъ съ себѣ звукъ, близкій къ *и*, а также и передъ *и*, образовавшимся изъ основныхъ *о* и *е*. Слова: поріедокъ, ріежоный, стричіеты—Ганна, наріедъ, обріедъ—Жещинка, а также: поридокъ, обридокъ, стричаты—Любень, ричъ—ричы, рицци, боридъ—Тыпинъ и др. имѣютъ *р* если не въ такой степени мягкій, какъ въ великорусскомъ, то все же произносимый не съ такой твердостью, какая слышится при соединеніи его съ первично-мягкими гласными.

Въ Корницкомъ говорѣ можно отмѣтить формы: поріадноньку, бріазнули (Труды VII, 82. 90), хотя относительно мягкости *р* здѣсь остаются въ силѣ тѣ же законы, что и въ другихъ говорахъ.

Слѣдовательно, *р* не потерялъ вообще способности быть мягкимъ звукомъ, а только утратилъ ее въ случаяхъ предполагаемой общерусской мягкости слога.

Л по своему характеру—звукъ средній; онъ даже въ соединеніи съ вторично-мягкими гласными не звучитъ вполнѣ мягко; особенно это замѣтно въ соединеніи *л* со звуками, замѣнившими *о* и *е* въ слогахъ закрытыхъ, а также со звукомъ *ѣ*; въ этомъ сочетаніи является не

мягкій *и*, а звукъ, средній между *и* и *ы*, но болѣе похожій на *ы*: лынывый, влызъ, лымишка, узлывъ—Тыпинъ, Тарногродъ и мн. др. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что и другіе согласные въ этомъ положеніи могутъ имѣть послѣ себя твердые гласные. Эта черта была присуща *л*, по всей вѣроятности, въ весьма давнее время, такъ какъ пропускъ *ь* послѣ *л* встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности; въ XVI—XVII вв. въ памятникахъ Кіево-Черниговской области *л* является съ такимъ характеромъ, съ какимъ мы его знаемъ въ настоящее время [1]).

Зубные.

Зубные *д* и *т*, стоя передъ твердыми гласными, произносятся такъ же, какъ произносятся они и въ великорусскомъ; передъ мягкими же гласными *т* въ нѣкоторыхъ говорахъ переходитъ въ *ц*: Насця, Насци, Насцю —Жещинка, браце (но братя)—Руда, брацишко—Павлово, мисьцькая—Шлятинъ, старосьцины, сьциняна сьцина—Тарногродъ и др. Во всѣхъ приведенныхъ говорахъ указанная черта имѣетъ характеръ явленія спорадическаго.

Въ говорахъ, въ которыхъ сохранились древніе *ы* и *и*, не смѣшавшись въ одномъ среднемъ звукѣ, такой переходъ *т* въ *ц*, развившись въ широкихъ размѣрахъ, весьма напоминаетъ подобное явленіе бѣлорусской фонетики; таковъ, напр., Корницкій говоръ, въ которомъ имѣются формы: побличносьцю, госьцинцёмъ, страсьци, звесьци, сіесьци, плесьци, косьцёмъ, засьцилае, капусьциця, госьцями. Явленіе это однако не тожественно съ бѣлорусскимъ, такъ какъ не всегда измѣняется *т* въ *ц*, а сохраняется безъ измѣненія *т*, стоящее передъ или

---

[1]) Срв. мои Очерки по исторіи рус. нарѣчій 41 и Колосова Обзоръ 152—153.

послѣ суженныхъ гласныхъ: матюнка, сміетя, матюонка, лэтіевъ, да и вообще нельзя сказать, чтобы всякое *т* передъ мягкимъ гласнымъ переходило въ *ц*, такъ какъ рядомъ съ приведенными формами, имѣющими *ц* вмѣсто *т*, въ томъ же Корницкомъ говорѣ слышатся слова: дитіати, повпускати, засмутила, рутьвяны, быти, розвеселити, стояти, буяти (Труды VII. 109. 110). Есть говоры, въ которыхъ такой переходъ *т* въ *ц* существуетъ лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; таковъ, напр. Переспинскій говоръ.

Такимъ образомъ, существенное отличіе нашихъ говоровъ, какъ и вообще южнорусскихъ, отъ бѣлорусскихъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что разсматриваемая звуковая черта ни въ одномъ изъ нихъ не развилась до такихъ размѣровъ, какъ въ бѣлорусскихъ.

Что касается времени появленія этого перехода, то для сужденія объ этомъ у насъ нѣтъ достаточнаго количества точныхъ историческихъ данныхъ; въ предѣлахъ распространенія нашихъ говоровъ мы можемъ лишь указать на собств. имя Цыцовъ (отъ цыцька = влр. титька —у Котошихина: закопываютъвъ землю по титки[1]), встрѣчающееся въ такой формѣ уже въ XV в. Czyczow A. X. 2. 21 (1456 г.), Cycow ib. 355), а также на названіе Staroscice A. X. 354 (1487 г.), хотя встрѣчаются и такія названія, какъ Stiborze ib. 90. Такъ какъ необходимымъ условіемъ этого перехода слѣдуетъ считать соединеніе *т* съ мягкимъ гласнымъ, и такъ какъ сочетаніе *цы* повѣе, чѣмъ *ци*, то можно предположить, что такія сочетанія могли появиться въ XIII—XIV вв. (срв. цѣ зда боудоу кде опъсалъ ся—Гал. ев. 1266 — 1301 г., цѣ = ци, что́ позднѣе дало цы), хотя, съ другой стороны извѣстно, что *сц* вм. *ст* передъ мягкими гласными знаютъ уже древнѣйшіе русскіе памятники[2]); относить

---

[1]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича [3], 131.

[2]) Такъ, въ Остромиров. ев. читаемъ: людьсци, генисаретьсцѣ, галилеисцѣ рядомъ съ людьсти, галилеистѣемь (Изслѣдова-

это *сц* къ чертамъ инославянскаго вліянія можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы для него не было основанія въ современныхъ южнорусскихъ говорахъ.

Въ бѣлорусскихъ говорахъ появленіе *ц* вмѣсто *т* относятъ къ XVI в. [1]).

Тотъ звукъ, который въ староцерковной письменности выражался черезъ *ѳ*, въ нашихъ говорахъ или перешелъ въ *т* (по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ польскаго): Тодорка, Доротій—Заболотье, Жещинка, Грабовецъ, катедра—Холмск. и др., или же онъ звучитъ какъ *ф* и его замѣны—*п* и *хв:* акафыстъ—Ганна, Подгорцы и др., укапистъ—Слипче, акапысъ—Заболотье, акахвыстъ—Депултычи, Гнишевъ, Дорохвэй—Горный Потокъ. Въ немногихъ словахъ на мѣстѣ *ѳ* слышится зубно-зубное сочетаніе *фт*, а вслѣдствіе мѣны *ф* и *х*, можетъ явиться здѣсь и *хт:* Ярохтэй—Ганна, Дорофтэй—Потуржинъ, Дорохтэй—Монятычи. Многочисленные примѣры постановки *хв* и *х* вмѣсто *ф* изъ *ѳ* можно читать уже въ латинскихъ актахъ, начиная съ XV в.: Choma A. X. 351, Chomicz ib. 365, Chwedko ib. 354, Chvedkone 355, Chphyeodosya ib. 22, Chphyethkam ib. 23, Chwedor ib. 30, Chfyedor ib. 32 и т. д.

Сходныя явленія видимъ въ памятникахъ Кіево-Черниговской области XVI—XVII вв. (мои Очерки по ист. рус. нар. 53).

Шипящіе и свистящіе.

Здѣсь прежде всего надо указать на существованіе звуковыхъ сочетаній *дж* и *дз;* первое изъ нихъ являет-

---

нія по рус. яз. I, 52—53). Подобныя явленія извѣстны и другимъ древнерусскимъ памятникамъ, напр. двумъ Сборникамъ Святослава и весьма мн. др.

[1]) Недешевъ думаетъ (Историч. Обзоръ 30), что *ц* вмѣсто *т* появилось только въ XVI в. Но извѣстно, что въ самомъ началѣ XVI в. (1528 года) встрѣчается форма: метаци (Владимировъ, Д-ръ Франц. Скорина, 272).

ся путемъ смягченія *д* и *з*, напр., ходжу, саджу, ладжу, воджу (отъ возить и водить), а также въ нѣкоторыхъ собств. именахъ, напр. Джурыло, Гренджели—Городло; второй дифтонгъ можетъ являться передъ согласнымъ, стоящимъ передъ твердымъ гласнымъ; напр., дзвонъ, дзвоныця, дзвоныть (чаще, впрочемъ, употребляется „колоколить")—Холмск., а также въ такихъ формахъ, какъ дзёбати, розьдзіава—Корница, дзюба, дзюбатый—Холмск. Гандзя, Гандзюня, кумундзюня—Гнишевъ и др. О заимствованіи приведенныхъ сочетаній изъ какого-либо другого языка говорить не приходится; есть случаи, гдѣ *дз* взято изъ польскаго, напр., родзоный, уро́дзай—Руда и др., но съ другой стороны, не мало также случаевъ, гдѣ *дж* и *дз* не находятъ оправданія въ польскомъ и гдѣ польское *дз* передается въ рѣчи черезъ *з*; такъ напр., всегда произносится польское bardzo (= барзо). Слѣдуетъ замѣтить, что какъ *дж* не вытѣснило окончательно *ж*, такъ и *дз* въ нѣкоторыхъ словахъ можетъ быть замѣнено посредствомъ *з*, напр. дзвоныть и звоныть; въ другихъ приведенныхъ словахъ *дз* употребляется неизмѣнно.

Тотъ и другой дифтонгъ слѣдуетъ считать вторичными образованіями, возникшими подъ вліяніемъ формъ, представляющихъ согласный въ основномъ видѣ и въ смягченномъ посредствомъ *ж* или *з*[1]).

Въ древности шипящіе были мягки, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные случаи сочетанія ихъ съ мягкими гласными: *я*, *ю*, *ѣ*, ѥ и *и*, находимые въ такъ

---

[1]) Коробка, Звукъ дж̑ въ малорусскомъ нарѣчіи (Р. Ф. В. 1895, IV, 223—232). Намъ только кажется, что образованіе дж восходитъ ко времени раньше XVI в. (срв. Житецкій, Очеркъ звук. исторіи 239—240). Встрѣчающіеся уже въ XII в. случаи постановки *жч* вм. церковнославянскаго *жд* (Соболевскій, Очерки, 16. 110—111) въ связи съ другими данными свидѣтельствуютъ, что созвучіе жд уже очень рано на южнорусской почвѣ начало мѣнять свою первоначальную окраску.

называемыхъ галицко-волынскихъ памятникахъ (Соболевскій, Очерки 7. 11. 15 и др.). Въ настоящее время древнія сочетанія *жя, чя, шя, щя* вообще созвучія, представляющія непосредственное сочетаніе шипящихъ съ первично-мягкими гласными, произносятся твердо, но тѣмъ не менѣе шипящіе сохранили способность непосредственнаго сочетанія съ мягкими гласными. Мягко они произносятся во-1-хъ, въ словахъ звукоподражательныхъ, напр., шюпъ, шюпъ—Тарногродъ, шяснути (= шіаснути)—Корница; во-2-хъ, въ случаяхъ вторичнаго происхожденія шипящихъ,—появленія ихъ на мѣстѣ свистящихъ, напр., на риччи, на дорожчи, на вэровоччи—Бѣлгорай, на вулычю, пушіявъ, станэ шя, чого шь смутна, трыматы шя, будешъ шядяты—Тарногродъ, танчюютъ, на горыльчи—Тератинъ, сошиды, шидаты—Теребинъ и др.; во-3-хъ, въ случаяхъ соединенія шипящихъ съ вторично мягкими гласными: стрычеты, крычеты—Слипче, Переспа, пидъежджеты, паражеты, встричеты, крычеты—Шлятинъ, обычей, сажей, ключе—Замолодычи и т. д.

Свистящій *ц* въ соединеніи съ вторично-мягкими гласными всегда мягокъ; первично-мягкіе гласные также въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣютъ передъ собой мягкій *ц*: двайцеть, дванайцеть—Сухава, саганьце (род. п. отъ саганэць = котелокъ)—Замолодычи, окуньцями, хлопцями—Крыловъ, коцюба, пэрсцюнэчка—Тарногродъ, танцюваты, цэрковцю—Грубешовъ, виньцю, рукавцю—Бѣла и мн. др. Древніе же *и* и *е*, отвердѣвъ, способствовали отвердѣнію и предшествующаго имъ *ц*; древній конечный *ъ* также не всегда передалъ свою мягкость *ц*, поэтому встрѣчаются не только: гарнэць, яець, корэць, заець—Потуржинъ, но и: молодэцъ, корцъ—Павлово. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что всегда твердо *ц* произносится только въ соединеніи съ первичнымъ *е* (= э), въ соединеніи же съ *и*, какого бы происхожденія онъ ни былъ, *ц* въ огромномъ большинствѣ случаевъ произносится мягко: коровайныци, хлопци, куробци, молодци, молодыци, улыци—Тарногродъ и мн. др. Ко-

нечно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ аналогіи.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ этомъ сочетаніи возможенъ твердый и мягкій выговоръ [1]), такъ напр., въ Павловѣ говорятъ: на *риццы* и на *рицци*, на *свиццы* и на *свицци*, но только молодэцъ, яецъ—не безъ польскаго вліянія. Только въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ словахъ, послѣ *ц* возможно одно *ы* во всѣхъ говорахъ; къ нимъ относятся: цы = ци (употребляемое въ нѣкоторыхъ говорахъ вм. чи), цыбуля, цыганъ, цыцька, цыфра или цыхвира. Надо полагать, что появленію и утвержденію сочетанія *цы* способствовало сближеніе звуковъ категоріи *е—и—ы*. Насколько можно судить по приведенному раньше Cycow (Czyczow), отвердѣніе *ц* въ этомъ сочетаніи относится къ довольно раннему времени (XV—XVI вв.).

Смягченіе согласныхъ.

Смягчаются согласные трехъ категорій: гортанные, зубные и губные. Условія и способы смягченія тѣ же, что и въ другихъ южнорусскихъ говорахъ.

Смягченіе гортанныхъ передъ мягкими флексивными гласными составляетъ правило, исключеній изъ котораго не встрѣчается: жиньци—Монятычи, чэлядци—Горбово, на порози, въ дорози—Теребинъ; въ сорочци, въ запасци, въ кытайци, на руци, свыкруси—Руда, на рицци, по доризци—Шлятинъ, на ричци (или на ричцы), на дорожц$^{ы}_{и}$, на вэровочц$^{ы}_{и}$—Ярославецъ, на риццы—Депултычи, на ричцы, на пичцы, на дорожцы (но и въ мишци)—Ганна, Заболотье, на стысцы—Буссовна. Смягченіе происходитъ не только передъ мягкими флексивны-

---

[1]) Г. Михальчукъ (Труды Чубинскаго VII, 3, стр. 494) относится съ недовѣріемъ къ подобнаго рода явленіямъ и предполагаетъ непослѣдовательность записывателей. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что мягкій и твердый выговоръ *ц* въ одномъ и томъ же словѣ—явленіе живой рѣчи.

ми гласными въ склоненіи существительныхъ, но и передъ суфф. прилаг. притяж. *инъ:* матюнчинъ—Пищацъ, Катюшэнчынъ—Теребинъ, Парашчынъ—Орховка, Шмаровозышынъ, Козолупышынъ—Холмск.

Въ склоненіи прилагательныхъ число случаевъ, въ которыхъ находимъ смягченный гортанный, весьма невелико; намъ удалось отмѣтить только три такихъ примѣра: по повнэньцій—Потуржинъ, на шыроцій—Любень, по вэлыци дьни ib. Первые два примѣра принадлежатъ къ числу пѣсенныхъ остатковъ старины, въ разговорной рѣчи неизвѣстныхъ[1]); третій представляетъ смягченный согласный только въ соединеніи прилагательнаго съ приведеннымъ словомъ. Сохраненію гортанныхъ безъ измѣненія передъ мягкими гласными, очевидно, способствовало стремленіе сохранить во всѣхъ падежахъ согласный въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ именит. падежѣ. Сократилось число формъ со смягченнымъ гортаннымъ и въ склоненіи существительныхъ по той причинѣ, что древній мѣстный падежъ принялъ въ весьма значительномъ числѣ случаевъ флексію пад. дательнаго, не требующаго смягченія, напр. на посажэйку, въ садочку, въ барвиночку, въ виночку—Грубешовъ и др.

Губные смягчаются передъ етованнымъ гласнымъ посредствомъ *л:* зробляны—Замолодычи, куплю, ловлю, люблю; купля, куплэный, рублэный—Холмск. и др.

Есть нѣсколько случаевъ неорганическаго смягченія губныхъ передъ мягкими гласными: розмовлять—Холмск., дывлять—Бѣльск., здоровле, бэзголовле—Орховка, кровлы ib., одмовлывъ ib., на здоровле—Дорогускъ, кровли ib., здоровлю ib. Съ другой стороны, бываютъ случаи не-

---

[1]) Когда я, заинтересовавшись формой шыроцій, спросилъ письменно г. А. Бачинскаго, проводившаго лѣто въ Любени, много ли случаевъ смягченія гортанныхъ въ склоненіи прилагательныхъ, то онъ отвѣтилъ, что такихъ случаевъ совсѣмъ нѣтъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ окаменѣлостями, въ языкѣ весьма рѣдкими.

смягченія гортанныхъ, хотя оно и должно было бы быть: справэна—Потуржинъ, заставъю, купю—Тарногродъ. Подобныя явленія находимъ и въ великорусскихъ народныхъ говорахъ (Колосовъ, Обзоръ 149).

Зубные д и *т* смягчаются передъ етованными гласными въ *ж* и *дж* и *ч:* ходжу, саджона, сыджу—Руда; сьвича, стрича ib. *Дж* встрѣчается рядомъ съ *ж* въ одномъ и томъ же говорѣ: хожу, бужу—Руда и др.

Подъ вліяніемъ аналогіи попадаются формы безъ смягченія согласнаго: ходю, городю, бороздю—Замхъ, Зимно и др. Въ смягченіи *с* нѣтъ разницы сравнительно съ другими русскими говорами.

Удвоеніе согласныхъ.

1. Весьма обыкновенное въ украинскихъ говорахъ удвоеніе согласныхъ, связанное съ исчезновеніемъ *і—ь* въ существительныхъ на *іе—ье*, существуетъ только въ весьма немногихъ здѣшнихъ говорахъ, главнымъ образомъ, пограничныхъ съ волынскими; здѣсь оно представляетъ явленіе, охватывающее болѣе или менѣе значительное количество случаевъ, такъ напр., въ Скордіевѣ говорятъ: колосовання, сподобання, зилле, гарбузэнне, малёванне, сподиванне; въ Потуржинѣ: зилле, вэсилле, Илля; вообще при *л* бываетъ удвоеніе и въ тѣхъ говорахъ, которые не знаютъ его при другихъ согласныхъ, напр., въ Тыпинѣ, при зилле, вэсылле, выллывъ, наллевъ говорятъ только: камине, корине, учине, товчине. Въ остальныхъ говорахъ удвоеніе согласныхъ въ данномъ положеніи представлено единичными примѣрами: посэдиннечко—Бѣльск., сваття ib., виттячко—Холмск. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ исчезновенія *ь* (изъ *і*) послѣ согласныхъ удвоенный согласный не слышится какъ въ существительныхъ, такъ и въ прилагательныхъ притяжательныхъ, оканчивающихся обыкновенно на *а—я* и т. д. вмѣсто болѣе древнихъ окончаній *ья* и под.: трэтя, Ксэня, вовча.

2. Не всегда слышится также удвоенный согласный въ членныхъ формахъ причастій прош. врем. стр. зал., напр., рядомъ съ формами: хвалэнный, куплэнный, проданный, схожэнный, скошэнный, загоранный—Слипче въ большомъ ходу формы: роджоная, родзоный—Руда, пэчэный, парэный—Зимно, Россошъ и мн. др.

3. Подъ вліяніемъ ударенія видимъ удвоенный согласный въ словахъ: сырыдушшый, вышшый—Руда и др.

4. Особенно многочисленные случаи удвоенія согласныхъ обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію закона употребленія звуковъ и исчезновенію древнихъ глухихъ, а также приставочному *у* = *в:* увэсь—ввэсь, увійты, ввійты, завважаты—Полоски, луччу ib., сопный, дэнный и мн. др.

Переходъ однихъ согласныхъ въ другіе.

1. Здѣсь прежде всего отмѣтимъ столь характерный для южнорусскихъ говоровъ переходъ *л* въ *у*, который извѣстенъ напр., говорамъ деревень: Любень, Замолодычи, Сухава и нѣкот. др. Въ другихъ говорахъ здѣсь весьма явственно слышится согласный *в*, такъ что о „вокализаціи" *л* нѣтъ надобности говорить. Этотъ переходъ весьма неодинаково развитъ въ различныхъ говорахъ; есть говоры, въ которыхъ почти всякій первичный *л* переходитъ въ *в;* таковъ, напр. говоръ дер. Руда, представляющій формы: хвопцы, мавая, сподобавася, брава (= брала), мовода и мувода, мэвый, мэвая, ковэшэ (= колышетъ), говубъ, говубка, гувубивъ (= *голубовъ), хуводна, запвакавъ, павашъ, зувутый, пувковныку, пувку, вонку (польск. łąkę), мувутять (= молотятъ) и т. п. [1]). Въ нѣсколько меньшихъ, хотя также широкихъ размѣрахъ наблюдается переходъ *л* въ *в* въ дер. Гнишевѣ;

---

[1]) Срв. М. Колосова, Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія 339—343.

въ другихъ говорахъ, напр., въ Скордіевѣ, Михайловинѣ, Грабовцѣ, Уханомъ и др., онъ распространенъ въ такихъ же размѣрахъ и совершается при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ происходитъ онъ въ Украинскихъ говорахъ; въ иныхъ наконецъ говорахъ размѣры его ограничены дѣйствіемъ аналогіи, и *л* сохраняется безъ измѣненія въ формахъ прош. врем. дѣйств. зал. муж. р.: пилъ—булъ или былъ—подъ вліяніемъ пила, была; быть можетъ, въ данномъ случаѣ оказалъ вліяніе польскій яз. Таковъ говоръ напр. Павлова и мн. др.

2. *Р* въ *л:* срибло—Турковицы, Пищацъ и мн. др. таліерки (польск. talerż изъ teller) при таруолочку—Корница.

3. *М* въ *н:* вознэмо—Тарногродъ; рэвнэ, рэвнэнько или ривнэнько вм. ревмя—всюду въ такой формѣ (срв. мои Очерки по ист. рус. нар. 56), жумиръ изъ жувмиръ (отъ żołnierz изъ soldner)—Корница.

4. *Н* въ *м:* Мыколай, Мыкулаювськый—Ганна и др.

5. *В* въ *м:* дамно—Павлово.

6. *С* въ *ц* въ формахъ 3 л. ед. и мн. ч. глаголовъ: вэрнэтця, спытця, спытця—Скордіевъ и др. Въ нѣкоторыхъ говорахъ здѣсь произошло взаимное уподобленіе согласныхъ: *т*, повліявъ на усиленный выговоръ *с*, самъ уподобился ему: сыплэцця, стэлэцця—Гнишевъ; въ другихъ сочетаніе *тс* дало, по общему правилу, одно *ц:* оглядаице, убыймаице (какъ савдацькый)—Руда.

7. *К* въ *х:* хто, нихто, хрэстыты, хрэстъ и т. д.

8. *Т* въ *д:* одъ, доптать (польск. deptać); намъ встрѣтилась только одинъ разъ форма вытопчэ—Грубешовъ.

9. *Д* въ *г:* гля, гломышъ, гбаю—Полоски, Корница и др.

10. *К* въ *т.* Этотъ переходъ намъ приходилось наблюдать въ весьма многихъ мѣстностяхъ; встрѣчаемъ его лишь при мягкихъ гласныхъ: русьтій, рымсьтій, кисто; нигдѣ однако онъ не составляетъ звуковой особен-

ности всего говора, а свойственъ лишь отдѣльнымъ лицамъ.

11. *Т* въ *к* встрѣчаемъ лишь въ весьма немногихъ словахъ: кроха вм. болѣе обыкновеннаго для всѣхъ говоровъ троха — Орховка, удопкана ib., видупкали — Труды Чуб. IV. 225. Этотъ переходъ составляетъ особенность также личную, а не характеризуетъ всего говора.

12. Взаимная мѣна шипящихъ и свистящихъ также ни въ одномъ изъ говоровъ не имѣетъ характера явленія, обнимающаго значительное количество случаевъ. На всемъ пространствѣ распространенія нашихъ говоровъ мы встрѣчаемъ лишь нѣсколько случаевъ постановки свистящихъ вмѣсто шипящихъ: ирзати, рзати — Корница, здаты—Руда, зель, выраздзеты, зэлизный — Слипче, цы = чи въ такой формѣ встрѣчалось намъ во всѣхъ Холмскихъ говорахъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно господствуетъ исключительно, въ другихъ живетъ рядомъ съ чы = чи; относительная древность можетъ быть установлена лишь для цы—ци (цѣ зда боудоу кде опъсалъ ся — Гал. ев. XIII в.). Случаи обратной мѣны—постановки шипящихъ вмѣсто свистящихъ болѣе многочисленны. Здѣсь прежде всего надо указать на мѣну свистящихъ на шипящіе, развившуюся въ нѣкоторыхъ говорахъ подъ вліяніемъ польскаго и допускаемую передъ мягкими флексивными гласными, въ формахъ мѣстоименія возвратнаго: *шя*, *ши* и въ формѣ глагола быть—бы — шь. Въ нѣкоторыхъ говорахъ такая мѣна весьма распространена: вэртаймо ши, забавмо ши, нэ дасть ши просыты, збирае ши, танчоваты, танчюю, въ тапчи—Тератинъ; Марыня, въ комороньчи, хлопчи, мажью — Теребинъ, Тарпогродъ. Относительно приведеннаго перехода надо замѣтить, что онъ не составляетъ фонетической необходимости: одно и то же лицо въ одномъ и томъ же словѣ употребляетъ то свистящіе, то шипящіе. Изъ отдѣльныхъ словъ, представляющихъ примѣры такой мѣны въ говорахъ, не знающихъ случаевъ массового перехода свистящихъ въ ши-

пящіе, можно привести: шалата—Корница, шкло, шкляный при скло, шкляный ib. и въ другихъ мѣстахъ, крышталю —Теребинъ и др.; зачыпаты (при чэпъ). Изъ приведенныхъ словъ только послѣднее неизмѣнно сохраняетъ *ч;* остальныя могутъ имѣть и свистящій согласный.

13. Можно привести нѣсколько случаевъ постановки одного шипящаго вмѣсто другого; *щ* вмѣсто *ш* представляютъ: дощка—Гнишевъ, щкоды—Жещинка, выщэ—кращэ; въ послѣднихъ двухъ *щ* изъ *шч; ч* зашло сюда изъ такихъ формъ, какъ швыдчэ, крипчэ.

Ш вмѣсто *щ* находимъ въ *шо* при *що*—Волковяны и др., товарышъ ib.

Ч вмѣсто *щ:* барабанчыкъ—Руда, наймэнчуй—Кульчинъ.

Ш вмѣсто *ч:* рушнычокъ—Тыпинъ, сэрдэшная—Полоски, велишниі—Рохань, хотя обыкновенно *ч* передъ *н* сохраняется въ неизмѣнномъ видѣ въ противоположность великорусскимъ говорамъ [1]).

Такимъ образомъ, какъ мѣна шипящихъ на свистящіе и обратно, такъ и взаимная мѣна послѣднихъ—явленія спорадическія.

Нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь случаевъ отмѣчены въ памятникахъ, срв. Соболевскій, Очерки 111, Владимировъ, Д-ръ Ф. Скорина 275—276, мои Очерки по ист. рус. нар. 51—52.

Приставка, вставка и выпаденіе согласныхъ.

I. Въ качествѣ приставочныхъ являются согласные:

1. *В:* винъ—Жещинка и мн. др., вулыця ib.—Бон-

---

[1]) О явленіяхъ, характеризующихъ отношенія свистящихъ къ шипящимъ въ великорусскихъ говорахъ см. у Колосова, Обзоръ 185—189. У Котошихина *шн* изъ *чн* составляетъ правило: чарошники 83, грешневые 87, кирпишники 99, хотя и *чн* встрѣчается: скорнячниковъ 80, калачниковъ 88, полоненичныхъ 98 и пр.

ча, видъ ib., вытъ—Тарногродъ, вивця—Ярославецъ и др., возэро, восинь, вулыця—Потуржинъ, викно—Переспа, Шлятинъ, вубое, воба—Тарногродъ; вупъ, вудъ, вузлувъ, вугунъ—Депултычи; вукно, воку (= око), вынъ, вовтаръ, высинь, выльшэна, возыро, вужэны—Сагрынь, видтыль, вурихъ—Тыпинъ, Воля, Вóльга—Тырноватка и т. д.

2. *Г*: Гулька (= Юлька)—Ярославецъ, Ухане, гулыця, гокно, гораты, гострый—Слипче, гулэця, говэсъ—Верешинъ, горихъ—Буссовна, гочи—Михайловинъ, гукно, гобразъ, гармата—Ганна, гидэмо, гидэшъ, гидэ—Тарногродъ, гозьмуть — Волковяны [1]). Приведенныя двѣ приставки наиболѣе древни; единичные примѣры приставочнаго *в* восходятъ къ XII—XIII вв. (Соболевскій, Очерки 20), а *г* въ XIV—XV вв. пріобрѣло уже полныя права гражданства. Эти приставочные согласные найболѣе распространены въ нашихъ говорахъ, при чемъ каждый изъ нихъ отдаетъ предпочтеніе тому или другому согласному, такъ напр. въ Переспѣ преобладаетъ приставочный *в*, а въ Ганнѣ *г*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ тотъ и другой согласный употребляются совершенно безразлично, при чемъ однако такъ, что извѣстныя слова принимаютъ предпочтительно одинъ изъ согласныхъ, рѣдко допуская ихъ мѣну.

3. *Н* приставляется только къ формамъ мѣстоименія 3-го лица даже и тогда, когда онѣ употреблены безъ предлоговъ, напр., давно ты дурышъ нымы—Теребинъ, нэю (солью) солыть й чужына—Крыловъ, будэшъ ня нёмъ (дивчынов) тишывъ—Тарногродъ. Наоборотъ, въ

---

[1]) Обыкновенно этотъ глаголъ принимаетъ приставку *в* и подвергаетъ суженію гласный предлога: візмемо и візьмемо—Труды Чуб. IV. 212, візьмете ib. 308, візьмемо III, 83; візьметься ib. 125. Чередованіе здѣсь приставочныхъ *в* и *г* и суженіе гласнаго подтверждаютъ, что въ данномъ глаголѣ приставка—*оз*; поэтому приставочные согласные могутъ и не быть, какъ это и встрѣчается въ настоящее время и отмѣченовъ памятникахъ XVI—XVII вв.

соединеніи съ предлогами эти формы довольствуются иногда однимъ етомъ, неизмѣнно предшествующимъ каждому вторично-мягкому начальному *и:* побиглы въ погоню за имы—Полоски (хотя здѣсь же: идитьте жъ за нымы хутший), прыйшовъ до еи царевычъ ib., прыйшла къ ёму божая маты—Городло.

4. *Й* (етъ), приставляемый ко всѣмъ безъ исключенія твердымъ гласнымъ; въ громадномъ большинствѣ случаевъ, особенно въ пѣсняхъ, этотъ етъ обязанъ своимъ происхожденіемъ сокращенію союза *и,* примкнувшаго къ слѣдовавшему за нимъ слову; такъ образовались формы: юдъ = й одъ, юбмувунька = й убмувунька—Руда, яшъ, юже—Тарногродъ, Янтосё—Орховка и под. Характерно, между прочимъ, то, что *й* не всегда приставляется къ основному начальному *и,* а мѣсто его можетъ занимать и согласный *г:* гидемъ, гидешъ—Тарногродъ, Гилько—Тератинъ.

Такъ какъ приставки основаніе для своего существованія получаютъ въ стеченіи гласныхъ въ связной рѣчи, то естественно ожидать, что онѣ не составляютъ необходимой части слова и могутъ отсутствовать въ зависимости отъ положенія даннаго слова въ живой связной рѣчи; исключенія не должны составлять и тѣ начальные гласные, которые могли быть въ извѣстный періодъ жизни языка „долгими". Такъ дѣло обстоитъ въ настоящее время; такъ оно было и въ старину, срв. arbora diversa, praesertim olszowe A. X. 336 (1594 г.). Есть однако слова, которыя постоянно начинаются съ приставочныхъ согласныхъ, внѣ всякой зависимости отъ положенія даннаго слова въ связной рѣчи.

Характеръ приставочнаго согласнаго (гортанный, небный или губной его оттѣнокъ) первоначально также долженъ былъ опредѣляться какъ характеромъ одного изъ гласныхъ, между которыми приходилось стоять вставочному согласному, такъ и удобствомъ послѣдняго для выговора. Этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснять различіе приставокъ въ различныхъ говорахъ и словахъ, а

также и то, что одно и то же слово можетъ имѣть различныя приставки иногда въ одномъ и томъ же говорѣ. Однообразіе въ приставкахъ и тѣсная сплоченность ихъ съ даннымъ словомъ могла явиться только съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ присущаго всѣмъ языкамъ стремленія сохранять извѣстное слово въ однообразной формѣ.

II. Вставочными согласными являются:

а) *Д* и *т* въ группѣ сложныхъ нѣмыхъ и плавныхъ созвучій: здрадыты—Крыловъ, Руда; стритыты или встритыты, стрича, страмъ, здриты, здрилый—Тератинъ, Теребинъ и др. Вставка эта извѣстна всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и отмѣчена въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности.

б) *В:* рутьвяный—Корница при рутяный — Теребинъ; охвота—Дорогускъ.

в) *Л* послѣ губныхъ, за которыми слѣдуетъ мягкій гласный; происхожденіемъ своимъ этотъ *л* обязанъ формамъ, въ которыхъ онъ является органическимъ: розмовлять, сплять, роблять—Холмск.

г) *Н* послѣ *м* для избѣжанія непосредственнаго сочетанія послѣдняго съ мягкимъ гласнымъ; онъ играетъ въ данномъ положеніи такую же роль, какъ *л:* мнесо—Волковяны; мняты—Тарногродъ, Вишница; мня, мни—Вишница и т. д. Видѣть въ этомъ *н* остатокъ отъ древняго юса мѣшаетъ какъ занимаемое имъ мѣсто, такъ и то, что онъ можетъ быть въ формахъ, въ которыхъ юса и не было, напр. мни (срв. съ ми, мы), хотя, впрочемъ, возможно допустить, что въ *мни н* имѣетъ такое же оправданіе, какъ и въ великорусскомъ мнѣ изъ мьнѣ.

III. Выпадаютъ согласные:

а) *В* въ словѣ пэршый во всѣхъ его формахъ и во всѣхъ говорахъ: виттячко (изъ *вѣтвиєчько) обэртаеться, обэрнувся и т. д.—Холмск., частують—Тератинъ и др.; хуростъ, хурусту (и хвурусту)—Переспа (срв. польск. chróst). Выпаденію подлежитъ также и *в* вторичное, образовавшееся изъ *л* и стоящее передъ согласнымъ: Хомъ изъ Ховмъ—Павлово и др.; жумиръ изъ жув-

ниръ—Корниц. и мн. др.; сонычко, сонцэ, ябко—Тарногродъ, Верешинъ и др. Нѣкоторые случаи этого выпаденія отмѣчены въ памятникахъ XVI—XVII вв. (срв. мои Очерки, 59), другіе же, какъ обэрнэться и под., восходятъ ко времени древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ.

б) *Т* въ группѣ *стн*, *стл:* шкло—скло, шкляный, скляный, свыснуты, жалосно, голосно, розослаты, щаслывый—Павлово, ненаисный—Шлятинъ, хросны—Любень, похрэсныкъ—Телятинъ. Этотъ случай выпаденія—также довольно древній.

в) *Д* въ словахъ: сэрцэ, низнэнько, спизнытыся—Тератинъ и др., сёмый и т. д.

г) Звукъ *г* въ словѣ Богъ въ сложеніи его съ предлогомъ про (поль.-чеш. przę) и повелительнымъ наклоненіемъ глаголовъ: спасыби, помагайби, про-би (польск. prze Bóg), далэби; въ началѣ словъ *г* выпадаетъ въ словѣ рэчка = грэчка—Тарногродъ, Рыгорко—Труды Чуб. III. 209) и въ нарѣчіи дэ изъ гдэ; послѣднее въ старину имѣло начертаніе также черезъ *к* передъ *д:* кде; это обстоятельство, а также выпаденіе *г* въ словѣ ля (изъ для—гля, при *г* = лат. *g*) свидѣтельствуетъ о томъ, что выпадать можетъ не только *г* = лат. *h*, но и *г* = лат. *g*, а потому формы въ родѣ—спударъ, бласлови, бата вм. батога сами по себѣ ничего не говорятъ о качествѣ звука *г;* длительный и мгновенный *г* въ одинаковой степени могутъ подлежать выпаденію.

д) Слово наетъ (= наветъ изъ польск. nawet) представляетъ единственный случай выпаденія *в* между гласными.

е) *Й* выпадаетъ въ словахъ: липи—Депултычи, Зимно и др., дали—Полоски, венцы—Павлово (польск. więcej) вообще, въ сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій, но здѣсь это явленіе имѣетъ характеръ спорадическаго, не обнимающаго всѣхъ случаевъ; систематическое выпаденіе *й* видимъ лишь въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ прилагательныя въ им. пад. ед. ч. муж. р. оканчиваются на *ы*, *и* вмѣсто *ый*, *ій;* таковы говоры:

Корницкій, Бѣлгорайскій, Вишницкій, Заболоцкій, Россошскій, Бищскій, Горно-Потоцкій и мн. др. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр., въ Михайловинѣ, употребляются оба окончанія—*ый* и *ы*, *ій* и *и*.

ж) *Ѣ* выпадаетъ въ группѣ сочетаній типа *трѣт:* кстыты, кстыны—Бища, хстыты—Тырноватка, кстыны—Тарногродъ и др.

з) Какъ особенность здѣшнихъ говоровъ, свойственную имъ вмѣстѣ со всѣми вообще южнорусскими говорами, слѣдуетъ отмѣтить сохраненіе группы *гн* въ случаяхъ, когда въ великорусскомъ *г* выбрасывается: тягну, стогну, одягну и под.

IV. Въ формахъ: спударъ, сподаръ—Волковяны, Тарногродъ и др., бата вм. батога—Орхотка, Дорогускъ, най вм. нэхай ib. видимъ выпаденіе цѣлаго слога.

IV. МОРФОЛОГІЯ.

Склоненіе существительныхъ.

Мужскія основы на *о*—ў и среднія на *о*.

Въ именит. падежѣ, кромѣ обычнаго для другихъ русскихъ говоровъ окончанія на согласный (+ употребляемаго на письмѣ *ъ* въ муж. р.) находимъ цѣлый рядъ существительныхъ съ окончаніемъ *о:* Мыхасивъ татусэйко—Тарногродъ, самъ господонько—Потуржинъ, Хвэдько, Хвэтько—Слипче, Джурыло—Холмск., святый Петро—Грубешовъ, наихавъ Пэтро, молодый Пэтро—Холмск., панойко—Горбовъ, нашъ Шымбирко, ихавъ Ивашко—Бѣльск., на пэршый посажэнько—Потуржинъ, батэнько ib., молодый Ивашко—Грубеш., Гилько—Тератинъ, Даныло ib., слидочко—Скордіевъ. Въ мягкомъ различіи вмѣсто *о* находимъ *ё:* иде Гнатунё до дивкы—Руда, поихалъ Ясюнё—Павлово, дэ ся узивъ Иваньцё, хвалывся Иваньцё, ляжэ молодый Мыхасё—Любень, Янтосё ib. Изъ приведен-

ныхъ примѣровъ видно, что окончаніе *о* принимаютъ не только такъ называемыя собственныя имена, но и нарицательныя, и что всѣ они—рода мужескаго; употребленіе ихъ въ среднемъ родѣ намъ удалось отмѣтить только въ двухъ примѣрахъ: на всё вичэнько—Грубеш., и въ сам*ои* полуднэйку (срв. як*ои* риздво, таки Вэлыкдэнь) —Тышинъ. По своей флексіи такія существительныя представляютъ форму именительнаго падежа, а по значенію = великорусскимъ уменьшительнымъ съ суфф. *ен—ек*, *еч—ек:* батэнько или батэйко = батенька, слидочко = слѣдочекъ, посажэйко = *посаженекъ. Въ предѣлахъ распространенія нашихъ говоровъ такія формы уже довольно часто встрѣчаются въ XV—XVI вв. въ латинскихъ актахъ: Iwasthko, Wasko A. X. 1. 2, Hryczko ib. 6. 7, Jaczko ib. 16. 19, Vanko, Chphyethko ib. 22, Steczko ib. 38, Hawrilo ib. 72 и т. д. Что такія слова не были и въ старину средняго рода, ясно изъ того, что мягкія флексіи тѣхъ и другихъ не одинаковы въ им. п. ед. ч.: въ то время какъ существительныя средняго рода представляютъ флексію въ видѣ *е—и* (въ рѣдкихъ случаяхъ—*я*) существительныя разсматриваемой категоріи всегда имѣютъ только *ё*—очевидно подъ вліяніемъ твердыхъ окончаній. Нѣтъ однако основаній и для утвержденія, что формы въ родѣ Ясюлё, Гнатунё не могутъ быть возводимы къ первообразамъ въ родѣ *Ясюліе, *Гнатуніе (срв. въ памятникахъ XVI — XVII вв.: Григоріе, Афанасіе, Василіе, Николае, Антоніе—мои Очерки по ист. рус. нар. 64); отличіе ихъ флексіи въ им. п. ед. ч. отъ флексій существительныхъ средняго рода объясняется какъ вліяніемъ твердыхъ основъ, котораго не было въ существительныхъ средняго рода, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что конечное *іе* въ тѣхъ и другихъ существительныхъ—не одинаковаго происхожденія, а потому должно было имѣть и неодинаковую судьбу. Въ виду указанныхъ соображеній и существованія въ говорахъ формъ Ясюнё и под., намъ кажется, нѣтъ необходимости считать заносными, инославянскими формами приведен-

ныя выше Антоніе, Григоріе, находимые въ южнорусскихъ памятникахъ; онѣ могли существовать и въ живой рѣчи. Въ исторіи образованія такихъ формъ слѣдуетъ отмѣтить находимыя и въ латинскихъ актахъ написанія, лишенныя флексивнаго гласнаго: Hricz A. X. 113, Dmithr ib. 133, 153, Sidor ib. 253, Wasil ib. 358. Такой пріемъ образованія собственныхъ именъ представлялъ однако то неудобство, что при немъ въ концѣ словъ иногда получалась весьма сложная, неудобная для выговора группа согласныхъ, напр., Дмитръ, Карлъ, Павлъ. Въ такихъ случаяхъ благозвучіе требовало вставочнаго гласнаго, какимъ по общему правилу и могли явиться лишь звуки *о* и *е* въ зависимости отъ качества предшествующаго согласнаго; вопросъ сводился лишь къ тому, какое мѣсто долженъ былъ занять гласный: въ срединѣ слова или въ концѣ его. Какъ древніе памятники, такъ и данныя теперешняго состоянія южнорусскихъ говоровъ свидѣтельствуютъ, что гласный могъ быть помѣщаемъ въ срединѣ слова: Марокъ мы находимъ въ Огородкѣ Радивиловскаго; въ настоящее время намъ встрѣтились формы: Паволъ, Каролъ (Орховка). Но и въ такой формѣ приведенныя слова, очевидно, не привились къ организму живой рѣчи, вслѣдствіе чего мы находимъ лишь весьма немного примѣровъ такого рода огласовки; вполнѣ въ духѣ языка оказалась постановка гласнаго послѣ группы согласныхъ, въ концѣ слова: Каролъ, Паволъ, Марокъ перешли въ Павло, Карло, Марко, срв. также Луцоскъ при Луцко и под. (Карскій, О языкѣ т. наз. литов. лѣтописей, 25). По образцу собственныхъ именъ начали въ такомъ духѣ образовываться и нарицательныя.

О смѣшеніи въ данномъ случаѣ именительнаго и звательнаго падежей не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ оба падежа имѣли и въ настоящее время имѣютъ совершенно отличныя флексіи, и южнорусскіе говоры унаслѣдовали отъ старины органическія формы зват. падежа.

Существительныя средняго рода въ имен. п. въ твердомъ различіи представляютъ обычное *о*: сэло, викно,

гоко. Въ мягкомъ различіи находимъ въ большинствѣ говоровъ *е:* зиле, камине, висиле—Горный Потокъ, зиле, камине, курине, вэсилé, вчэпе, тýвчэне, мулчáне—Замхъ и др. Нерѣдко является здѣсь *и:* учэни — Горный-Потокъ, каміні, куріні, пузвуліні (но висиліé)—Переспа, зиле, камини, курини при вчэпе, мовчане—Потуржинъ. *И* въ существительныхъ этой категоріи находимъ также въ Телятинѣ, Зимнѣ, Сагрыни и изрѣдка въ Дубенкѣ. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же явленіемъ, которое извѣстно и галицкимъ говорамъ (Ogonowski, Studien auf dem Gebiete и т. д. 37). Встрѣчаемъ въ этомъ падежѣ флексію и въ видѣ *я:* вэсэля́—Бѣлгорай, куриня, зиля, каминя, вчыня, товчыня, вэсиля—Тарногродъ, зиля, каминя, кориня, висиля́—Бища; *я* находимъ и въ Тырноваткѣ, Верешинѣ, Михайловинѣ и Скордіевѣ; но здѣсь оно не господствуетъ исключительно, а употребляется рядомъ съ *е*. Формы: віттячко — Полоски (Труды Чубинскаго IV, 150), весіллячко—Кульчинъ (ib. 170), сваття ib. 171 (но вэсіллечко, гуляннечко — Хорошанка ib. 220), зілля ib. 228 при вилле ib. 339 свидѣтельствуютъ, что *я* встрѣчается спорадически, хотя и изрѣдка, и въ другихъ говорахъ. Утвержденію его въ формахъ этихъ существительныхъ помѣшало рано начавшееся перегласованіе *я* въ *е;* по этой причинѣ въ памятникахъ гал.-вол. области *я* вмѣсто *е* въ этомъ положеніи встрѣчается лишь изрѣдка (Соболевскій, Очерки изъ исторіи русскаго языка, 84).

Родительный падежъ представляетъ обычныя окончанія: *а* или *у*, не отдавая предпочтенія ни одному изъ нихъ: хлиба, масла, снигу, дожчу, мэду, морозу, борошна. Нарѣчія, образованныя отъ род. пад. прилагательныхъ,—также могутъ имѣть оба окончанія: зтыха, змала—Дорогускъ, знову; зновэнькай—Волковяны, Гнишевъ.

Въ дат. падежѣ древнее *ови* органически дало *овы*, употребляемое въ большинствѣ говоровъ: мишковы, писковы, лёховы—Орховка. Это окончаніе, заимствованное отъ основъ на ў, не вытѣснило окончательно и *у:* мишку, писку ib.

Взаимодѣйствіе между дательнымъ и мѣстнымъ падежемъ было причиной того, что въ дательномъ вмѣсто *овы* явилось *ови:* дидови, грихови—Буссовна и др.

Винительный падежъ представляетъ флексію имен. или родительнаго. Особенность здѣшнихъ говоровъ представляетъ совпаденіе этого падежа съ родительнымъ и у предметовъ неодушевленныхъ; короваю дбаты—Павлово, явора рубаты—Теребинъ, дивча руда и погана мини воза поламала—Городло.

Звательный падежъ или сохраняетъ древнее окончаніе—въ твердомъ различіи *е* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго, а въ мягкомъ *ю,* или же подъ вліяніемъ мягкихъ основъ и въ твердыхъ появляется *у:* дурны Гэрасимэ, не сиди, Ясю, бокомъ, ой выдай, братику, поклонися, Ясюлю—Корница; добрый ти вэчоръ, панэ сподарэ—Потуржинъ, розлучы, Божэ, нэ крыйся панэ—Горбовъ, ой мисяцю, мисячэньку, козачэньку—Теребинъ; панэ братэ, товарышу—Холмск. и т. д. Намъ извѣстны 4 случая совпаденія звательнаго падежа по формѣ съ именительнымъ: убирайся си, Ивашко—Потуржинъ, А Богъ, помагай Богъ, яворовы людэ—Пищацъ; Куцубай, Куцубай, хотьмо по горишки—Тарногродъ; отворы, Божэйко, ворота—Шлятинъ. Объ этомъ же совпаденіи говорятъ формы: спасыби, помагайби, далэби, въ которыхъ би изъ биг—форма во всякомъ случаѣ не звательнаго падежа. Насколько древне приведенное явленіе, мы не можемъ сказать съ достовѣрностью по недостатку точныхъ историческихъ данныхъ. Мы можемъ только замѣтить, что ставить наравнѣ данныя сѣверныхъ и южныхъ памятниковъ нѣтъ основанія, потому-что судьба зват. падежа была неодинакова на сѣверѣ и югѣ Руси. Въ памятникахъ Кіевской Руси изрѣдка встрѣчаются примѣры совпаденія зват. и имен. пад. (Соболевскій, Лекціи [2]. 174).

Въ нашихъ говорахъ въ разговорной рѣчи звательный падежъ никогда не смѣшивается съ именительнымъ, и только въ пѣсняхъ подъ вліяніемъ напѣва и размѣра, намъ попался одинъ примѣръ употребленія зват. п. въ

роли именительнаго: гу—гу—гу, а чэрвоный рачэ по прыпичку скачэ—Грубешовъ.

Творительный падежъ представляетъ правильную замѣну древнихъ *ъмъ* и *ьмъ* съ обычнымъ отвердѣніемъ конечнаго глухого; въ мягкомъ различіи древній *ь* весьма часто является въ видѣ *ё:* короваёмъ, госьцинцёмъ, сонцёмъ, оконцёмъ—Корница, нэзомъ, хмэзомъ, кругомъ, бигомъ—Скордіевъ и др.

Мѣстный падежъ или представляетъ замѣну древняго *ѣ* со смягченіемъ согласнаго и подравненіе формъ мягкаго склоненія къ формамъ твердаго, или же имѣетъ флексіи дательнаго: *у* и *овы—ови:* на рогу—Пищацъ, на морози—Грубешовъ, у лиси—Холмск., въ раю, на дубу, на дубочку, пу городи, въ мишку, въ оришку—Тарногродъ, на пысочку, на мотызочку, у млыни—Тыпинъ, на тымъ свиты—Руда; въ мышкови, на мутузочкови, на пысочкови—Степанковице. Нѣтъ сомнѣнія, что основы на *ў* оказали вліяніе на основы на *о,* поэтому нѣтъ никакого основанія отожествлять всякое *у* мѣстнаго падежа съ *у* пад. дательнаго; въ такихъ формахъ, какъ на мэду—*у* является органическимъ; о совпаденіи флексіи этихъ двухъ падежей мы можемъ говорить только въ томъ случаѣ, когда она является въ видѣ *овы—ови.*

Такому совпаденію могло способствовать тожество флексіи этихъ падежей въ женскихъ основахъ на *а—я, й.* Въ XVI—XVII вв. въ памятникахъ Кіевской и Черниговской области это совпаденіе имѣетъ характеръ явленія, вполнѣ установившагося (срв. мои Очерки по ист. рус. нар. 67—68).

Такія формы, какъ пры купцы, на вуконьцы—Руда, на сэрцы, на моры—Павлово представляютъ органическое наслѣдство старины и развились безъ всякаго вліянія твердыхъ основъ.

Множественное число. Въ именительномъ падежѣ твердыхъ основъ встрѣчаемъ флексію *овэ:* дружбовэ, столовэ—Тарногродъ, сватоньковы—Депултычи, кумовы—Руда, сватковэ, сандаровы—Грубешовъ. Всѣ приведенные

примѣры составляютъ достояніе пѣсенъ, несвойственное живой разговорной рѣчи, въ которой число формъ на *овэ* весьма незначительно и ограничивается извѣстнымъ кругомъ словъ: пановэ, людковэ—Слипче, Копыловъ; кумовэ, охвицэровэ—Бѣлгорай. Въ нѣкоторыхъ говорахъ это окончаніе вовсе не встрѣчается въ своихъ словахъ и извѣстно лишь въ словахъ, заимствованныхъ съ польскаго (Ганна), на что указываетъ и удареніе ихъ: кумо́вэ, пано́вэ=Шлятинъ [1]).

Еще рѣже встрѣчается въ им. пад. мн. ч. флексія *а* въ существительныхъ муж. р.: лиса́, дэ́бра (въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Ксенжикомъ въ Турковицахъ и Жерникахъ); эти же существительныя отмѣчены въ вин. пад. и въ пѣснѣ изъ дер. Подгорцы; съ ними срв. подольскія: Алежъ піду за такого, що сіються вуса; а всі жъ бо города обшуставъ—Труды Чубинскаго IV. 481. 549. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, *а* въ этомъ падежѣ можетъ быть и безударнымъ, чего нѣтъ въ великорусскомъ.

Самымъ распространеннымъ окончаніемъ въ этомъ падежѣ является *ы* для твердыхъ основъ, а для мягкихъ —звуки, замѣнившіе древній *ѣ*: хлопци, жэньци, кутасы, папиры, кавалиры, браты, гостэйкы—Тарногродъ; сьвисты, жіарты, огніе, вороблiе и т. д.—Корница. Въ окончаніи этого падежа, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, видимъ взаимодѣйствіе мягкихъ и твердыхъ основъ: колачы—Тарногродъ, госты—Руда, дожчы, голубы—Тарн. Руда; молодце, паныче, гогурце—Любень; кузакі, збыткі—Переспа.

Вмѣсто *ы* изъ *и* въ твердыхъ основахъ можетъ являться и *э*: сынэ, козакэ, пусэ, хвустэ, вулэ—Волковяны; такія формы спорадически встрѣчаются и въ Гнише-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ говорахъ такія формы играютъ роль и им. падежа ед. ч. (Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ XXI). Ясно, что народному сознанію онѣ представляются застывшимъ архаизмомъ.

вѣ, Скордіевѣ и Михайловинѣ; въ нихъ *э* иного происхожденія, чѣмъ *е* въ словахъ: паныче, молодце.

Весьма немногія слова представляютъ флексію *я* въ именахъ, имѣющихъ или могущихъ имѣть и другія флексіи: братя—Руда, сваття—буяры—Бѣльск. Это *я* въ *братя* срв. съ *я* въ формѣ братия, находимомъ напр. въ Сборникѣ Свят. 1076 г., въ сваття—оно, повидимому, происходитъ изъ *иѥ*, хотя можетъ быть разсматриваемо и какъ образованіе по аналогіи.

Основы средняго рода принимаютъ обыкновенныя флексіи *а* или *я:* вукна, сэла, поля, яйця; встрѣчаемъ здѣсь и перегласованіе *я:* прыйшлы внучкы до бабци по чырвоныи яйци—Павлово.

Встрѣчающееся въ великорусскомъ (Колосовъ, Обзоръ 215) и бѣлорусскихъ (Карскій, Обзоръ 109) *ы* въ нашихъ говорахъ встрѣтилось мнѣ всего одинъ разъ въ пѣснѣ: А лавки дригають, а окни моргають (Труды Чубинскаго, IV. 221).

Род. пад. представляетъ правильныя замѣны древняго склоненія основъ на ŭ: мужыкувъ, узлувъ, сынувъ —Вишница; узливъ, хлопивъ—Копыловъ, слюсаруовъ, тхоруовъ—Корница. Эта флексія распространена и на имена средняго рода: яблукивъ (при им. яблуку)—Потуржинъ. Обыкновенно же существительныя ср. р. представляютъ чистую основу, иногда распространенную вставкой гласнаго: яець—Павлово, сюолъ—Корница, вуконъ —Потуржинъ; здѣсь же зъ симохъ пиль = др. поль.

Въ дат. падежѣ твердаго различія господствуетъ *амъ*, а въ мягкомъ—въ большинствѣ говоровъ—*юмъ, емъ, ёмъ,* а также *имъ:* конюмъ, конимъ, конёмъ—Жещинка; есть и *омъ:* паномъ охвицэромъ—Бѣлгорай, диломъ—Шлятинъ, Депултычи; *омъ* встрѣчается и въ Монятычахъ, Зимнѣ. Окончаніе *ямъ* въ мягкомъ различіи также извѣстно во всѣхъ говорахъ.

Винительный пад. = именительному. Какъ извѣстно, совпаденіе флексіи этихъ двухъ падежей относится къ раннему времени (срв. Соболевскій, Лекціи [2]. 177);

но факты показываютъ, что еще въ XVI—XVII вв. процессъ „смѣшенія“ этихъ падежей не закончился (мои Очерки по ист. рус. нар. 68).

Въ твор. падежѣ изрѣдка въ пѣсняхъ находимъ старинное окончаніе—*ы:* Пэтро зъ апостолы сыдятъ по-за столы—Свирщовъ, у славного тестенька стоіть зятенько передъ вороты—Кульчинъ (Труды Чуб. IV. 326).

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ находимъ здѣсь флексію женскихъ основъ на *а—я:* вуламы—Буссовна, рублемы, столамы—Долгобычевъ, вуламы, бычамы, шнуркамы, кунямы—Замхъ и т. д.

Иногда встрѣчается флексія жен. основъ на *ь*—: кіньмы—Долгобычевъ, куньмы—Депултычи, гришмы—Дорогускъ.

Въ предложномъ падежѣ самое распространенное окончаніе *ахъ—яхъ*, извѣстное всѣмъ говорамъ; но, кромѣ него, существуетъ и *ихъ* = древ. *ѣхъ*, и *ёхъ*, зашедшее сюда отъ основъ на *ь:* конихъ, гусихъ—Телятинъ, копёхъ—Депултычи, въ вуротцёхъ—Тыпинъ по образцу синёхъ—Скордіевъ; ёхъ встрѣчается и въ Заболотьѣ, Ганнѣ и др. говорахъ; срв. о дарех, животехъ, у трупехъ, у портехъ (Карскій, О языкѣ такъ наз. литов. лѣтописей, 37). Изрѣдка находимъ и *юхъ:* по руызьныхъ містюхъ, на дыкыхъ конюхъ—Полоски.

Собиратели свѣдѣній говорятъ, что въ предложномъ падежѣ есть и окончаніе *охъ* (напр., въ Безекѣ, Россоши), но не приводятъ ни одного примѣра.

Такимъ образомъ, изъ обзора окончаній этого склоненія видно, что въ настоящемъ своемъ состояніи они представляютъ смѣшеніе флексій нѣсколькихъ основъ: на *о* (ă), *ŭ*, *а—я* и *ь* (*й*). Количество и разнообразіе падежныхъ флексій измѣнилось вслѣдствіе дѣйствія аналогіи.

Женскія основы на *а—я*.

Женскія основы на *а—я* менѣе другихъ подверглись измѣненію подъ вліяніемъ другихъ основъ и пред-

ставляютъ формы, органически развившіяся изъ древнихъ; древній *ѣ* во флексіяхъ этого склоненія оставилъ свои правильныя замѣны; смягченіе согласныхъ сохранилось въ древнемъ видѣ; дѣйствіе аналогіи, кромѣ немногихъ случаевъ, ограничивается предѣлами этихъ основъ.

Къ числу немногихъ случаевъ заимствованія чужихъ окончаній относятся формы род. пад. мн. ч., твор. п. ед. ч., образованныя по образцу мужскихъ основъ *о*—ў. Склоненіе это представляетъ слѣдующія формы:

Именительный падежъ унаслѣдовалъ отъ древности *а*—*я*, которое послѣ шипящихъ является въ видѣ *а*: сьвича, рука, нога, воля, доля.

Въ род. падежѣ твердое различіе имѣетъ *ы* (или замѣну послѣдняго *э*), а мягкое—замѣны *ѣ*: рукы, ногы (руки, ноги—въ говорахъ, не знающихъ смѣшенія *ы* и *и*), вудэ, нугэ—Руда, воли, доли, воліе, доліе.

Въ дательно-мѣстномъ, неизмѣнно сохраняющемъ смягченіе согласнаго, возобладало окончаніе твердаго различія, но не повсемѣстно; такія формы, какъ: рыбоньцы, въ вудоньцы, сырутоньцы, на стуруноньцы—Руда, по моюй головоньцы, по моюй русуй косоньцы—Павлово, на стысцы—Буссовна, на ричцы, на пиццы—Заболотье, Ганна и др., конечно, должны быть возводимы къ мягкому различію; формы же: ричци, на ричци и т. п.—Заболотье, Ганна, и др., образовались по твердому различію.

Винительный падежъ особенностей не представляетъ.

Въ звательномъ падежѣ въ твердомъ различіи находимъ *о*, въ мягкомъ *ю*: чого шь, дивчыно, смутна; кумуню, любуню, цы ни ваша ласка—Тарногродъ; сусидо, сусидо, трэмай свого сэна—Руда; напыймы си, кумцю, напыймыси, любцю, напыймыси, кумундзюню, сывая голубцю—Тыпинъ.

Есть нѣсколько случаевъ, когда зват. падежъ въ твердомъ различіи принимаетъ *у* вмѣсто *о*: ой жинку, жинку, нэ робы злосты—Теребинъ; дивку, нэ лякайся; косу моя, косу, дивоча роскошу; дивчыно, дивчыноньку іb.

Это *у*, конечно, могло явиться по образцу *ю* мягкаго различія, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что оно употребляется въ говорѣ, сильно укающемъ (мѣняющемъ безударное *о* въ слогахъ открытыхъ на *у*); очень возможно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ фонетическаго характера.

Есть нѣсколько примѣровъ употребленія зват. падежа въ формѣ именительнаго: закуй, зозуля—Теребинъ, ты, Ганзоля, ты Ганзоля, ны будь така, сыдь жэ сы, душа, въ раю—Тарногродъ; нашъ мисець, рожэйку, сьвиты намъ дорожэйку—Тыпинъ; дай, хазяйка, вэчэраты—Дубенка.

Намъ извѣстны два примѣра употребленія зват. падежа въ роли именительнаго: молодая Марысю вылазы з-за стола; молодая Марысю пэрэйшла чэрэзъ сины—Савино.

Въ двухъ примѣрахъ: госпось, цо вы гутуетэ? ладнысьтэ, госпось, за то—Тарногродъ, машъ Марысь госты—Безекъ, зват. падежъ совершенно не имѣетъ падежной флексіи.

Творительный падежъ представляетъ нѣсколько особенностей: а) онъ въ нѣкоторыхъ говорахъ принимаетъ муж. флексію *омъ*, *емъ:* дорогомъ, рукомъ, ногомъ, госпосемъ—Тарногродъ, какъ въ сербскомъ; б) образуетъ нѣкоторыя твердыя основы по образцу мягкихъ: коморею, горею—Корница, боронэю—Павлово; в) древнее окончаніе *ою* можетъ являться въ видѣ *оу—ов:* дниновъ—Городло (форма эта читается въ стихотвореніи, очевидно, не народнаго происхожденія, сообщенномъ А. Сломинскимъ изъ Городла). Изрѣдка такія формы попадаются и въ Тарногродѣ.

Въ говорахъ другихъ мѣстностей въ твор. падежѣ находимъ обычное *ою*, *ею*, *ой*, *ей*.

Во множественномъ числѣ особенности представляютъ имен. винительный падежъ и родительный. Въ первомъ въ основахъ на гортанные находимъ *э:* жиночкэ—

Скордіевъ, дочкэ, ручкэ—Гнишевъ [1]). Объясняется это *э* такъ же, какъ и въ мужскихъ основахъ.

Родительный падежъ въ немногихъ существительныхъ образованъ посредствомъ мужской флексіи *ов:* бородивъ, бороздивъ—Тарногродъ, коровивъ — Верешинъ, бороздивъ—Грабовецъ, бородовъ, бороздовъ—Гнишевъ, копивъ—Городло.

Остальные падежи особенностей не представляютъ и передали свою флексію и другимъ основамъ.

Основы на ь (й). Въ основахъ на *ь*, число которыхъ значительно сократилось вслѣдствіе перехода ихъ, иногда съ перемѣной рода, въ разрядъ мягкихъ основъ на *о́*, находимъ слѣдующія особенности: а) зват. падежъ един. ч. въ одномъ существительномъ принимаетъ флексію *у:* дивочая роскошу—Теребинъ. Это *у* произошло изъ *о* и заимствовано отъ женскихъ основъ на *а—я;* б) отъ этихъ же основъ иногда заимствуетъ окончаніе и твор. пад. ед. числа: почую, жовчую—Пересна, костэю, жовчэю—Депултычи, солёю—Дорогускъ. Это заимствованное окончаніе не вытѣснило древней флексіи: ничю, помощу, косцю. Удвоенія согласнаго въ замѣнъ исчезнувшаго *и—ь* не находимъ.

Въ остальныхъ падежахъ это склоненіе слѣдуетъ древнимъ образцамъ. Падежи, оканчивающіеся на *и*, представляютъ правильныя замѣны этого звука. Родит. падежъ мн. ч. въ большинствѣ говоровъ оканчивается на *ый* = сц. *ии:* вушый, грошый—Тарногродъ; гостый, коный, людый—Павлово; есть, конечно, въ этомъ падежѣ и *эй:* сэмэро дитэй—Холмск. Древнія флексіи *ьмъ, ьми, ьхъ* не только сохранились въ видѣ *ёмъ, 'ми, ёхъ* (послѣ *р—охъ*), но и распространили свое вліяніе на разрядъ основъ на *о:* въ двэрохъ—Скордіевъ, двэромъ ib., сыножатёмъ, сыножатёхъ—Любень, киньми, гришмы—Волков. и др.

Основы на согласные сохранились дурно; большая часть ихъ образовала именит. и другіе падежи един. и

---

[1]) Въ Любени: руке, дочке, ноге; это *е* произошло изъ *и*.

мн. ч. по образцу другихъ основъ. Безъ измѣненія остался лишь именит. п. ед. ч. въ словѣ *маты* и основахъ на ѧт: тэля, гуся, порося, кобэля, хотя нѣкоторыя изъ принадлежащихъ сюда основъ внесли суффиксъ косвенныхъ падежей и въ именительный: козэня, жыдэня. По образцу козэнята образовались: дытэнята, очэпята, ручэпята, пожэнята—Городло.

Древнія основы на *ѣв* большею частью перешли въ разрядъ основъ на *а:* цэрква, морква, буква; но въ нѣкоторыхъ говорахъ роль именительнаго принялъ на себя винительный, потерявъ, по общему правилу, мягкость согласнаго: цэрковъ, морковъ—Тарпогродъ.

Основы на ѧ—*ен* и *ы*—*ен* также внесли посовой суфф. въ имен. пад. и перешли въ разрядъ мужскихъ основъ на *ъ* и *о*, причемъ въ косвенныхъ всегда удерживается суфф. гласный; корэнь—корэня, камэнь—камэня.

Въ род. пад. ед. ч. древняя флексія не сохранилась ни въ одной изъ основъ; окончаніе въ этомъ падежѣ является такое, какое опредѣляется формой имен. падежа. Слова: *маты* и *дытя* имѣютъ въ род. падежѣ: дытэтя Бѣльск. и матэра—Гнишевъ, Корница и др. (хотя есть и матэры и даже, въ пѣсняхъ, маты: маты въ дома нэмае).

Двойственное число сохранилось въ весьма скудныхъ остаткахъ въ пад. им. зват. вин. и дат. твор. Имен. зват. винительный употребляется въ формѣ древняго двойственнаго не самостоятельно, а лишь послѣ числительныхъ: дви жиньци—Теребинъ, дви копійци—Почекайка, тры дурози—Замхъ, тры дэрэви, чтыры халупи—Шлятинъ, три сели—Корница, тры лити—Холмск., дви парци—Орховка, тры бидоньци—Безекъ, Орховка.

Въ дат. творительномъ окончаніе *ма* сохранилось въ тѣхъ словахъ, которыя знаютъ его и въ другихъ южнорусскихъ говорахъ: очыма, плэчыма—Ярославецъ, плычыма, вочыма—Потуржинъ, Шлятинъ, очыма, плэчыма, двэрыма—Россошъ и т. д. По образцу этихъ остатковъ старины явились: пэрстэньцэма—Скордіевъ, купцэма—

Волковяны, костыма—Буссовна, пицьма—Скордіевъ, Дорогускъ.

Потребности въ языкѣ въ формахъ двойств. ч. не чувствуется; эти формы употребляются въ качествѣ окаменѣлостей, во всѣхъ случаяхъ замѣняемыхъ посредствомъ формъ множ. числа.

Къ какому времени въ нашихъ говорахъ относится такое состояніе формъ двойств. ч., въ какомъ онѣ находятся теперь, мы не можемъ сказать. Можно только сказать, что въ XVI—XVII вв. въ южнорусскихъ памятникахъ формы двойств. числа составляютъ также рѣдкость; несогласованіе въ родѣ числительныхъ съ существительными показываетъ, что грамматическая роль такихъ словъ, какъ *имень, словъ*, не всегда была ясна для писателей.

Прилагательныя, мѣстоименія и числительныя.

1. Прилагательныя удержали членныя флексіи. Именныя сохранились лишь въ немногихъ падежахъ. Кромѣ именительнаго и винительнаго женск. и ср. рода ед. ч., мы можемъ привести слѣдующіе примѣры употребленія именныхъ флексій: коню, вроню (въ пѣснѣ)—Орховка, добромъ словомъ - Дорогускъ и Орх., по вэлыци дьни—Любень. Въ женскомъ родѣ: до другы дивчыны—Дубенка, з новы свитлонькы Савино; таки тёти—дат. ед.—Орховка, въ подэрти сорочци (изъ пѣсенъ, собранныхъ г. Ксенжикомъ), по ты води (= по ти води) — Скордіевъ, зоронько яснэнько—Орховка.

2. Прилагательныя притяжательныя могуть имѣть иногда по двѣ флексіи: на поповый ланъ шэрокый; ой тамъ пасэ попивъ сынъ. Прилагательныя этой категоріи, въ которыхъ въ великорусскомъ окончанію предшествуетъ ъ, въ нашихъ говорахъ допускаютъ непосредственное сочетаніе гласнаго съ согласнымъ: Божая маты, вовчая шэрсьць, дивочая краса—Дорогускъ и др. Божою, заячою—Струпинъ и др.

3. Въ имен. пад ед. ч. прилагательныхъ муж. рода находимъ *эй* вм. *ый:* дурнэй, рабэй—Волковяны, чужэй, старэй, новэй или нувэй—Руда. Въ Любепскомъ говорѣ вмѣсто *эй* является *ей:* такей, такехъ, такеми, какъ руке, ноге. Въ обоихъ случаяхъ звукъ *е* явился чисто фонетическимъ путемъ.

4. Между прилагательными и родовыми мѣстоименіями установилось взаимодѣйствіе, послужившее причиной того, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ появляются формы прилагательныхъ въ род. п. ед. ч. муж. и ср. р. на *ого* и *его:* дѣтьского, лучьшего (Соболевскій, Лекціи [2]. 136), а въ дат. пад. *ому* и *ему* читаются уже въ Сборникѣ Святослава 1076 г. Эти древнія общерусскія формы свойственны и южнорусскимъ говорамъ и отмѣчены въ его памятникахъ, при чемъ, конечно, нѣтъ никакой необходимости считать полонизмами такія формы, какъ ближнего, дальнего, находимыя въ южнорусскихъ памятникахъ XVI—XVII вв. [1]). Нѣтъ никакой надобности видѣть въ такихъ формахъ и перегласованіе.

5. Вліяніе прилагательныхъ на родовыя мѣстоименія сказалось въ томъ, что послѣднія образовали нѣкоторыя формы по образцу формъ именъ прилагательныхъ. Къ такимъ формамъ относятся: нашая, вашая, вашую, нашую, вашои, нашои (повсемѣстно); той, тая, тое (въ мѣстностяхъ, гдѣ это мѣстоименіе не перешло въ тонъ), всёе—Орховка, всюю, всяя (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вмѣсто вэсь употребляютъ всэнь, всэнькый), всёмъ маёпткомъ, подъ томъ дубомъ—Орховка, какъ добромъ сло-

---

[1]) Такъ объясняются формы на *его* у Радивиловскаго въ кн. г. Марковскаго (Антоній Радивиловскій, 167). Авторъ, по всей вѣроятности, забылъ, что сходство юж.-рус. *его* съ польскимъ *ego* или *jego* – чисто графическое: въ южно-рус.—*ё*, а въ польскомъ всегда *е*, въ южно-рус. *г* = *h*, а въ польскомъ всегда *g;* наконецъ, и конечное *о* въ укающихъ говорахъ не имѣетъ ничего общаго съ польскимъ открытымъ *о*.

вомъ ib. Такимъ же путемъ образовались формы: мого, мому, твого, твому, свого, свому, свои, твои, мои, какъ вашои, нашои; эти формы извѣстны уже съ XVI—XVII вв. и въ настоящее время весьма распространены въ нашихъ говорахъ, какъ и въ другихъ южнорусскихъ. Формами позднѣйшими, также образованными подъ вліяніемъ прилагательныхъ, слѣдуетъ считать тви вм. твои—Городло, свымъ—Гнишевъ и др.

6. Формы мягкаго различія оказали вліяніе на образованіе формъ твердыхъ; такое вліяніе, сходное съ подобнымъ же явленіемъ въ основахъ существительныхъ, сказалось прежде и раньше всего въ образованіи формъ ср. р. ед ч.: жовтэе, рабэе—Слипче, билэе—Корница и др.; въ нечленной формѣ имѣются: билэ, рабэ, жовтэ и т. п.

Такія формы, извѣстныя всѣмъ южнорусскимъ говорамъ, но не вытѣснившія окончательно формъ на *ое*, развились совершенно самостоятельно, такъ какъ во-1-хъ, онѣ слышатся въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ не было иноязычнаго вліянія; во-2-хъ, онѣ отмѣчены уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности: второе читаемъ въ XIII словахъ Григорія Богослова [1]), округъпеѥ въ Гал. ев. XIII в.; въ предѣлахъ распространенія нашихъ говоровъ онѣ также восходятъ къ довольно раннему времени, такъ какъ формы въ родѣ Красне (назв. села) встрѣчаются въ латинскихъ актахъ, начиная съ XV в. (А. Х. 1). Кромѣ формъ им. вин. пад. ср. р. ед. ч., по образцу мягкихъ основъ образовались твердыя въ род. и твор. пад. ед. ч. жен. р.: сырэи зэмли, мылэй пары—Холмск., русэи, добрэи, сывэи, чужэи—Павлово, малэю—Полоски, добрэю—Корница, якэю, чэрвонэю, козацькэю, заслужнэю—Орховка. По образцу этихъ формъ прилагательныхъ образованы мѣстоименныя: мэи, свэи,

---

[1]) Будиловичъ. Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, 25.

твэи, тэи, мэю—Павлово и др. Изъ формъ мужескаго рода такимъ путемъ образованы: твёму—Воинъ, однёму —Полоски. Образованія въ такомъ духѣ и въ мужскомъ родѣ восходятъ къ раннему времени, какъ можно судить по формѣ первему—Поликарпова евангелія (Соболевскій, Очерки, 95). Такимъ образомъ, оказывается, что мѣстоименныя образованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ вліянію формъ прилагательныхъ, имѣютъ ту или другую форму въ зависимости отъ того, подъ вліяніемъ какихъ формъ прилагательныхъ они произошли—мягкихъ или твердыхъ.

Приведенныя формы твердаго различія, образованныя по образцу различія мягкаго, не господствуютъ въ живой рѣчи исключительно и не вытѣснили формъ, образованныхъ органически; какъ въ старину, такъ и теперь онѣ употребляются спорадически, распространены гораздо меньше, чѣмъ формы органическія. Очевидно, въ южнорусскихъ говорахъ въ им., род. и дат. пад. ед. ч. всѣхъ родовъ возобладали формы твердаго склоненія, тогда какъ напр., въ польскомъ и чешскомъ (dobrego, dobrej, dobremu) преимущество оказалось на сторонѣ мягкаго различія.

Въ исторіи вліянія мягкаго различія на твердое можно указать также на имен. пад. ед. ч. муж. р., который въ южнорусскихъ памятникахъ XVI—XVII вв. имѣетъ нерѣдко *ій* вмѣсто ожидаемаго *ый*, напр., желѣзній, невичерпаній и т. п. (срв. мои Очерки по ист. рус. нар., 74).

7. *Е* въ мягкихъ формахъ переходитъ въ *ё*, внѣ всякой зависимости отъ его ударяемости и качества слѣдующаго за нимъ слога: сынёе, сынёго, сынёму, сынёи, сынёй или сынюй—Павлово и др., рыднёго, рыднёму—Потуржинъ, остатнёго—Крыловъ и т. д., твоёго своёго, моёго—Павлово, Руда и мн. др. Изъ мѣстоименныхъ образованій такого рода мы можемъ привести только твёму—Воинъ. *Ё* въ этихъ формахъ находимъ уже въ памятникахъ XVI—XVII вв.

8. Согласные гортанные при склоненіи прилагательныхъ остаются подъ вліяніемъ аналогіи безъ измѣненія: на высокій гори—Шлятинъ, повнэнькій — Потуржинъ; (въ другихъ говорахъ подобныя формы и не нуждаются въ смягченіи, такъ какъ послѣ гортанныхъ стоитъ гласный, не требующій его: высокуй, шырокуй—Павлово и др.). Остатки старины представляютъ формы: шыроцій, по вэлыци—Любень, по повнэньцій—Потуржинъ. Случаи несмягченія гортанныхъ передъ мягкимъ флексивнымъ гласнымъ восходятъ къ XI в.: женьскѣи, морьскѣи Сборникъ Свят. 1076 г.

9. Дат. и предл. пад. муж. и ср. р. ед. ч. совпадаютъ или могутъ совпадать въ формѣ дат. пад.: въ зэлэному барвинкови, въ барвинковому вынкови—Слипче, на дубовому столови, по зэлёному полю—Павлово.

10. Вин. пад. ед. ч. жен. р. представляетъ обычныя окончанія *ую* или *юю:* за нашую щыру мылость—Свирщовъ, добрую, молодую, сынюю и т. д. Польскіе записыватели народныхъ произведеній довольно часто пишутъ въ этомъ падежѣ *oju* (= *ою*): Hanulu mołodenkoju —Wójcicki, Zarysy domowe III. 24, szczaśliwoju hodynu Obrzędy 115, za horu i małohonkoju ib. 119, Rosoju kosońku ib. и т. д. На какомъ основаніи появились такія написанія, мы не знаемъ; мы можемъ только сказать, что они не соотвѣтствуютъ выговору такихъ формъ въ живой рѣчи.

11. Творительный и предложный падежъ въ нѣкоторыхъ говорахъ имѣютъ одинаковое окончаніе—*ымъ:* въ пустымъ домовы, о пустымъ чолувикови—Буссовна, въ пустымъ доми, о пустымъ чоловикови—Михайловинъ. Такое совпаденіе, конечно, возможно только въ томъ случаѣ, если предложный падежъ не принялъ флексіи дательнаго.

12. Родит. падежъ ед. ч. жен. рода или имѣетъ общераспространенное и въ другихъ южнорусскихъ говорахъ *ои*, *еи* (*уй*, *юй*): доброи, сырои, или же это *ои* сокращается въ *ой*, въ которомъ *о* можетъ остаться безъ

измѣненія или обратиться *у*, а *е* въ *ю*. Сокращеніе конечнаго *и* въ *й* извѣстно и твор. п. ед. ч. ж. рода, въ которомъ находимъ такое же измѣненіе *о* и *е*, какъ и въ род. падежѣ.

Подобно основамъ существительныхъ на *а*, и прилагательныя могутъ принимать мужскую флексію: вэсёломъ = вэсёлою—Тарногродъ.

13. Родовыя окончанія во множ. числѣ потеряны, между имен. и вин. пад. муж. р. произошло взаимодѣйствіе, въ силу котораго образовалась флексія, одинаковая для обоихъ падежей и звучащая *ыи* и *ии:* добрыи, сынии. Эта флексія заимствована и именами женскими и средними. Отсутствіе историческихъ данныхъ не даетъ возможности точно опредѣлить время появленія этого процесса; мы можемъ только сказать, что въ XV—XVII вв. въ южнорусскихъ памятникахъ не всегда различается винительный падежъ отъ именительнаго.

14. При образованіи сравнительной и превосходной степени чаще всего употребляется суфф. *ш* (= древн. *ѣш*): коротшый, довшый, здоровшый - Тарногродъ. Въ прилагательныхъ съ суфф. *к* (= древн. *ѣк*), образующихъ сравнит. степ. посредствомъ суффикса *ѣш*, *ш* иногда можетъ совсѣмъ не быть, и сравнительная степень, образуясь отъ темы, а не отъ корня, требуетъ смягченія гортаннаго: крипчый, швыдчый. Путемъ взаимодѣйствія между приведенными двумя способами, имѣющими одно происхожденіе, образовались формы, представляющія въ сравнит. степ. *шч:* крашчи—Полоски, блыжчый ib., вышчый ib. Вслѣдствіе уподобленія шипящихъ явились такія формы, какъ луччу—Полоски, а подъ вліяніемъ формъ сравнит. степ. съ органическимъ *ш* этотъ звукъ является и въ такихъ прилагательныхъ, которыя должны были были бы имѣть *ч:* хутшій, глыбшэ—Полоски вмѣсто хутчій, глыбчэ; наоборотъ: наймэнчуй—Труды Чуб. IV. 258. Встрѣчаются также рефлексы древняго суфф. *ьиш:* чорнійшый —Любень, найчорнійшу—Пищацъ, скорійшый—Верешинъ и мн. др.

Въ большомъ распространеніи также формы сравн. степ. съ суфф. *иш* = *ѣш:* добрышшый, чэрвонишшый—Телятинъ, мудришшый—Безекъ, добришшый, мокришшый—Верешинъ; съ этими Формами срв. крѣплѣшшимъ Сборника Свят. 1076 г. 149 б.

Память о *ъ* изъ *ъш* можетъ совсѣмъ исчезнуть вслѣдствіе отвердѣнія *ш*; зэлэншшый—Тырноватка, хотя встрѣчаются формы и съ умягченнымъ согласнымъ: сыньшый, чырвоньшый—Сагрынь. Есть говоры, въ которыхъ *н* въ этомъ положеніи употребляется рядомъ съ *нъ:* наймэнша и наймэньша.

15. Для образованія превосходной степени, кромѣ другихъ общераспространенныхъ пріемовъ, употребляется приставка *на*, которая, по всей вѣроятности, представляетъ выпаденіе *й* изъ *най:* пастаршы, пастарша, памлодша, настаршому—Тарнов., съ ними срв. начастѣй, наперъвѣй и т. д. (мои Очерки по ист, рус. нар. 35).

Въ отдѣлѣ личныхъ мѣстоименій заслуживаетъ вниманія сохраненіе древнихъ краткихъ формъ въ дат. и род. вин. пад. ед. ч.: *ми*, *ти*, *си*, *мя*, *тя*, *ся*. Эти формы въ большей или меньшей степени извѣстны всѣмъ говорамъ съ тѣмъ, конечно, отличіемъ, что ихъ звуковой обликъ не во всѣхъ говорахъ одинаковъ; такъ, въ Тарногродѣ находимъ формы: *сы* = *си*, шя = ся или *шь* (сокращ. изъ *шя*), *ма* = *мя* (спусть ма = спусти меня), въ Павловѣ и др. находимъ мни, по всей вѣроятности, изъ ми. Иного образованія форма вин. пад. *мэ* (биг — мэ), которая не составляетъ наслѣдства старины, а является новообразованіемъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ отпаденію конечнаго *не*.

Подобно мѣстоименіямъ личнымъ 1 и 2 лл. и возвратному, мѣстоименіе *винъ*, *вунъ*, можетъ имѣть энклитическія формы въ род. и дат. п. ед. ч:. *го*, *му*, которыя также пользуются общимъ распространеніемъ. Первоначально такія формы могли употребляться лишь послѣ словъ, оканчивающихся открытымъ слогомъ, который и былъ причиной отпаденія въ нихъ начальнаго гласнаго.

Но съ теченіемъ времени это условіе потеряло свою силу.

Подобно основамъ существительныхъ, и мѣстоименныя представляютъ нѣсколько примѣровъ вліянія формъ муж. р. на женскія: нёмъ = пею, тобомъ, собомъ—Тарногродъ.

Изъ другихъ формъ мѣстоименія 3 л. ж. р. ед. ч. отмѣтимъ *еи*, *іи* (= ієѣ), употребляемую и въ роли винительнаго, и старинную форму вин. пад. *ю*, употребляемую рядомъ съ формами *ею*, *и*.

О соотвѣтствующихъ формахъ въ великорусскомъ см. у Соболевскаго, Изслѣдованія въ обл. рус. грамм. 14—15.

Въ склоненіи числительныхъ заслуживаетъ указанія распространеніе флексій *ма—ёмъ*, *ёхъ* на твор., род. предл. и дат. пп. всѣхъ коренныхъ числительныхъ, начиная съ 5 и оканчивая 900. Древнее окончаніе *ъмъ—ъхъ* является или въ видѣ *ёмъ—ёхъ* (послѣ *р* и губныхъ *омъ—охъ*) или въ видѣ *имъ*, *ымъ*: сэмымъ, восьмымъ—Тырноватка, шистёмъ, девъятёмъ, двайцятёмъ, трыйцятёмъ, шистыдэсятёмъ, симдэсятёмъ—Замхъ, з симохъ, з'восьмохъ—Потуржинъ. Впрочемъ, рядомъ съ приведенными формами существуютъ и общерусскія: з сэмы, з'восьмы и т. д. ib.

Глаголъ.

Въ спряженіи глагола наблюдаются въ нашихъ говорахъ нѣкоторыя отличія сравнительно съ другими русскими говорами.

Неопредѣленное наклоненіе представляетъ обычную для южнорусскихъ говоровъ примѣту *ти*, не подвергая сокращенію конечнаго гласнаго: ходыты, сыдиты, говорыты. Даже въ такихъ говорахъ, какъ Корницкій, въ которомъ случаи перехоъа *т* въ *ц* передъ мягкими гласными довольно часты, *т* въ ноопредѣленномъ наклоненіи остается безъ измѣненія: мочити, вымитати, саджіати (Труды VII, 77). Если глагольная тема оканчивается на гортанный, то согласный примѣты переходитъ въ *ч*, а гор-

танный остается безъ измѣненія: лэгчы – Павлово, Дорогускъ, помогчы ib., влэгчы = волочь—Орховка, допомогчы—Дорогускъ. Въ одномъ глаголѣ *т* глаг. примѣты + *к* глаг. основы даютъ *ч*, какъ въ великорусскомъ: пэчы —Дорогускъ, а также въ пѣснѣ: Сіла на рогъ печи, коровая стеречи—Хорощанка (Труды Чубинскаго, IV. 243).

Архаическое спряженіе сохранилось лишь въ скудныхъ остаткахъ, какъ наслѣдство старины, которымъ однако живая разговорная рѣчь не дорожитъ, такъ какъ не находитъ въ немъ существенной пользы.

Вспомогательный глаголъ быть въ различныхъ говорахъ имѣетъ различную судьбу; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Тарногродъ, Бища), онъ въ настоящемъ времени употребляетъ формы, очевидно заимствованныя съ польскаго: ездэмъ, ездэсь, естъ; евдэсьмо, ездэстэ, сутъ. Такого же происхожденія формы этого глагола, употребляемыя въ с. Телятинѣ: я естымъ, ты естысь, винъ естъ; мы естысьмо, вы естэсьты, они естъ. Ясно, что всѣ подобныя формы—новообразованія, явившіяся путемъ приставки личныхъ флексій къ формѣ 3 л. ед. числа.

Въ другихъ говорахъ въ этомъ времени сохранилось лишь одно 3 л. ед. ч. въ формѣ *е* или *естъ* и приняло на себя значеніе всѣхъ лицъ ед. и мн. числа; такъ обстоитъ дѣло въ Копыловѣ, Тарноваткѣ, Безекѣ, Сагрыни и мн. др. Въ иныхъ говорахъ мы находимъ формы этого глагола весьма новаго происхожденія, таково напр., сутьмо 1 л. мн. ч.—Замхъ. Ни въ одномъ изъ говоровъ не находимъ формъ, вполнѣ органически развившихся изъ древнихъ и удержавшихъ свое первоначальное значеніе.

Въ другихъ архаическихъ глаголахъ старинныя окончанія встрѣчаются не часто. Въ 1 л. ед. ч. только *имъ* и *дамъ* неизмѣнно являются въ такой формѣ во всѣхъ говорахъ: *вимъ* (а бо я вимъ—слышалъ г. Бачинскій отъ крестьянокъ дер. Замолодычи) встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ *видаю*, а *имамъ* перешелъ въ разрядъ обыкновенныхъ глаголовъ и принялъ видъ *маю*.

Въ 2 л. ед. ч. также только два первые глагола со-

храняютъ рефлексы старинной флексіи въ виды *сы*, *сэ*: *исы*, *дасы*—Жещинка, Подгорцы, *исэ*, *дасэ*—Степанковице, Сагрынь, Михайловинъ и др. Грамматическое значеніе этого древняго окончанія не всюду однако ясно, и потому не всюду древнее *си* считается достаточнымъ для образованія 2 л. ед. числа; вслѣдствіе этого нѣкоторые говоры къ архаической формѣ флексіи прибавляютъ обычное для всѣхъ глаголовъ *шъ*: зъисышъ—Буссовна, исышъ Переспа, Тератинъ и др. Въ нѣкоторыхъ говорахъ формы съ *шъ* и безъ него употребляются рядомъ, напр., въ Потуржинѣ и Переспѣ. Большинство же говоровъ обходится совсѣмъ безъ архаической флексіи и образуетъ это лицо по образцу спряженія обыкновенныхъ глаголовъ: *ишъ*, *дашъ*—Тарногродъ, Любень, Замхъ, Долгобычевъ, Павлово и мн. др.

3 лицо ед. ч. въ различныхъ говорахъ имѣетъ различныя формы:

а) Во многихъ говорахъ оно не принимаетъ никакой флексіи въ глаголахъ всѣхъ классовъ безъ различія: робы—Сагрынь, Телятинъ; пышы ib., говоры, иды (= идетъ) —Буссовна, ломы, ропы—Циціборъ, миры—Переспа, пышэ, идэ, нэсэ—Вишница.

б) Нѣтъ однако ни одного говора, въ которомъ бы приведенныя флексіи употреблялись исключительно. Рядомъ съ ними встрѣчаются и формы съ флексіями въ однихъ говорахъ—*тъ*, въ другихъ—*тъ*: робыть, спыть, шые—Заболотье, идэ, спытъ, робы—Зимно, бэрэ, нэсэ, мэтэ и лэтытъ, сыдытъ—Россошъ и т. д. Глаголы съ соединительнымъ гласнымъ *е* въ темѣ настоящаго времени отдаютъ предпочтеніе формамъ безъ флексіи, глаголы же безъ этого гласнаго—наоборотъ. Архаическіе глаголы, кромѣ *бути* и *мати*, безъ флексіи этой формы не образуютъ.

1 л. мн. ч., кромѣ общерусскаго окончанія *мъ*, имѣетъ весьма часто *мо*, на которомъ можетъ стоять удареніе: имо́, дамо́, гидемо́, лю́бымо—Тарногродъ, спымо́, сыдымо́, нэсэмо́, жывымо́—Копыловъ, пъемо́, ку́рымо—Ве-

решинъ, скажымо, гадаемо, вчымо—Замхъ, ходиму, гуляиму, йдимо́, хуцымо́, бырымо́, гурымо́, дывымо—Переспа и т. д. Окончаніе *мо*, появившееся въ южнорусской письменности въ XIII в., отмѣчено во многихъ памятникахъ XVI—XVII вв. и во многихъ случаяхъ на немъ стоитъ удареніе.

2 л. представляетъ обычное общерусское окончаніе *те* = *тэ*, ударяемое или безударное: идэтэ́, бъетэ́, вчытэ́, граете, спиваете—Замхъ и др., вмѣсто *э* въ нѣкоторыхъ говорахъ по общему правилу, является *ы*: ро́быты, лю́быты, но спытэ́—Сагрынь, идэты, по спытэ, трымаетэ—Телятинъ и др.

3 л. мн. ч. безъ флексій не употребляется; въ качествѣ флексіи являются *тъ* и *тъ*, причемъ стоящій передъ флексіей *я* можетъ подлежать переходу въ *е* или въ *и*: любить = любитъ—Долгобычевъ, спеть, хвалеть—Буссовна, сыдеть, мірітъ = сидятъ, мѣрятъ—Переспа; спеть, робеть—Зимно и мн. др. Въ употребленіи во множ. числѣ *тъ* и *тъ* замѣчается соотвѣтствіе между этой флексіей и флексіей 3 л. ед. ч., хотя и не всегда: бываютъ случаи, когда окончанія разнятся, напр., въ Жещинкѣ въ ед. числѣ окончаніе *ытъ*; а во множ.—*ютъ*; въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр., въ Потуржинѣ, *тъ* и *тъ* употребляются рядомъ: спеть, но рубаютъ.

Повелительное наклоненіе. 2 л. ед. числа, въ случаѣ ударяемости флексіи, представляетъ правильную замѣну древняго *и*: ходы, говоры, спы—Буссовна и др. При неударяемости флексіи послѣ согласныхъ примѣта наклоненія является въ видѣ *ь*: сыдь, хоть (= ходь), вынэсь—Тарногродъ; послѣ губныхъ, шипящихъ и *р* память объ *ь* не остается въ видѣ мягкости согласнаго: виръ, миръ, ижъ, мажъ, сыпъ, прыбавъ, ляжъ и т. д. ib.

Послѣ гласныхъ по общему закону *и* переходитъ въ *й*: умыйся, напыйся, нэ биися, пошый, накрый. Вторичными образованіями слѣдуетъ считать формы: прэйдый = приди — Скордіевъ, розложый — Wójcicki, III. 278, пішлый = пошли—Опыты 49, спый = спи—Тарнов. При-

веденныя формы—пѣсенныя; изрѣдка онѣ попадаются и въ разговорной рѣчи. Своимъ происхожденіемъ онѣ обязаны какъ вообще вліянію гласныхъ основъ, такъ преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыя оканчиваются на *и*, принадлежащее корню: по образцу *пый* могло явиться спый, по образцу *шьй*—розложый, по образцу *лый*—пишлый. Возможно и другое объясненіе такихъ формъ: въ нихъ конечный *й* могъ явиться путемъ слитія съ глагольной формой стоящаго за ней союза *и;* существованіе приведенныхъ формъ съ органическимъ *й* послѣ гласныхъ, конечно, могло быть причиной утвержденія такихъ формъ въ живой рѣчи.

Отъ архаическихъ глаголовъ намъ встрѣтилась лишь одна форма пов. накл., унаслѣдованная отъ старины: зъичъ, зъижджъ, зъижджтэ—Зимно = съѣждь. Остальные архаическіе глаголы образовали формы пов. накл. по образцу простыхъ глаголовъ.

Множественное число. Въ 1 л. мн. числа, въ случаѣ ударяемости примѣты наклоненія, она является въ видѣ *и* или *ы:* идимо, спимо—Бонча, крычимо, ходимо, робимо, садимо—Тыпинъ; посэдымо—Павлово, бэрымо—Тарпов. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *и* въ этомъ лицѣ можетъ быть и неорганическимъ, явившимся по образцу глаголовъ съ органическимъ *и*.

Въ случаѣ неударяемости примѣты, она исчезаетъ, оставляя послѣ себя память въ видѣ мягкости предшествующаго флексіи согласнаго, если онъ способенъ къ умягченію; согласные же губные, шипящіе и *р* въ этомъ положеніи тверды. Слѣдуетъ замѣтить, что отсутствіе примѣты наклоненія вслѣдствіе ея неударяемости въ нашихъ говорахъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ южнорусскихъ, напр, въ Украинскомъ. Окончаніе *мо* и здѣсь преобладаетъ, хотя и не является господствующимъ: лизьмо—Тыпинъ, станьмо—Цициборъ, сядьмо—Пищацъ, хотьмо—Тарногродъ, здэйм'мо, зроб'мо—Безекъ, избавмо, насыпмо, ижмо, набавмо—Струпинъ, Степанковице и др.

Въ темахъ на гласный *и* сокращается въ *й:* спываймо, выпыймо, быймо, збыраймо—Тыпинъ и др.

Мъ является сравнительно рѣже чѣмъ *мо:* идимъ, ходимъ, зварымъ—Тератинъ и др.

Въ пѣснѣ встрѣтился одинъ примѣръ *мы* вмѣсто *мо:* напыймы си, кумцю = напьемся—Тыпинъ.

Во 2 л. мн. ч. древнія *ьте* и *ите* должны были органически дать *итэ* и *етэ*, *ытэ* и *итэ*, въ зависимости отъ свойствъ каждаго даннаго говора; вліяніе аналогіи было причиной того, что появилось и неорганическое *ите*; если примѣта наклоненія—на лицо, то на ней стоитъ удареніе, которымъ она отличается отъ соотвѣтствующей формы изъявительнаго наклоненія; послѣ гласныхъ, какъ и въ един. числѣ, примѣта сокращается въ *й:* робы́тэ, губы́тэ—Орховка, покропы́тэ (изъяв. накл. ро́бытэ, гу́бытэ, покро́пытэ) ib.; рядомъ съ ними: робитэ, садитэ, ронитэ по образцу нэситэ и под.—Полоски и др.

И здѣсь, какъ и въ 1 л. мн. ч. чаще, чѣмъ въ другихъ южнорусскихъ говорахъ, являются формы безъ примѣты наклоненія вслѣдствіе ея неударяемости: вынэсьтэ—Холмск., глядьтэ—Радин., дывтэся—Дорогускъ, идтэ ib. (срв. ідьте—Труды Чуб. III, 67), пэрэличтэ, ступтэ ib.

Повидимому, въ этомъ лицѣ существовали въ былое время формы на *тъ* вмѣсто *те:* форма *идитъ-те*—Полоски (Труды Чуб. II. 202) заключаетъ указаніе на это, а также свидѣтельствуетъ о томъ, что *тъ* не было достаточно въ качествѣ личной флексіи, а потому къ ней была вторично приставлена обычная флексія—*тэ*.

Подъ вліяніемъ гласныхъ основъ, а также формъ пов. накл. въ ед. числѣ, образовались формы: зазвонійте—Опыты 44, спустийтэ, нарвийтэ, опаднийтэ—Дорогускъ, Тырнов.

3 лицо ед. и мн. чис. представляетъ описательныя формы; онѣ составляются изъ нэхай, най, бодай, и формъ изъявительнаго наклоненія: бодай тоби кинь издохъ—Струпинъ, нэхъ Богъ благословыть—Павлово. Приведен-

ныя частицы могутъ быть прибавляемы и къ другимъ личнымъ формамъ: най пэрэйду, бодай ты пропалъ и т. п.

Насколько можно судить по имѣющимся у насъ историческимъ даннымъ, при образованіи пов. накл. во множ. числѣ перевѣсъ взяли формы, соотвѣтствующія древнимъ на *ѣмъ*, *ѣте;* употребляющіяся въ настоящее время формы: ходимъ, ходимо, ходитэ, робитэ, въ которыхъ *и* могло явиться только подъ вліяніемъ формъ нэсимъ, нэситэ, восходятъ покрайней мѣрѣ къ XIII в., какъ можно судить по формамъ: простѣте, хранѣте, творѣте, помолѣмся, творѣмъ (Соболевскій, Лекціи [2]. 225); онѣ были свойственны не только галицко-волынской области, но и другимъ южнорусскимъ мѣстностямъ, о чемъ свидѣтельствуютъ написанія: послужѣмо, положѣмо (мои Очерки по истор. рус. нар., 86). Формы же: посэдымо, робытэ, ходытэ—позднѣйшаго происхожденія, хотя и представляютъ органическій *и*.

Не новы также формы, образующія пов. наклоненіе посредствомъ *ь*, оставляетъ-ли онъ послѣ себя мягкость или исчезаетъ безслѣдно; такія формы также восходятъ къ XIII—XIV вв., срв. починте, обидьте, въверьзьте, преѥдьмы (Соболевскій, Лекціи 225).

Такимъ образомъ, по способу образованія пов. наклоненія наши говоры сходны съ польскими, представляющими не только формы: pleć, plećcie, proś, proście, но также и: dmij, zacznij, umknij, wezmij, dojrzyj, przyjmij. Сокращеніе примѣты этого наклоненія въ польскомъ относится также къ XIII—XIV вв.: wytargń, ogarń, padńmy (Флор. пс.), spadńcie (Молитв. Ядвиги). Подобныя же формы находимъ и въ чешскомъ, въ которомъ выпаденіе примѣты наклоненія также относится къ древнему времени: chwalme, plet'me, plet'te, proklňme, posilňme; но здѣсь существуютъ также и формы: mněme, řekněme, sedněme. Это явленіе свойственно и другимъ славянскимъ языкамъ, напр., сербскому, болгарскому и и др. (Miklosich, Vergleichende Grammatik, III [2]. 448. 374. 227. 189 и др.).

Будущее время.

Въ нашихъ говорахъ существуетъ нѣсколько способовъ образованія будущаго:

1. Въ большей части говоровъ оно составляется изъ неопредѣленнаго наклоненія спрягаемаго глагола и формъ глагола *бути:* буду исты, пыты, ходыты, варыты —Тератинъ, Полюбичи, Горный-Потокъ и др.

2. Въ другихъ говорахъ тотъ же вспомогательный глаголъ *буду* соединяется съ несклоняемымъ причастіемъ прош. врем. дѣйств. зал.: буду ивъ, давъ, слухавъ, служывъ, говорывъ—Гнишевъ, Бища, Зимно и др.

Есть говоры, въ которыхъ тотъ и другой способъ одинаково употребительны, напр., въ Дубенкѣ.

3. Всего рѣже находимъ здѣсь общеупотребительный въ Украинскомъ говорѣ способъ образованія будущаго посредствомъ сложенія неопредѣленнаго накл. спрягаемаго глагола съ глаголомъ *му*, напр., бутыму, робытыму—Ганна, Любень [1]).

4. Кромѣ указанныхъ способовъ, въ повсемѣстномъ употребленіи образованіе будущаго врем. посредствомъ сложенія глагола съ предлогами: напышу, выпъю и т. п.

Прошедшее время. Прошедшее время — составное, образуемое изъ несклоняемаго причастія прош. вр. д. зал. спрягаемаго глагола и формъ вспомог. глагола *буты*, которыя однако являются въ данномъ сочетаніи въ формѣ, отличной отъ обыкновенныхъ формъ этого глагола: ходывымъ, спавымъ, робывымъ—Буссовна, робывъ и робывэмъ, спывавъ и спывавэмъ, ходывъ и ходывэмъ—Слипче; ивъ, давъ, бувъ, илы, давалы, бувалы—Ганна.

---

[1]) Формы будущ. врем. на *му*, *мэшъ* и т. д. настолько рѣдки, что Любенскихъ сельчанъ сосѣди называютъ въ насмѣшку *мыкунами*; рѣдкость ихъ объясняется историческими условіями, при которыхъ приходилось развиваться русскимъ говорамъ.

Многочисленные примѣры употребленія такого рода формъ приведены у Потебни (Изъ Записокъ по русской грамматикѣ [2]. 243—255). Встрѣчающіяся въ нашихъ говорахъ формы отличны отъ галицкихъ, гуцульскихъ и лемковскихъ (Ogonowski, Studien 144) и могутъ быть отнесены къ числу полонизмовъ, довольно сильно укоренившихся въ языкѣ, не все же не составляющихъ необходимости: въ одномъ и томъ же говорѣ рядомъ съ такими формами употребляются и формы, составленныя безъ помощи глагола *быть*. То обстоятельство, что въ старину такія формы существовали (въ книжномъ языкѣ, а, можетъ быть, и въ рѣчи книжныхъ людей) въ областяхъ, гдѣ въ настоящее время ихъ нѣтъ (срв. напр. *обѣдалисмо*, *обѣдалемъ*, но тутъ же и *ездилъ*, повернулся—XVIII в. Кіевская Стар. 1896, мартъ 245, Дневникъ гепер. подскарбія Якова Марковича и мн. др.), можетъ говорить лишь о несамородности такихъ формъ.

Причастія и дѣепричастія; нѣкоторыя особенности въ спряженіи глаголовъ.

Изъ причастій особенно замѣчательны по своему образованію причастія прош. вр. стр. залога: замэтяна, застэляна—Скордіевъ, зварана — Волковяны, зробляны, змолочана и змеляна—Полоски, нагучаный, зробляная, одвэрпяное, струяная, загарняный, кормляная—Дорогускъ, Гнищевъ и др. Такія причастныя формы встрѣчаются кое-гдѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, напр., метяни сіни, застеляни столи (Труды Чуб. IV. 147) и своимъ происхожденіемъ, очевидно, обязаны вліянію основъ на *а—я*.

Остальныя причастныя и дѣепричастныя формы особенностей не представляютъ: идучы, ихавшы, идущый, ихавшый — Михайловинъ, пучкавшы, захтившы — Пересна; купуючы, роблячы; блудящый, ростущый, начевшый, зрубывшый—Ганна и т. п. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что для причастій наст. вр. дѣйств. зал. обычной примѣтой является *ч*, а формы на щый (= шчый) въ

громадномъ большинствѣ случаевъ имѣютъ значеніе прилагательныхъ качественныхъ: знаюшчый = человѣкъ дошлый, умѣлый, трудящыйся = трудолюбивый, срв. Ogonowski, Studien 147.

Изъ другихъ глагольныхъ образованій заслуживаютъ указанія формы: позастэливала, позасвѣчивала, понаставливала—Теребинъ. О нихъ см. у Житецкаго, Очеркъ литер. истор. 108—110.

Отдѣльно стоятъ формы: спютъ (польск. spią), хцутъ (польск. chcą), гнае, ждае, ждаю и т. д. и формы отъ глагола горѣть: горию, гориетъ и т. д.—Холмск.

V. ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

1. Звуковыя и формальныя черты разсматриваемыхъ говоровъ развились самостоятельно и не представляютъ образованій, навязанныхъ говорамъ извнѣ; ближайшее сосѣдство языка польскаго сказалось лишь въ употребленіи сложной формы прошедшаго времени, употребленіи, не повсемѣстно извѣстномъ и не вытѣснившемъ формъ, образованныхъ на почвѣ древнерусской старины. Изъ звуковыхъ явленій, повидимому возникшихъ вслѣдствіе сосѣдства польскаго языка, можно указать лишь на отвердѣніе *р*, свойственное и бѣлорусскимъ говорамъ и окраиннымъ южнорусскимъ. Но о заимствованіи изъ польскаго языка въ данномъ случаѣ нѣтъ возможности говорить; если бы было заимствованіе въ строгомъ смыслѣ этого слова, наши говоры развили бы такой же шепелявый *р*, какой существуетъ въ польскомъ. Весьма нагляднымъ доказательствомъ самородности въ развитіи звуковыхъ и формальныхъ образованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ сознанія народомъ особенностей своего языка можетъ служить то обстоятельство, что слова, заимствованныя изъ польскаго, принимаютъ въ живой рѣчи ту форму, которая не противорѣчитъ основнымъ за-

копамъ русскаго языка; по этой причинѣ изъ польскаго deptać вышло доптать, изъ польск. ton—тонъ, изъ bardzo —барзо. Польское вліяніе сказалось лишь въ заимствованіи словъ и нигдѣ не простирается до потери говорящими сознанія отличій своего языка отъ польскаго.

Въ дѣлѣ заимствованія польскихъ словъ и вообще пользованія плодами польскаго краснорѣчія и остроумія нѣкоторые изъ говоровъ находятся въ настоящее время въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ книжный языкъ югозападныхъ ученыхъ XVI—XVII вв. Иноязычныя наслоенія иногда довольно толсты, но весьма легко и быстро отпадаютъ, при перемѣнѣ источниковъ и условій умственной жизни народа.

Нѣкоторые говоры отличаются относительной чистотой и правильностью русской рѣчи, какъ можно видѣть изъ помѣщаемыхъ образцовъ народныхъ говоровъ.

Утрата родной рѣчи и замѣна ея польской въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произошла не путемъ предварительнаго смѣшенія элементовъ той и другой, а просто путемъ замѣны русскихъ словъ польскими.

2. Въ Холмской Руси существуютъ два болѣе или менѣе отличающіеся другъ отъ друга говора: Люблинскій и Сѣдлецкій, или собственно Холмскій и Подляскій. Единственное основаніе, по которому можно отдѣлять Люблинскіе говоры отъ Сѣдлецкихъ, заключается въ существованіи въ послѣднихъ дифтонговъ, которыхъ нѣтъ въ Люблинскихъ говорахъ.

Но, съ другой стороны, говоры той и другой губерніи имѣютъ также одну черту, роднящую ихъ—твердость *р* въ сочетаніи его съ первично-мягкими гласными. Кромѣ этой, общей для всѣхъ говоровъ черты, различные представители той и другой группы имѣютъ нѣсколько и другихъ общихъ чертъ, напр., одинаковое суженіе гласныхъ, тожественное смягченіе зубныхъ, губныхъ и гортанныхъ, случаи одинаковой замѣны основныхъ открытыхъ *о* и *е*, уканье (переходъ открытаго безударнаго *о* въ *у*), слишкомъ твердый выговоръ основнаго *е*, при которомъ этотъ

звукъ приближается къ звукамъ категоріи *ы—и*, единичные случаи перехода шипящихъ въ свистящіе; даже отдѣльно стоящія морфологическія образованія иногда встрѣчаются въ мѣстностяхъ, раздѣленныхъ довольно значительнымъ разстояніемъ, напр., гнишевское и корницкое матэра.

Говоры Влодавскаго и Бѣльскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи по своимъ звуковымъ и формальнымъ чертамъ должны быть отнесены къ одной группѣ съ Люблинскими говорами.

3. Самой характерной особенностью говоровъ въ настоящемъ ихъ состояніи являются:

а) Пониженіе вокализма, переходъ широкихъ открытыхъ гласныхъ въ узкіе: *я—а* въ *е*, *о* въ *у*.

б) Отвердѣніе гласныхъ, явившихся на смѣну основныхъ закрытыхъ *о*, *е* и *ѣ*.

в) Потеря мягкости гласныхъ, издревле мягкихъ, и появленіе гласныхъ, вторично мягкихъ, именно, основные *е* и *и* въ большей части говоровъ звучатъ совершенно твердо, но мягко звучатъ *е* и *и*, явившіеся на мѣстѣ *я—а* и основныхъ закрытыхъ *о* и *е*.

Нѣкоторые изъ звуковыхъ чертъ роднятъ разсматриваемые говоры съ бѣлорусскими и заставляютъ считать ихъ переходными отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ.

г) Въ области консонантизма самой выдающейся чертой нашихъ говоровъ является неустойчивость дѣйствія закона уподобляемости согласныхъ звуковъ, твердость *р*, ерація губныхъ при непосредственномъ ихъ сочетаніи съ мягкими гласными въ тѣхъ случаяхъ, когда въ великорусскомъ это сочетаніе производится при посредствѣ *ъ*.

4. Что касается исторической давности различныхъ звуковыхъ и формальныхъ явленій въ нашихъ говорахъ, то мы можемъ сказать лишь слѣдующее:

а) Единичные, весьма немногочисленные случаи постановки *е* вмѣсто *я—а* относятся къ XII в.

б) Замѣна основного *и* посредствомъ *ы* и, наобо-

ротъ, случаи постановки *ы* вмѣсто *и* послѣ гортанныхъ отмѣчены также въ памятникахъ XII в.

в) Къ тому же времени относятся случаи постановки твердыхъ гласныхъ вмѣсто мягкихъ послѣ *р* и случаи появленія *у* вмѣсто *о*, выговоръ *г* какъ лат. *h*, появленіе неорганическаго *ѣ* въ 1 и 2 лл. мн. ч. пов. накл., вліяніе формъ мягкаго склоненія прилагательныхъ на формы твердыя.

г) Даже такія звуковыя явленія, которыя имѣютъ характеръ единичныхъ, отмѣчены въ болѣе или менѣе древнихъ памятникахъ, напр., *еща* отмѣчено въ памятникахъ XIII в., *вовьця* было извѣстно въ томъ же вѣкѣ, *багатъ* относится къ XII—XIII вв.

д) Начало перегласованія основныхъ закрытыхъ *о* и *е* относится, по крайней мѣрѣ, къ XII в.

е) На основаніи приведенныхъ данныхъ можно съ достовѣрностью полагать, что начало тѣмъ звуковымъ и формальнымъ особенностямъ, съ которыми наши говоры являются въ своемъ теперешнемъ состояніи, было положено въ XII в.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Образцы говоровъ.

Люблинская губ., Холмскій уѣздъ.

С. Руда.

1. Пу подъ горою, подъ высокою
Пье говубъ воду и съ говубкою.
Ой пье винъ же, пье, оглядаицьсе,
Съ правымъ крылэчкомъ убыймаицьсе,
Дэсь ся имъ и взявъ мувудэй стрылець
Трапывъ говубку ю (= й у) правый крылець:
Говуба забэвъ, говубку зранэвъ,
Мувуду говубку и съ субою взевъ.
Занисъ ии въ нувую свитлецю,
Давъ ій исты чэсту пшинэцю,
Давъ ій пэты зэмную водэцю.
Говубка ны исть, говубка ны пье,
Встанэ ранэнько, пвачэ рымнэнько:
„Панэ мій, панэ, забэй жэ мэнэ,
Забэвысь говуба, забый жэ мэнэ,
Ныхай нэ сыжу въ нэволи въ тэбэ“.
— „Въ мэнэ на гори симъ паръ говубивъ,
Тай познай, говубко, который то твій“.
„Симъ паръ гувубивъ, всэньки рабэньки,
Всэньки рабэньки, а мій сывэнькій,
А мій сывэнькій, мыни мывэнькій“.

2. Тамъ на мори, тамъ на быструй вуди,
Гэй э гэй, тамъ на быструй вуди.

Ой тамъ сыдивъ государъ на куни
Гэй э гэй и т. д.
Ой трымавъ ой письмо на руци.
На тымъ письми пунапэсувано,
Напэсано й намалёвано
И трэ братья затырмыновано.
„Идимъ, братья, ю вышнёвый садокъ,
Нарижымо чырышнёвыхъ павокъ,
Ой будымо вымыратыся,
Куторому тай забыратыся".
Найстаршій братъ: „въ мэнэ дытокъ много".
Сырыдушшый: „въ мэнэ жинка мувуда".
А наймэншій: „чесъ жинэты пура".
Найстаршій ставъ вымувлятыся,
Сырыдущій ставъ выкуплятыся,
А наймэншій ставъ забыратыся.
Пу пудъ лисомъ тамъ дурожка идэтъ,
Ны дурожка, тылько бэтый шлячокъ,
Кудэ ишовъ гусударски пувчокъ.
Напупыридъ уфицэры идуть,
У сырэдыни рыкрутоньки жэнуть,
А пузади утэць—маты идуть.
„Ой, тэ, сэну, тэ жъ дытэна муя,
Ой, дэжъ будэ дружэнонька твуя?"
— Ой тамъ, мамцю, дэ высока гура,
Ой тамъ будэ дружэнонька муя.—
„Дэжъ ты, сэну, рубашоньку пудивъ?"
— Я рубашку барабанчыку уддавъ,
Щобы мынэ на вучэне прыбуджавъ.
„Дэжъ ты, сэну, зувутый-пэрстынь пудивъ?"
— Я пэрстынэць пувковныку уддавъ,
Щобы мынэ ду пувку прыучавъ.
Муи братя пу сватахъ, пу кумахъ,
А я бѣдной на часахъ, на часахъ;
Муи братя будуть поле плахать,
А я бѣдной мушу рэвнэ плакать;
Муи братя будуть вонку кусить,

А я бѣдной мушу ранецъ нусить;
Муи братя мувутять на току,
А я бѣдной нушу ранецъ при боку.—

3. Зылёна дымброва трэ рады заджона,
Гэй, трэ рады заджона.
Сусидо, сусидо, трэмай свого сэна,
Бо съ твуёго сэна ны идна прычэна;
Винъ по ночамъ ходыть, подбичныцю водыть.
Ой здрадывъ дивчэну чэрэзъ гулечэну
И зъ литъ мувудэнькихъ и съ дытокъ друбнэнькихъ.
Ой що бы я мава соковыи вочи,
Соковый вочи, вурвовыи крэва,
Тобъ я политива, ды сама схотива,
Щобъ я зобачэва, що мый мэвый робыть.
А мій мэвый ходыть, подбичныцю водыть,
Подбичныцю водыть, мидъ выно купуе,
А мни мувудыи гаршэльныкъ гутуе.
„Ой на тоби, мэва, хоть скляночку пэва".
— А я твого пэва ны пыва й ны буду,
А тэбэ, мыленькій, ю викъ ны забуду.

4. Тамъ у полю крынэця, тамъ хуводна вудэця;
Чэрэзъ нюю квадочки, зацвытають садочки.
Ой зацвыва калена, запвакава дивчэна,
Ой запвакавъ кавалеръ: ны ду мэсли жону взевъ,
Ны ду мэсли жону взевъ, самъ пуихавъ въ чужэй край,
У чужэй край, въ сторону, якъ тонъ камэнь у воду.
Якъ камэню ю води, такъ мни въ чужой стуруни.
Трэба лесты пысаты, ойца й матку 'двыдаты.
Ой щэ лесту ны пысавъ, ойца й матку удвыдавъ.
„Ой сэну мій родзоный, дэ твій вынокъ звынчоный?"
— А мій вынокъ у пувку и шабэлька пры боку,
И шабэлька и ружо, вжэ мни въ войску хорошо,
И шабэлька и мундеръ, вжэ я, мамцю, командеръ,
И шабэлька и павашъ, вжэ я, мамцю, сэнъ ны вашъ.

Записалъ М. Тусевичъ.

Деревня Скордіевъ.

1. Просэла Кася Яся
На рэбу, на карася:
„Прэйдый, Ясюню, прэйдый,
Нэ зроблю я тоби крэвды:
Хата замэтяна,
Постэля застэляна,
Подушка пуховая,
Сама я молодая“.

2. Молодэци молодэіи
Мидъ—выно кружають,
А на мэнэ молодого
Бровамы моргають.
Ой кивала и моргала
Молода на мэнэ:
„Прыйдэ, прыйдэ, панэ-дячэ,
Ввэчэры до мэнэ”.
— Боюся я, молодая,
До тэбэ ходэты,
Маешъ свого старэнького,
То хвалэться бэты“.
— А я свого старэнького
Вэшлю по калэну,
Прыйдэ, прыйдэ, гарный хлопчэ,
Въ дэвъяту годэну.
Я поставлю остру варту
На окнахъ и на двэрохъ“.
Сторожэньки стэрэгуть—
Всэ добрыи людэ.
Гуляй, гуляй, панэ дячэ,
Лэхо тоби будэ!
Ходыть дытя по дорози
И въ долони плэщэ:
„Гуляй, гуляй, моя мамо,
Нэма тата ещэ!“

Колэжъ глянэ въ кватэроньку,
Вжэ старый—блызэнько.
„Дэ я тэбэ ту сховаю,
Любое сэрдэнько?!
Сховаю тя, сховаю тя
Въ лыжко, пидъ пэрэну,
Сама лягу, розстогнуся,
Якъ бы на дытэну“.
Идэ старый зъ калэною
Зъ надвору до хаты,—
Якъ стояла, такъ и впала
Тай стала стогнаты.
„Пидэ, старый, до коморы,
Налупай мини мэду,
Заболила головонька,
О той нэ подвэду“.
Пишовъ старый до коморы
И въ долони трэплэ:
А бувъ тутай вражій сэнъ,
Тылько мисцэ тэплэ“.
— А ты, старый, бородатый,
Нэ вчэся брэхаты,
Колысь бачывъ въ свои хати,
Тра було пойматы.—
Мисяць блыщэть, морозъ трыщэть—
Одъ яснои зырки,—
Втикавъ дячокъ голый, босый
Одъ чужои жинки.
„Молодэци молодэи,
Зъ вамы нэ до вику.
Которая замужняя,
Шануй чоловика!”

3. Нэма такъ ныкому,
Якъ тый нэвистонци:
Мэлый въ полю горэ,
А вона—въ корчмонци.

Въ нэдилю пэла,
Въ понэдилокъ спала,
А во второкъ
Сноныв сорокъ
Пшэнэци нажала.
Въ чэтвэргъ змолотэла,
Въ пятныцю пропэла,
Щэ й мужа набэла.
„За щось мэнэ бэла?
А я въ пэчы напалэвъ,
Горщыкъ кашы наварэвъ“.
— Ижъ жэ соби тэхо,
Бо якъ встану, покушаю,
Будэ тоби лэхо:
Мэлый жъ бо, мій мэлый,
Учэнэ жъ мни волю—
Поскачэ жъ гайдука
Попэрэдо мною”.
А мій мэлищэско,
Взявшы копчичэско:
„Отожъ тоби, мэла,
Що я гайдучэско“.
Вэйшла на гулэцю
Щэ й похвалэлася,
Що я свого мужэка
Научэла гайдука.

Записалъ В. Е. Войтюкъ.

Дер. Гнишевъ.

1. А зъ Опалына чорна хмара,
А до Гнышова ны выдаты;
Дывнэи людэ дывуютьця,
Що Пэтро хочэ жэнытыся.

2. На шырокому на выгоны
Много конькувъ навыдяно,

Золутымъ путомъ попутано.
Выйды Гандзюню за ворота,
Выпутай коныка со злота,
Выпутай коныка вороного,
Свого Пэтронька молодого.
Идэ Пэтро на коныку,
Вэзэ Гандзюню въ рутвяныку,
Идэ Пэтро, въ скрыпку грае,
А струна до струны промовляе:
„Головонька моя бидна,
Чого Гандзюня зъ лычка зблидла?
Трэба красоньки накупыты,
Гандзюни лычко накрасыты!

3. Тамъ за горою вышній садъ,
Тамъ въ парубочковъ всэнькій складъ,
Тамъ парубоньки худэлы,
Мидъ—горылоньку носылы.
А нашъ Грыцько найвэнцъ давъ,
Суби Марусю сподобавъ.

4. Ходыть боцёнъ по болоти,
Клычэ хвопци до роботы.
Боцёнъ кажэ—„заплачу“,
Хвопци кажуть—„нэ хочу“,
А по килю? по рублёвы,
Идитэ хвопци до роботы.

Сказка.

Мала соби баба хвопця; бидна була. Той хвопэць мавъ симъ литъ. Отъ вона захтила ёго оддаты до науки и пошла зъ нымъ въ дорогу. Ишла, ишла вона и сила соби на камэнёвы, такому вэлыкому; и тамъ прыйшолъ до нэи такей панъ. Вона стала ся ёго пытаты, дэбы свого хвопця отдаты до науки. Винъ ей сказавъ, жэбъ вона ёго отдала до нёго до науки и жэбъ прыйшла за нымъ бэзъ симъ литъ на тое самое мисцэ, и якъ по-

знае свого сына, то возьмэ соби, а якъ нэ познае, то винъ щэ въ нёго останэтьця на симъ литъ; а якъ въ другій и въ трэтій разъ нэ познае, то винъ въ нёго останэтьця назавждэ. Той панъ, якъ тое сказавъ, то пропавъ зъ еи сыномъ, а вона пойшла до дому. Бэзъ симъ литъ вона прыйшла на тое самое мистцэ, и до нэи прылэтило симъ пчилъ; а той панъ тамъ вжэ бувъ. Якъ вона прыйшла, то идна съ тыхъ пчилъ бзюхнула ей коло уха. Той панъ сказавъ ей: „выбырай соби съ тыхъ сэми, который твій сынъ". Но вона нэ могла познаты свого сына. Подывылася, подывылася баба и пошла до дому, а той панъ сказалъ еи, щобъ бэзъ симъ литъ прыйшла зновэнькай на тое мистцэ. Якъ вона прыйшла, то прылэтило до ней симъ голубивъ, и той панъ прыйшовъ и сказавъ ей: „выбырай соби свого сына". Якъ винъ тое сказавъ, то идэнъ голубъ подкрапався ногою по носови. Вона зновэнькай нэ познала свого сына, и тыи голубы полэтилы, а той панъ сказавъ ей: „прыходы бэзъ симъ литъ зновэнькай, и якъ вжэ тэпэръ нэ познаешъ свого сына, то винъ вжэ мій будэ". Вона моцно зажурылася, заплакала и пошла до дому. Якъ пройшло тыи симъ литъ, вона прыйшла на тое мистцэ, и тамъ зъявылося ей симъ коный, такехъ хорошихъ, и идэнъ кинь сталъ ногою драпаты по зэмли, и тэпэръ вона пойняла, що то еи сынъ, показала на нёго и взяла соби и повэла за обротку до дому. Якъ вона одвэла ёго отъ того мистця, то винъ пэрэкинувся въ чоловика, и вона зара познала свого сына. Правда, винъ змэнывся, бо вона ёго нэ бачила двайцять идэнъ рикъ, и винъ прызнався до свэи матэра.

„И шчожъ мы, мамо, будэмо робыты?" кажэ еи хвопэць: „колы мы бидныи, нычого нэ маемо". Якъ винъ тое говорывъ, то прожджели стрэлци. И винъ кажэ до свэи матэра: „я пэрэкинуся за пса и буду моцно храбрый; ты мэнэ продай, а обротку здыймы и возмы съ собою; бо якъ продашъ съ оброткою, то мэнэ бильшъ нэ обачышъ".

Вона взяла и продала ёго, а обротку взяла соби, и тыи стрэлци далы ей за нёго петдэсетъ рубливъ. Якъ одъихалы воны одъ нэи и скрылыся, то вона оглянулася назадъ и забачыла, що ей сынъ вжэ лэтыть назадъ. Прылэтивъ винъ и обэрнувся зновэнькай чоловикомъ, и пошлы воны далій. Отъ воны ишлы, ишлы дорогою и забачылы, що въ рычци купалыся дви купэцькіи дочке, и якъ купалыся, то идна згубыла пэрстэнь, котрый стоилъ сто рубливъ. Згубыла вона ёго и зачала шукаты. Шукала, шукала, алэжъ зобачыла, що идуть двое людэй. Алэжъ сынъ тэи бабуси ставъ кончэ допытыватыся, чого вона шукае. Вона ёму сказала, що пэрстэнь, а винъ сказавъ ей: „дай мэни петдэсетъ рубливъ, то я тоби здыблю ёго". Довидався о тому той панъ, що винъ въ нёго вчывся, и захтивъ ёго згубыты—и погнався за нымъ. Якъ той хвопэць почуявъ, що винъ за нымъ гонытьця, то пэрэкинувся за щупака и пойшовъ въ воду за пэрстнэмъ. Якъ жэ выйнисъ той пэрстэнь, то положывъ на кладку. Той панъ пэрэкинувъ той пэрстэнь въ просо, самъ пэрэкинувся за пивныка и сталъ тое зэрне исты, а тая купэцькая дочка идно зэрне сховала. Пивныкъ пэрэкинувся за сома и погнався за тымъ щупакомъ, гнався, гнався и вжэ наганявъ; втогды щупакъ пэрэкинувся за голуба, а самъ за сокола,—и погнався соколъ за голубомъ. Якъ воны погналыся, то тыи дочке купэцькіи пойшлы до хаты. А той соколъ гнався, гнався за тымъ голубомъ и вжэ тылю що нэ злапавъ ёго. Тогда голубъ зобачывъ, що въ иднэи хати отвороно окно. Винъ—просто въ тое окно, а тамъ якъ разъ сыдилъ въ тэи хати купэцъ той. Якъ тыи дочке забачылы того голуба, и що за нымъ гонытьця соколъ, то замкнулы окно и нэ пустылы сокола. Въ той часъ купця нэ було дома: винъ поихавъ за границю по товары. Якъ жэ той голубъ влэтивъ до дому, то пэрэкинувся зновэнькай за чоловика, и тое зэрне, що вона сховала, пэрэкинувъ въ пэрстэнь.

Тыи дочке, якъ тое зобачылы, то просылы ёго остатыся до тэи поры, покуда ихъ батько нэ прыідэ. Бэзъ

дэнь прыйшла ёго матэръ, а бэзъ нэдилю прыихавъ съ товарами и самъ купэць. А тая дочка, що згубыла пэрстэнь, полюбыла того хвопця и сказала всэ о нымъ своёму батькови. Купэцъ розговорывся съ тымъ хвопцэмъ, винъ ёму сподобався и онъ отдавъ за нёго свою дочку замужъ, зробывъ богацькое вэсиле и на тому вэсилю пылы, илы. И я тамъ бувъ, мидъ—пыво пывъ, по вусамъ тэкло, а до губы нэ достало.

Зипсалъ Конст. Нарк. Горскій.

Пос. Павлово.

1. Въ суботу въ вэчэръ
Пушла Гандзюня до броду
По зымнэньку воду;
Почула тамъ войноньку,
Вэрнулася до домоньку.
„Мамо моя руднэнькая!
Идэ до тэбэ войнонька,
Хочэ тя звоюваты,
А мэнэ молодую взяты“.
— Гандзюню молодая,
Стань соби у куточку.—
„Мамо моя руднэнькая!
И ту мэнэ пузнають
По моюй головоньцы,
По моюй русуй косоньцы“.

2. Въ суботоньку въ вэчэръ
Журылася Гандзюня,—
Вылыкій двюръ,
А малэнькій сбюръ
Мэю ся родыною.
Выйшолъ до нэи батько:
„Нэ журыся, дытетко,

Бо цо я маю,
То тоби и даю,
А долёньки нэ вгадаю."

3. Дружба коровай рыжэ,
А ёму зъ носа лизэ,—
Чы хусточкы ны мае,
Жэ носа нэ втэрае.
Нашъ дружба хорошый
Мае въ бороди вошы,
А бэзъ плэчы дорога
Провадыли ёго до рува.
Тамъ ёго дружоньки мыли,
А чэрэсломъ бороду голили,
А боронэю розчэсали,
А самы надъ нимъ заплакали.

Дружба коровай крае
Золотыстый ножыкъ мае,
Золотыстый ножыкъ мае,
А въ кэшэню ховае,
То въ жмэню, то въ кэшэню
Для жинки на вэчэру.

4. Ходыть павонька по зэлёнумъ лисы,
По зэлёнуи дубровы,
Роспустыла павино пирэ хорошо по соби.
О, нэ такъ ми жаль павиного пира,
Цомъ ёго роспустыла,
О, якъ жэ мни жаль шолковыи травы,
Цомъ іи пороныла.
Ходыть Гандзюня по новыхъ синёхъ
И по новэнькуй коморы
И роспустыла русую косу хорошэнько по соби.
Нэ такъ жэ мни жаль русэи косы,
Цомъ іи роспустыла,
О, якъ жэ мни жаль своёго батэнька,
Цомъ ёго засмутыла.

5. Зэлёная рутонько, жолтый квитъ,
Цы тоби, Ясюню, купа литъ?
Цы я тоби хусточки нэ вшыла,
А чы я тоби выночка не ввыла?
Шыламъ тоби хусточку пры свиццы,
А ввыламъ тоби выночокъ пры зоры,
Пысаламъ бы листоньки,—нэ вмію,
Послала бымъ батэнька,—нэ смію.

6. Отчынитэ-но, егомость, ворота,
Бо нэсэмо вынокъ зъ золота;
А нашъ выночокъ рогатый,
А нашъ егомость богатый;
А нашъ выночокъ на колокъ,
А намъ бочку выпа на столокъ.
А у нашого егомостя золотый пасъ,
Выжалъ жытко въ добрый часъ.
Зарижтэ намъ егомость индыка,
И жэбы гр ла музыка,
Зарижтэ, пани, качора,
Алэ зарасъ зъ вэчора.

Записалъ П. Чайковскій.

С. Депултычи.

1. Ой, у саду, у саду
Солодэнькіи вышни,
Дай жэ, Божэ, чоловика
До моеи мысли:
Щобъ тютюну нэ курывъ
И табаки нэ нюхавъ,
Чужыхъ жонокъ нэ любывъ,
Тылько мэнэ слухавъ.
Ой, у саду, у саду
Трава зэлэнэнька,
Ой, за добрымъ чиловикомъ
Жинка молодэнька.

Ой, у саду, у саду
Трава посыхае,
Ой, за лыхимъ чиловикомъ
Жинка пропадае.

2. Ой, прыихала дивчына
Зъ далэкой дорогы,
Еи батэнько вытае,
Доброго слова пытае:
„Ой, вытай, вытай,
Нашэ дытятко,
Дэ жъ сь-си забавыло?“
— Гуляламъ, батэньку, въ цэрковци
Пэрэдъ трома образамы,
Прысигаламъ, батэньку, Богу
И своему мылому.

3. Ой, зить ся намъ стэлеть
По-за дворомъ—хмэломъ,
На двори—барвынкомъ,
А въ синяхъ васылькомъ,
А за тэсовымъ столомъ—
Яснэнькимъ соколомъ.

4. Выйдэ, свэкорку, зобачъ,
Насъ до свитлоньки провадь,
До свитлоньки простэнько,
Дай намъ, Господь, гораздэнько.
Прывэзлы мы корыстоньку:
Молодую нэвистоньку,
Маемъ выно зэлэнэнькое,
Маемъ пыво солодэнькое,
Маемъ хлибъ: закусымо,
Васъ ничого нэ просымо.

5. Наихали гости
Съ чужой маетности
До мэду, вына пыты,

Дивчыны намавлиты:
„Идь, дивчыно, зъ намы,
Въ нашую сторонку,
У насъ горы золотыи,
А рычэньки мэдыныи“.
Учула тое зазулэнька
И на квитоньци сила:
„Нэ слухай, дивчыно,
Людской намовы:
Бо я всэнъ свитъ злэтала;
Всюду горы зэмляныи,
И рычэньки водяныи“.

Записалъ *Ю. Ю. Попель.*

Дер. Волковяны (Дырэвня Укувáны).

Хумэкъ Прыступа и дурнэй.

Въ нашумъ сыли бувъ пужэлый спударъ; называвсе винъ Хумэкъ Прыступа. Въ нёго парубокъ якъ служыть и гниваице за що, то винъ зара нысъ врызуе. Въ тымъ сыли идэнъ чулувикъ мавъ трэ сынэ—два мудрыхъ, а идэнъ дурнэй. Идэнъ мудрый пушовъ на службу ду Хумыка Прыступы, а винъ иму кажэ: „Якъ будышъ гниватысе, то я нысъ врыжу“. Парубокъ кажэ: „Я ны буду гниватысе, абэсь носа ны врызавъ“.

Мулотыть парубокъ идэнъ дэнь, другій. Гуспударъ дае исты, на трэтій дэнь вжя ны давъ. Въ вэчуры прышовъ Прыступа ду парубка и пытаице иго: „Ны гниваисьсе?“ Парубокъ кажэ: „Якъ жэ ны гниватысе, киды исты ны даешъ!“.

Хумэкъ Прыступа нысъ врызавъ, и парубокъ пушовъ ду дому бызъ носа. Пушовъ другій мудрый сэнъ и кажэ: „Я иму, бисувуму сэнови, утплачу“.

Но и иму Прыступа врызавъ нысъ за тое, жи гнивавсе.

Дурнэй скочывъ съ пэца и кажэ: „Я иму, бисувуму сэнови утплачу и два нусэ прынысу“.

Пушовъ винъ ду Хумыка Прыступы и найневсе ду тэл пурэ, пикій зузуля закуе.

Мулотыть винъ идэнъ дэнь, другій; спударъ исты дае, а на трэтій дэнь вжя ны давъ. Дурнэй взевъ пшинэци, занисъ ду жэда и набравъ булокъ. Прыходыть гуспударъ и пытаице: „Ны гниваисьсе?“ Винъ кажэ: „Нѣ“. Гуспударъ прышовъ знову и питаице: „Дэ пшинэце? А дурнэй кажэ: „Я зъивъ“. Гуспударъ кажэ иму: „Вжя тэ ны будышъ мулутэты, бо пшинэцю исэ, а жинэ тэ бэдло пасты“. Дурнэй пугнавъ бэдло, но хлиба иму ны далэ. Винъ здэбавсе съ купцема и кажэ: „Купитэ суби бэдло, но идну курову мини уставтэ— найстарійшую“. Бэдло прудавъ, хлиба купэвъ, а старую курову прывязавъ за хвистъ ду парушляка и самъ прышовъ на пудвире и траскае батугомъ. Гуспударъ казавъ, жибэ гуспудэня пумугла загнаты бэдло ду хлива. Вуна вэйшла и кажэ: „Дэ тэ бэдло пудивъ?“. А винъ кажэ: „Шось бэдлови зрубэлосе, и я идну но курову злапавъ и ду парушляка прывязавъ“. Гуспудары кажуть иму, жибэ пуказавъ, дэ тая курова, но винъ кажэ: „Я и такъ налэтавсе“. Но потомъ пушовъ и пуказавъ.

На другій дэнь дурному казалы гнаты свэны па пашу. Винъ пугнавъ. На дурози здэбавсе съ купцема и кажуть вунэ иму: „Прудай намъ свэны“. А винъ кажэ: „Я прудамъ, но тылько мини хвустэ пуудризуйтэ“. Вунэ купэлы свэны, хвустэ пуудризувалы и пушлэ. А дурнэй взевъ хвустэ, пувсажувавъ хвустэ въ булото и пушовъ ду госпударэ. Юго пытаюце: „Дэ свэны?“ Дурнэй кажэ: „Путупэлысе въ булоти, тылько иднэ хвустэ выглядають“. Гуспударъ кажэ: „Шо-шъ тэ мини нарубэвъ! Йдэ, пукажэ, дэ вунэ застрэклы, то я можэ встягну“. Но дурнэй кажэ: „Идитэ ду сусида, пувдягайтэся въ нувэи кожухи, то можэ вэтягнытэ“. Прыступа такъ зрубэвъ. Зайшовъ винъ съ сусидомъ ду булота и давай тягнуты свэны за хвустэ. Шо гозьмуть за хвистъ, то

впадуть въ булото и такъ пумуралы се, якъ чуртэ. Пушлэ ду дому бизъ свынэй.

Дурнэй и питаице гуспударэ: „Гуспударэ, ви—тэ ны гниваитысе?“ А гуспударъ буявсэ, жибэ дурнэй носа ны врызавъ и кажэ: „Нѣ“.

Дурному ны малы шо зрубэты и кажуть: „Йдэ на полэ гураты вуламы и гурэ туда, куда будэ лэтаты сука—Питрушка“. Дурнэй пушовъ; гуравъ, гуравъ, пупулуднявъ и знову гурэ, а Питрусцы ны давъ исты. Въ вэчуры винъ пушовъ зъ вуламы до дому, а Питрушка пираскочила бизъ плытъ ду стэрва, жибэ пуживэтысе. Дурнэй пуризавъ вулэ, пупирикидавъ за плытъ и пушовъ ду дому. Гуспударъ питаице, дэ вулэ, а винъ кажэ: „Я гуравъ, гуравъ, куда лэтала Питрушка, а якъ пырыскочила за плытъ, то я пурубавъ вулэ и пупырыкидавъ за плытъ“. Гуспудары забралы вулэ и зрубэлы такей баль. Самэ пушлэ сзываты густэй, а дурному казалы вкэнуты Питрушки въ кутэлъ, дэ варэлосе мнесо зъ вулывъ. Дурнэй заклэкавъ суку—Питрушку, звязавъ вси штэры ноги и вкэнувъ въ кутэлъ. Госты прышлэ на баль, а гуспударъ кажэ дурному ныстэ мнесо на стылъ, но винъ ны хтивъ. Вунэ пудывэлысе, а въ кутлови е сука зварана. Дурнэй кажэ: „казалысьтэ вкэнуты Питрушку, то я вкэнувъ“. Госты пушлэ ду дому. Якъ вжэ добрэ дуивъ дурнэй Хумыковы, то винъ казавъ жинце влисты на грушу и куваты, жибэ дурнэй пушовъ. Гуспудэня такъ зрубэла. Дурнэй злапавъ фузыю, застрылывъ и кажэ гуспударови: „А-га-га, якую я зузулю забэвъ, такая рэхтыкъ, якъ наша гуспудэня“. Гуспударъ кажэ: „На шо тэ забэвъ гуспудэню?“ А дурнэй кажэ: „Я гуспудэни ны бэвъ, но зузулю; алэ ны гниваитысе?“ О, якъ жэ ны гниватысе: всэ стратывъ и гуспудэню забэвъ! и щэ ны гнивайсе!“ Дурнэй врызавъ нысъ Прыступы, гуспудэни и пушовъ зъ грышмы и нусамы ду дому.

Записалъ Дм. Андр. Ґочнякъ.

Грубешовскій уѣздъ.

С. Степанковице.

Идэнъ разъ шлы дурогою дидъ зъ бабой и сталы доходыты до сэла. Дидъ сказавъ: „Я тутай мулука попрушу". А баба сказала: „Я въ мулуко хлиба накрошу". Дидъ злапавъ бабу и давай быты, прыговарыватъ: „Нэ крушы хлиба въ мулуко, бу скэснэ". Прышлы ду сэла, а мулука ныхто ны давъ.

Пукирное тыле дви куровы ссэ.
Бэзъ Бога ны ду пурога.

Записалъ В. Л. Ваксенбургъ.

С. Сагрынь.

Прибаутка при выпивкѣ:

„Якъ тэ си звэшъ?"
— Вукувита.
„Съ чогу тэ?"
— Съ жыта.
„А пашпортъ маешъ?"
— Нэма.
„Вотъ тыби тюрма!" (пьетъ водку).

Записалъ Іос. Ив. Шикула.

С. Слипче.

1. Идэ Касюня за тысовый стилъ, плачэ,
А матёнка рожоньку вспомынае.
„Вжэ тоби, донэньку, роженька проквытае,
Зэлэный барвинокъ садокъ устылае".
— Вжэ мэни рожоньки нэ щыпаты,
Въ зэлэному барвинкови нэ буваты.

Идэнъ я соби зъ ярои руты вплила“
И на посадзи сидае.

2. Застучилы кованые возы по билому камэню,
А Касюня ходыть, ручэньки ломыть:
„Всэ жъ бы то по мэнэ прыихалы, по мэнэ.
Сховай жъ ты, мій батэньку,
За стилъ тысовый, за убрусъ ляный,
Подъ вынокъ барвинковый“.

3. Ходыть павонька рабопира
Въ зэлэнои дэмбровы,
Роспустыла рабое пирэ
По соби хорошэнько.
„Нэ зель мэни мого пира,
Щомъ ёго роспустыла,
Тылько мэни зель свои матёнки,
Щомъ и засмутыла“.
Вжэ тоби, Касюню, винчане близэсэнько,
Кланяйся, Касюню, ныззэсэнько.
Нэ плэсты косоньки росоньки въ ванцюшки,
Готуй суби ручнычокъ пидъ ножкэ.

4. Въ нэдилю рано сынее морэ грае,
Гандзюня батэнька поджыдае.
Гандзюня тапае,
Батэнька пужадае.
„Батэньку мій риднэнькій,
Ратуй, ратуй жэ мэнэ,
Донэньку риднэньку“.
„Я вжэ тэбэ нэ вратую,
Бу мора нэ згрунтую.
Якъ нэбо высокое,
Такъ морэ глубокое“.

5. Дэ си подила молода Гандзюня зъ хаты?
Пишла вона за воротэчка батэнька выгледаты.
Нэ ручокъ, нэ два,—батэнька нэма.
Чесъ на посагъ сидаты

„Казаламъ туби, ридня матёнку,
Нэ купай гридки, нэ сій рутки
Ярои, зэлэнои,—
Нэ буду пудлыватыˮ.

Седь на мыснычку,
Седь суби въ крислычку,
Зачыпы чэрвоного
Отъ книзя молодого.
Гандзюнинъ братійку татарынъ,
Продавъ свою сэстрыноньку за талеръ,
Косоньку росоньку за шостакъ,
Румяное лычэнько будэ й такъ.

Записалъ М. Я. Лотоцкій.

С. Подгорцы.

Ой лытила зозулэнька, зачела куваты:
„Почэкайтэ, добры люды, щось маю сказаты.
Ой, якъ гаи зашумилы, я си забавыла,
Силамъ суби спочываты, бачу—чуда, дыва:
Свободонька паньщыноньку прэдъ собою гнала,
Загнала и въ лиса, въ дэбра, щобы тамъ пропала.
А за нэю паны-ляхи вси идуть въ погоню:
„Выртай, выртай, паньщынонько, выртайся до дому“,
Паньщынонька одказала: „Я тому ны вынна,
Самысьты ми одыгналы, я вамъ була вирна.
Нагонылы паньщыноньку на новому мости:
„Выртай, выртай, паньщынонько, выртайся хоть въ гости“.
Паньщынонька удказала: „Я тому ны вынна“ и т. д.
А въ вивторокъ и въ вивторокъ пэрэстала быты;
Клычуть людый до роботы, ны хочуть ходыты.
А въ вивторокъ и въ вивторокъ паньщынонька встала
И всимъ ляхамъ-окомонамъ руки повязала.
А вжэ и той пишовъ въ кутъ,

Що за нами носывъ прутъ,
Вжэ и тыи поконалы,
Що насъ прутомъ потягалы.
Стоять жорна въ двори дурно: нykому крутыты,
Въ пóли просо и картофыль,—ныма що варыты.
А вжэ ячминь похилывся, и грэчка посьпила,
Якъ бы була паньщынонька, вжэ бъ си й каша ила.
Ой сыдилы паны въ Варшавоньци и въ скрыпоньки гралы,
Якъ имъ люды куры, яйця и каплуны готовалы;
А якъ прыйшлось самымъ панамъ куры и каплуны готоваты,
То вжэ курый и каплуновъ въ сьвити ны выдаты.
Помолимся, братья, Богу, за Цара й Царыцю,
Що зарылы паньщыноньку на суху граныцю.

Записалъ В. И. Величко.

Бѣлгорайскій уѣздъ.

Пос. Тарногродъ.

Згудывся цыганскій сынъ въ гуспудара за паринка, а витэцъ цыгана такъ сказавъ гуспударови: „Мій гуспударэйку! я тя прошу, жэбысь ду роботы муёго сынка ни дуганявъ, а исты якъ ни зохцэ, то бій добрэ“. Гуспударъ пувивъ: „добрэ! цо самъ буду ивъ, то и иму дамъ“. Ну, была згода. Гуспударъ зарасъ набравъ зъ бочкы сурвои капусты и дае цыганови исты, а цыганъ ни можэ исты и пувидавъ: „нэхцэ ми ся; дякую вамъ, гуспударэйку“. А гуспударъ—за гарапу и бье ёго. Цыганыско мусыть исты. Но пры нимъ жэ и гуспударъ змурывся, бу якъ госпося наварыла кашы гуспударови, то и цыганъ зарасъ въ тымъ спильныкомъ, а схуватыся пэрэдъ нымъ ни можэ, бу цыганъ всэ пильнуе гуспударa. Едэнъ расъ, якъ цыганъ вснувъ на пэцу въ ночы, то госпося нагутовала кашы для гуспудара. Якъ ся

каша гутовала, то палькутила голусьно, яшъ цыганъ прыбудывся и пытатся госпоcи: „госпось, цо вы гутуетэ?“— Я, пувидатъ, воду гутую порткы мучыты. А цыганъ съ пэца и крычитъ: „То, то, то, ладнысьтэ, госпось, за то, бу и я порткы мавъ, то суби намочу“,—и тягнэ ихъ тутай въ банякъ; въ ритку кашу впакувавъ и гадатъ: „Ой то, госпось, на щастя моимъ порткамъ добра вамъ ся зола вдала, прыгуста“. А госпося сы пувила: „Бодай тя смэрть загрызла исъ твоими портками“. Вуна того ни знала, жэ цыганъ съ пэца всё выдивъ, цо ся рубило съ тымъ всимъ. То естъ пэрша штука. А другымъ разомъ госпударъ пыдъ пустэлю влисъ въ ночы и сурву морковъ грысъ, а цыганъ—съ пэца и за дрэвко и давай быты ёго и крычитъ: „Госпось! пурусята морковъ идятъ“. А гуспударъ бидный яшъ ся струсивъ: „Ни бій ма, бу ту я!“ А цыганъ крычитъ: „Ага, пшыпрашамъ!“ „Вотъ бида!“—гадатъ гусподаръ и хтивъ цыгана выдыгнаты, но вынъ нэ хцэ втикаты. И казавъ гусподаръ цыганови листы на дрэво уптяты панугу. Цыганъ пулисъ и сивъ на тую панугу, кутру уптинавъ, а пудружный чловикъ гидэ дорогомъ и пувидавъ цыганови: „Ты, глупый, впадэшъ съ галузёмъ“. А винъ ни вирывъ иму и крычитъ: „Цихо ты, свыня!“ а самъ съ галузёмъ—бахъ на зэмлю. Насылу встанувъ и давай за хлопомъ лэтиты и просытъ ёго: „съ тэбэ—пророкъ: кеды ты знавъ, жэ я впаду, то ты и знаешъ, кеды я вмру“. А хлопъ гадавъ: „фтэды вмрэшъ, якъ будэшъ мавъ кулина зимны“. И пишлы пу своимъ дурогамъ. Цыганъ всё мацятъ пу кулинахъ, цы тэплы. Дальшэ дурогомъ тра было парыхудиты бызъ воду. Парыщовъ цыганъ и мацятся пу кулинамъ, а кулина зимны; и знае, жэ юшъ вмрэ. А жэбы пу смэрти ни илы псы иго тила, то винъ самъ хтивъ суби яму вырыты и прэнтко дулэтивъ ду сэла и проситъ мужыка рыля. Мужыкъ давъ му рыля, и цыганъ зачавъ купаты въ рови яму, а зэмлю митавъ на густинэцъ. Глыбоку яму выбравъ, жэ го ни видно было. Въ тонъ часъ надъихавъ панъ въ шисть коній, и кони му ся сплохалы. По-

томъ панъ съ фирманомъ якъ зачалы биты цыгана, забилы и закупалы. Тамъ ся пузлиталы гусподаръ съ госпосемъ того нибищичэнка, цилувалы за тую ласку пана въ рукы.

1. Тамъ на дубу, на дубочку
Пушіявъ сы кузакъ рэчку (= грэчку),
А якъ пашлы шары буры
Кузакови рэчку здулы.

2. Ой, я тиби муляла, мій милый Стэфанэ,
Ни мигай ты кули мэнэ, бу шя бида станэ.

3. Якъ я была мулудая, то я была щыра:
Я пасла куровы за кавалокъ сыра.

4. Ишовъ кузакъ зъ убразами
И ступивъ сы ду Ганзоли:
„Ты, Ганзоля, ни будь така,
Прыдай сыра за труяка“.

5. Ву нашои пупади тры кутасы на зади;
Якъ шя прыйдэ гуляты, е шя чого трыматы.

6. Гишлы дивкы съ Куруливкы
Рамэнами рушаютъ.
Людэ мышлятъ, жы шя пышнятъ,
А ихъ пхлы кусаютъ.

7. Вой татуню, мамуню,
Викномъ мускаль лизэ!
Та ни бійся, цуруню,
Винъ тя ни зарижэ!

Записалъ Н. А. Черлюнчакевичъ.

С. Бища.

Подъихалы пыдъ га́нокъ. Въ викнахъ сьвитылося ясно; зъ двирэй вышлы чимъ прэндзы локаи; двое пидскочилы до кони и зыбрали ихъ пыдъ лицкы. Едэнъ пыдбигъ и хтивъ помогты выйты зъ санэй пану. Еднаково панъ не выходывъ и сыдивъ такъ, якъ и впэ́ридъ, кеды подъижжалы пыдъ ганокъ. Локаи стоялы и дывылыся. Фирманъ сыло разъ покрутывъ голово́, накунэць павэрнувся до своего пана: „Цы винъ вснувъ?“— заморкотавъ винъ соби пыдъ носомъ: „трэба збудыты ёго“. Слуги подывылыся едэнъ на другого и накунэць едэнъ зъ нихъ нагнувся до пана и сказавъ: „про́шу яснэ́го пана, прыихалы вжэ“. Панъ мовчавъ. Зъ двирэй покоивъ вышлы е́щэ килёро людэй; кони грабалы землю купы́тами. Фирманъ ны видивъ, злазыты ему, цы ни. Накунэць старшый зъ локаивъ, Матвій, взявъ за плечы пана, по якъ тылько дотыкнувся до плечы, заразъ пыдскочивъ зъ ляку и сказавъ: „Э! винъ пэвне вмэръ!“.

Сообщилъ А. Г. Николинъ.

Томашовскій уѣздъ.

С. Потуржинъ.

1. Якъ кумъ до кумы залыцевси,
Кунупэль пусіяты обицевси,
И сіявъ, прысивавъ, прысиваючы казавъ:
„Хто бъ тэбэ полюбивъ, якъ нэ я”.
Якъ кумъ до кумы залыцевси,
Полоть сулупыны обицевси:
Ты, кума, ты, душа, хороша,
Хто бъ туби прынисъ,
Щобъ нэ я.

2. Ой, за Дунаемъ кони сывы и вороныи,
Сывы и вороныи, звэрха шовкомъ покрытыи.
Ой, кумужъ то плынуты,
Сывы кони завэрнуты:
Старостоньци плынуты,
Статочному плынуты,
Сывы кони завэрнуты.
Старостонька думіи,
Статочный думіи,
Жэ плынуты ны вміи.
Мовы до нэго сванэнька,
Мовы до нэго статочнэнька:
„Нэ журыся, старостонько, нэ журыся,
Я глену и пидглену,
Сывы кони завэрну“.

3. Ай, по-пидъ гаемъ, гаемъ вугни гореть,
А всё тэрновы́и,
А коло тыхъ вугнивъ стулы стоеть,
Та всё тэсовы́и.
А коло тыхъ стуливъ ковальчыки сыдеть,
Та всё молодыи,
Та кують кони пидъ старостоньку,
Та всё вороныи.

Записалъ М. М. Занько.

С. Шлятинъ.

1. Я (= й а) въ гуроди—городэйку
Чіи то воротэйка?
Нашо́го пана Крыли,
Що поихавъ на Подили.
„А що вы намъ даруетэ́?“
— Даруемо́ зэрнято́чко
И крайнёе дытято́чко.

„А въ чимъ тое дытятóчко,
А въ чимъ тое зырнятóчко?“
— Въ хустыньци малёвáнуй,
Въ сукманыньци жычкувáнуй.
„Выйду я сэ на гаюйку,
Клычуть мэ́нэ до домоньку”.
— А чòго, мамонэнько,
Чóго зэзулэнько?
„Маешъ гостя, донянэнько,
Маешъ гостя зэзулэнько”.
— Якій мамунэнько, якій зозулэнько?
„Хочуть тэбэ людэ взяты,
Хочуть замижъ даты”.
— За кóго, мамонэнько,
За кóго зэзулэнько?
„За мазуре”.
Нэ мій мужъ, мамонэнько и т. д.

2. Королэику Мыхалэнэньку,
Красная Касинэнька!
Пи́ду я до свэи Касинэньки,
На расплытанойки.
За косыйкамы квиты,—
Не можэ си на нюю надывыты.
Краснынькая наша Касинэнька,
Тэразъ такая мыла!
Твое лычэнько чырвонэнькóе
Зацвэло, якъ калына.
Пишла Касинэнька до своёго городэйка,
Рыже барви́нокъ соби на ви́нокъ,
На свою головэ́ньку.
Ой винку, винку, зэлэный барвинку,
Наробывъ есь мыни жалю,
Ой, не такъ мыни, якъ моюй мамунэньци.
Цы ты, Касюню, кныгэнька,
Цы мисьцькая паненка?
Чого ты сы́дышъ,
Чого се пышнэшъ,

Чого нэ просышъ дивойкивъ до вычэры?
Якъ я нэ маю сыдиты,
Якъ сы нэ маю пышныты,
Маю жъ бо я свого батэнька:
Винъ ихъ попросыть.

Записалъ свящ. И. И. Ярошевичъ.

С. Тыпинъ.

1. Была мынэ маты бырэзовымъ прутомъ,
Жыбымъ нэ ходыла съ такимъ баламутомъ.

2. За городомъ сино въ копыцю си ссило,
Та вжэ мое закохане до вобиду сило.
Сило воно, сило, нэхай обидае,
А вжэ мэнэ молодую на сэрдэйку мае.
Выдиламъ въ сырэ́ду, якъ гналы чэрэду,
Нэ сьмиламъ си запытаты,
Бо стояла маты.
Маты старэйкая въ вуротцёхъ стояла,
На мэнэ молодую зъ вока поглядала.
Мылый мий, мылый, глень на мою вроду,
Той мисиць наясьнійшый наставъ на погоду.
Мыла моя, мыла, то жись ми зацьвила,
Якъ та въ лиси ягидка, чэрвона калына.
Знать ты мынэ, мамо, въ барвынку купала,
Жы ты мини молодэнькій долю прылаяла,
Втуды я ти долю прылаяла, доню —
Жытомъ ишла, тыбэмъ нэсла тай воды набрала.
Было мэнэ, мамо, й-а въ полы нэ браты,
Было мэни молодэйкій доли нэ лялты.
Тыпэръ будэ мама пшэнычэйку мала,
А я тыпэръ на вики прыпала.

3. Пу-надъ лисомъ зэлэнэйкимъ
Брала дивка лёнъ друбнэйкій,

Брала, брала и стылыла,
Ду тыхого Дунаейка говорыла:
„Ты, Дунаю, чыста вода,
Кому я си достану молóда:
Цы попови, цы дякови—суды Божэ,
За лайдака,—нэ дай Божэ.

4. Бэрэгомъ вышни рослы,
Куда жэньци ишлы,
Вколу, винойку, вколу будэмъ си колувалы,
Жытонька дожыналы.
Нашъ мисяць рожэйку,
Сьвиты намъ дорожэйку,
Жэбысь мы нэ зблудылы,
Винойка нэ згубылы.
Точиси, винойку, точиси
Бытою дорогою до самого покою.
Воришку зэлэнэйкій, нашъ панъ молодэйкій,
Добру долейку мае, рапэйко обжынае—
Ны рано, ны пизнэйко, въ самои полуднэйку;
Наши панны ны пышны,
На пидганокъ выйшлы,
Ключыкомъ зазвонылы,
Жы въ полю обробылы.

Въ вылыку петныцю—роса, ны чэпыси на лоньци коса.
На св. Яна дощи плющеть, вурихи си нэ лущеть.
На Благовищене нэ лай и саный нэ ховай.
На Шимона Юды сподиватыся снигу й груды.

Записалъ Триф. Ив. Кондрацкій.

С. Переспа.

Сказка (не то былъ).

Бы́ло то на ве́сну. Пувынуси́ли бабы пулотна білити пидъ ріку, тай ідна кажы: „но! тира́сь треба сі

добры пильнувати,—бу то сі здыби такій, щу й спріечы!"—„Э, що тамъ.....! въ мени ницъ ни згіни",—такъ сі тамъ хвали ідна старушка: „хто ду могу пулутна руку вытігни, такъ му и всохни". Но али що-жъ то хвальба? То вжа завшы ни то, що? Го, го, го! кіеды вуна сі хвали?! Людиска навитъ вуно і віритъ, али де ту..... Бывалу, замувліеі въ сусиды кровъ, а субі, за пузвулінімъ, якъ ту кажутъ, навитъ і носа втерти ни можы. Али жъ ну пурузстелювали вуны тыі нибы пулотна; такі навитъ і тая старушка,—сіла вуна субі пидъ плутомъ, мови пацірь і выглідаі съ заплота. А были въ насъ втоды мускали (чы нѣ? али знать такі мускалі, о такъ, якъ я,—мускалі? кузакі, чы ща можы драгуны?) Досить, жы йшло въ тонъ чесъ два мускалі. Можы имъ тра былу внучокъ, а можы і но такъ, на збыткі, бу то руспуста!..... Али захтіли вуны тоі пулутно спріетаты. „Слушай, туварышъ",—кажы ідэнъ: „схувайсі въ курчехъ и выглідай,—добры дивисі, а я пиду ду бабушки.... Рузуміішъ?...." На тымъ сі й сталу. Пидходи мускаль ду старушкі. „Здравствуй, старушка". А? „Здравствуй, гувору", кажы мускаль. А, здрасту тубі, здрасту. Куда такъ? кажы баба. „Маю діла пу начальстві: ту тоі, ту сіоі".—Ду начальника?! Но, тажы то, якъ ту кажутъ, гулувы ны зытнутъ. Али.... „А я, бабушка, ду тебі съ запросумъ. Ты, бачу, кубіта статочная, скажы! а бачъ (понизивъ голосъ), мы спорыму: ідны кажутъ, що у насъ въ Россіи ни такъ звонятъ, якъ у васъ; а я кажу, щу всіо ідно. Такъ скажы жъ: „правда туму, чы, можы, ні?—Абожъ ни всіо ідно? тажы і въ насъ звоны, а ни гурщки? „То-то. А зазвуника, бабушка, якъ пу вашуму?—Пу нашуму?.... гм..... пу нашуму такъ: дзіень-дзіелень, дзіень-дзіелень, бомъ!.... „А! ту ни виликая ружниця; такъ і въ насъ, но ни такъ хутку". На той чесъ мускаль махнувъ рукою ду мускаліе, а самъ звони: „ти-ни, ти-ни, потягивай, на бабушку поглядывай". Баба сі загапила на мускаліе та й слухаі, а другій мускаль вжа добры пулутно стігнувъ.

Кінчывъ мускаль, а старая кажы: „Но, но, ту добры въ васъ звонятъ, можна сі досить насьміяти".—Ха, ха, ха!....

— А вотъ ужо такъ досыта наплачышся. Прощай, бабушка! „Нехъ Богъ пруваді!" Вжа ту й вечыръ. Рахуі каждая баба свуе нибы ту пулутно, рахуі муя баба і свуе,—ідногу нима! Тожъ ту вуна плакала, лямэнтувала!....

Ду того чесу спуминаі мускаліе: „Добры, кажы, сказавъ мускаль: наплачышъсі, бабу́шка, дусы́тя!

Примѣчаніе. Записыватель держался слѣдующихъ правилъ относительно правописанія: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ произношеніи слышится звукъ *ы* и *э*, употребляются соотвѣтствующія имъ буквы русскаго алфавита—*ы* и *э;* но гдѣ слышится звукъ неопредѣленный, тамъ, для обозначенія звука, средняго между *э* и *е*, пишется *е*, а для обозначенія звука, средняго между *ы* и *и*, пишется *и;* для обозначенія же мягкихъ звуковъ *и* и *е*—употребляются: для перваго—*і*, для послѣдняго—*іе* (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ, „по требованію грамматики", нужно писать *ѣ*, которое пишется для обозначенія мягкаго *е* и въ выговорѣ нисколько не отличается отъ *іе*).

Получено отъ о. настоятеля переспинскаго православнаго прихода при отношеніи за № 30.

Нѣсколько метрическихъ записей прихода Успенской церкви въ Щебрешинѣ.

Року ҂ахнѯ мцѝ ѡ Февруарии.

Окрестилемъ сына на імѧ Грегорій ѿ родителей Елиаша и Анны Тарабарскихъ.

Восприемники были: Іоанъ Липчинскій з Марианною Даниловѣчовною.

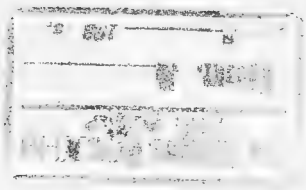
Року ҂ахнѯ мцѝ кд Іуни. Окрещенна цорка на імѧ Марианна ѿ родителей Грегорія и Параскевіи Дорошевичъ.

Рокъ ҂ахоѳ мцⷭ Новеⷭ. Преставися рабъ Божїй.... Лѣпчински, кватермѣстръ ѿ житиꙗ сего до буѿїй вѣкꙋ. Погребенъ на цвинтарї при церквѣ Щебреской парохиалной.

Лѣто ҂ахѳм. Мсцъ Февралъ.

Аз Андрей Карпѣнскѣй ѡфециалъ Холскѣй Е. Протоп. и парох Щебрескѣй далемъ шлюбъ Михаилу Лѣвчинскому с девицею Анною съ Ходачниковною. Свѣдкове того акту: Василии Вробелъ, Варвара Секрецка и Гаврыилъ Лѣвчикъ и проч.

Сообщилъ свящ. О. Т. Трачъ.



ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
21	1—снизу	Вльна	Вильна
39	18—сверху	Недошевъ	Недешевъ
70	2—снизу	отмѣченовъ	отмѣчено въ
VI	10—сверху	молодэіи	молодэи